

Н. А. Башев

ПОВЕСТЬ О РЫЖЕМ КОНЕ

Повесть, рассказы, стихи, басни, пародии

Кемерово
АИ «Кузбассвузиздат»
2019

ББК 84(2Рос-Рус)
Б33

Башев Н. А.

Б33 Повесть о рыжем коне: Повесть, рассказы, стихи, басни, пародии / Н. А. Башев. – Кемерово: АИ «Кузбассвуиздат», 2019. – 371 с.

ISBN 978-5-202-01450-5

ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 978-5-202-01450-5

© Башев Н. А., 2019

© Оформление.

ООО «АИ Кузбассвуиздат», 2019

A handwritten signature in purple ink, written in a cursive style. The signature is slanted and consists of several overlapping, fluid strokes. It is positioned below the portrait.

Николай Алексеевич БАШЕВ родился в деревне Ольговке Яйского района Кемеровской области. Окончил Мариинский сельскохозяйственный техникум, Новосибирский государственный аграрный институт.

Работал ветеринарным врачом, главным зоотехником, заместителем директора по производству, директором в хозяйствах Кемеровской области, директором Дома культуры села Колмогорова. Избирался секретарём Яшкинского райкома коммунистической партии, народным депутатом Советского Союза, главой поселения. В настоящее время – пенсионер.

Первое стихотворение – «Речке Яе» – написал в 1972 году, первую басню – «Я и Мы» – в 1980 году.

В 2011 году издан первый сборник стихов и басен «Разговор с богом».

В 2012 году издан сборник стихов и басен «Откровение». Оба сборника отпечатаны в Кемеровской областной научной библиотеке им. В. Д. Фёдорова.

В 2013 году издан сборник стихов и басен «И это время со мной...».

В 2015 году издан сборник «Басни».

В 2016 году издан сборник стихов и басен «Про жизнь». Книга издана по лицензии Кемеровского областного отделения «Союз писателей Кузбасса» общественной организации «Союз писателей России».

В 2018 году издан сборник «Эпоха аритмии», в который вошли стихи, басни, эпиграммы, пародии и проза. Впервые написана сатирическая повесть – «Похождения Петра Петровича Неугомонного», которая не осталась без внимания читателей и в 2019 году была напечатана в юбилейном (к 70-летию) номере журнала «Огни Кузбасса».

Николай Алексеевич является соавтором сборника стихов «А память прошлое хранит», который издан ко Дню Победы в 2012 году. Сборник назван по строке его стихотворения.

Произведения Николая Башева печатаются в журнале «Огни Кузбасса», альманахе «Содружество» яшкинской студии «Светлица», а также в местных газетах: «Яшкино» и «Яшкинский вестник».

Член Союза писателей России.

Награждён медалями: «За долголетний добросовестный труд», «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения» (Указ Президента Российской Федерации, 2002 год), «За особый вклад в развитие Кузбасса», «За служение Кузбассу», «70 лет Кемеровской области», «За заслуги» (от Яшкинского района) и другими. Ветеран труда.

РЫЖИК

Повесть о рыжем коне

*Родом я вот из этой деревни,
По всему видно, тут и умфу;
Поклонюсь, благодарный, деревьям,
Терпеливо учившим добру...*

*...Попрощаться ни с кем не забуду,
Вспомню каждого в милом краю.
Попрошу их: «Хорошие люди,
Берегите деревню мою».*

Анатолий Иленко

1

Весна. Изумительное время года! Особенно её вторая половина. Когда измученная за зиму морозами земля окончательно освобождается не только от снегов, но и от воды, обильно покрывающей её после таяния этих самых снегов, от накопившихся за зиму нечистот и покрывается невероятной красоты ковром из молоденьких всходов разнотравья. Ласкают глаз яркими красками соцветия, разбросанные на взгорках и полянах, нежные хрупкие цветочки. Берёзовые листочки, только что распутившиеся, ещё не освободившиеся от первородной смолы, вздрагивают от налетевшего ветерка, не издавая звука.

Всё в природе устремляется к жизни, воле и любви. Всякая животина: зверушка, птаха, насекомое – стремится скорее выбежать, вылететь, выползти из своего укрытия в поисках любви и воли.

Всем этим невероятно обильно насыщен весенний воздух, и где бы ни находилось живое существо, ему не удастся избежать благотворного влияния этого чуда природы. Оно везде проникает с ветром, с дождём, с солнечными лучами.

Вот и красавец племенной жеребец, по кличке Янтарь, выведенный в вольер на прогулку, расширив ноздри, всей грудью хватил этого тревожного, возбуждающего чуда. Подняв высоко голову, протяжно заржал и, чего с ним никогда не было раньше, разбежавшись, перемахнул через забор вольера. Не оставиваясь, широко, иноходью, разбрасывая ноги, помчался в поле, к виднеющейся вдали берёзовой рощице, оставляя позади родной конезавод с его привередливыми чистопородными кобылами.

Чувствуя лёгкость во всех мышцах и необыкновенный душевный подъём, он быстро добежал до рощи. По инерции залетел в густо разросшийся березняк, ощущая ласковое прикосновение нежных листочков к своей бархатной, покрытой блестящим ворсом коже, и, остановившись, замер. Широко раскрыв ноздри, он, вдыхая, пил этот изумительный аромат смеси чистого воздуха, цветов и берёзовых листьев.

Вдруг в этой ароматной смеси его необыкновенно чуткий нос уловил еле заметный, не свойственный окружающим чудесам природы запах. Что-то необычайно родное и в то же время отдалённо-дикое, но не отталкивающее, а, наоборот, завораживающе-притягивающее уловил этот избалованный чистокровный жеребец.

Медленно раздвигая берёзовые листочки, Янтарь начал пересекать рощицу. На это много времени не понадобилось. Сделав несколько шагов, жеребец вышел на опушку лесочка с другой стороны. Запах чувствовался всё острее, всё явственнее. Взору его от-

крылось поле, покрытое нежной густой травой. Вдалеке виднелся табун лошадей. Прямо перед ним, в десяти широких шагах, отбившись от табуна, паслась рыжая, по сравнению с ним небольшая, но крепкая кобыла.

Запах явно исходил от неё. Он сделал два шага вперёд, Рыжуха насторожённо подняла глаза, перестала жевать траву и недовольно мотнула головой, словно предлагая ему уйти. Он, удивлённый таким приёмом, сделал ещё один шаг в её сторону. На своём конезаводе жеребец Янтарь привык к покорности предлагаемых ему кобылиц. Их заводили в вольер чисто вымытых, с заплетёнными гривами и одинаковым искусственным запахом. Он механически выполнял свою работу, без особого желания, просто знал, что после этого его хорошо накормят различными вкусными витаминами, чтобы не терял своей формы.

Эта же рыжая кобыла пахла необыкновенно: к запаху пота примешивались запахи травы, горькой полыни, конюшни и воли. Её никто не подводил на поводке, покорную и безотказную. Наоборот, она не хотела, чтобы этот холёный жеребец, так бесцеремонно нарушивший её трапезу, находился рядом. После того, как он ещё чуть подошёл и оказался в двух-трёх шагах, кобыла тревожно заржала, показывая ряд крепких зубов.

Янтаря же неудержимо тянул к ней этот неведомый до сих пор запах, и возбуждала отчуждённость кобылицы. Раздувая ноздри, жеребец вплотную приблизился к ней... И в ту же минуту её задние копыта, высоко взлетев, просвистели у его головы. Янтаря это не разозлило, а наоборот, в нём вдруг проснулся инстинкт дикого коня, давно угасший и постепенно подавленный человеком. Он зашёл сбоку и опустил голову на её шею. Кобыла резким движением отбросила эту наглуую морду. Жеребец зашёл с другой сторо-

ны и попытался сделать то же самое. Ответ был прежний. Тогда он дико заржал и решил взять её силой. Кобылица вскинула задние ноги, копыта опять пролетели рядом с его головой. Азарт жеребца возрастал, он не отступался. И, наконец, его старания были вознаграждены. В Рыжухе, видимо, тоже сработали древние инстинкты. Она представила себе, как за обладание её любовью дерутся несколько жеребцов и вот этот наглый, холёный чужак, несомненно, побеждает всех. Кобылица, уже из кокетства, дёрнулась несколько раз и затихла.

Через несколько минут они уже мирно рядышком поедали вкусную зелёную травку. Головы их при этом иногда сближались, и Янтарь благодарно шлёпал губами по её носу.

А ещё через некоторое время вдруг появились конюхи с конезавода, накинули на голову Янтаря узду, и он, прощально заржав, удалился к своим послушным холёным кобылицам.

Рыжуха, наевшись, отправилась на колхозный конный двор, так как была рабочей лошадью средних лет, и сегодня у неё был выходной, а завтра предстояла тяжёлая работа по подвозке кормов коровам на колхозную ферму.

2

Прошло примерно девять месяцев. За это время колхозный жеребец Битюк, полутяжеловоз, несколько раз пытался добиться от неё любви, но она, отбрыкиваясь, больно ударяла его копытами в грудь. На десятый месяц беременность для неё стала уже достаточно заметной. Рыжуха тяжело поднималась в гору, частенько останавливалась и, сколько её ни погоняли, подолгу стоя отдыхала.

Колхозный конюх Серёга, любитель горячительных напитков, глядя на то, как рыжая кобылица отби-

вается от жеребца Битюка, недоумевал: «Совсем одурела, стерва, пустобрюхой решила ходить». Он всячески способствовал спариванию этих животных. Но всё было бесполезно.

Когда скотники с фермы стали жаловаться на то, что Рыжуха часто устаёт, Серёга решил, что она заболела, и пригласил ветеринара.

Семён Терентьевич, осмотрев кобылицу, вынес вердикт:

– Ты, Серёга, как был придурком, так им и погрёшь. Столько лет работаешь конюхом, а не понял, что Рыжуха беременная.

– Ну, Терентич, это ты зря, – обиделся тот, – от кого ей забеременеть, она жеребца за десять месяцев ни разу к себе не подпустила.

– Сказано тебе: жерёбая, – подобрал Семён Терентьевич правильный ветеринарный термин, – значит, так оно и есть. Видимо, ты сильно надрался в тот день, когда это произошло. С завтрашнего дня освобождай её от тяжёлой работы, через месяц она ожеребится.

– Значит, где-то нагуляла, сука, – подытожил данное событие конюх Серёга.

На второй день Рыжуху освободили от работы на ферме и оставили на конном дворе разок в день подвезти соломы и овса на корм лошадям.

В отличие от людей Рыжуха всё знала, уже несколько месяцев чувствовала, что внутри её живота зародилось и с каждым днём увеличивается живое продолжение того холёного жеребца с конезавода. А последние три-четыре месяца это чудо стало ощутимо проявлять своё присутствие толчками в стенки живота, словно желало поскорее выскочить наружу. Она не первый раз была жерёбая, но те прежние беремен-

ности протекали тяжело. Она уже на седьмом месяце ощущала груз зародившегося жеребёнка и на восьмом месяце освобождалась от тяжёлой работы. Видимо, потому, что прежние были большими и тяжёлыми – потомки жеребцов-тяжеловозов.

Жеребёнка от заводского скакуна она носила легко и бережно, поэтому-то для двуногих животных её беременность оказалась незаметной.

Прошёл ещё месяц, наступила весна. Светило тёплое ласковое солнышко. В очередной раз Рыжуха, как обычно в последнее время, притащила телегу с соломой, затем была распряжена и, разморённая солнечными лучами, дремала, лёжа на этой же соломе.

Вдруг резанула острая боль. Кобылица жалобно заржала. Судороги, сопровождаемые резкой болью, одна за другой сотрясали её тело. Рыжуха, глубоко вздохнув, набрала в лёгкие воздуха и с силой начала тужиться. В какой-то момент брюхо её резко уменьшилось, а сзади послышался жалкий звук, похожий на кошачье мяуканье.

Кобылица повернула голову и посмотрела в сторону этого звука. На соломе беспомощно барахтался мокрый рыжий жеребёнок. Она встала на ноги, развернулась и стала облизывать своё «грешное» потомство. Свободные от работы лошади и молодняк, находящиеся в загоне конного двора, окружив роженицу, с изумлением пялили на неё и её младенца глаза. Наверное, их удивляла необычная конституция новорожденного, его тонкие ноги и вытянутая высоко шея. Да и весь он был необычайно тонок и лёгок.

Серёга, заметив какое-то необычное движение в загоне, слегка пошатываясь, подошёл к забору и, уставившись пьяными красными зенками на жеребёнка, завопил в сторону «конюховки»:

– Эй, Аким! – Аким был вторым колхозным конюхом, но в отличие от Серёги был малоподвижен и угрюмо молчалив. – Иди сюда, наша Рыжуха ожеребилась. Принесла какого-то урода!

– Сам ты урод, – прогудел подошедший Аким, он очень хорошо разбирался в лошадях, – это она от заводского рысака нагуляла. Теперь и у нас будет свой рысак.

– Да на кой он нам нужен! – заверещал Серёга. – Нам рабочие кони нужны, а не скакуны! Да и кто на нём скакать будет, разве что Семён Терентьевич, – и он залился пьяным хохотом.

– Дурак! Зато и у нас будет теперь такая красота, как на конезаводе, – и на угрюмом лице Акима появилась на минуту умилённая улыбка, – надо Рыжуху в отдельный станок поместить, а то наши тяжеловозы жеребёнка задавят.

– На каком конезаводе? Что ты несёшь? Ты видишь, он рыжий, как огонёк, а на заводе рыжих жеребцов нет, – гнул свою линию Серёга, – просто эта дохлятина выродка ожеребила.

– Хватит! Заткнись! Делай, что я тебе сказал, а то вон Битюк злиться начал, того и гляди набросится на жеребёнка.

Столпившиеся вокруг роженицы лошади, как бы понимая, что новорожденный вроде бы и их соплеменник, но не совсем – что-то в его фигуре было необычное, не совсем им родственное, тревожно заржали и начали агрессивно сжимать кольцо вокруг Рыжухи.

Из накрытого соломой сарая показался колхозный жеребец Битюк, услышав необычное возбуждённое ржание в загоне конного двора. Лошади расступились, пропуская его вперёд. Взгляд его, скользнув

по Рыжухе, опустился на жеребёнка. Увидев непривычные формы новорожденного, жеребец, злобно оскалив зубы, громко заржал. В нём инстинктивно проснулась ярость ревности, Битюк словно почувствовал, что в сотворении этого заморыша он никакого участия не принимал. Жеребец взвился на дыбы, ещё миг – и злополучный жеребёнок принял бы смерть от копыт разъярённого ревнивца. Но выполнить намеченный акт расправы ему не удалось.

В толпе лошадей смиренно, без эмоций стоял мерин Каштан. Они с жеребцом Битюком были однолетки. Когда подросли до двухлетнего возраста, люди решали, кого из них оставлять для продолжения рода лошадиного. Выбор пал на Битюка, и не по каким-то недостаткам Каштана, а просто пьяный Серёга без всякого умысла ткнул пальцем в его сторону. Каштана тут же лишили радости обладания кобылицами – кастрировали. И он с тех пор возненавидел конюха Серёгу и жеребца Битюка.

Конечно, жеребец-производитель Битюк был сильнее мерина, потому что он целыми днями стоял без дела в конюшне и лишь иногда его выпускали к кобылицам. В то время как Каштана постоянно использовали на самых тяжёлых работах. Но было одно преимущество у работяги-мерина, он имел мощные железные подковы, а вот Битюку подковы не полагались и даже были вредны: при спаривании он мог травмировать кобылиц.

Взвившийся на дыбы Битюк краем глаза поймал промелькнувшую огромную тень перед своей мордой и тут же рухнул на занавоженный пол загона, получив страшный удар в бок железными подковами. Неловко засучив ногами, медленно поднялся и, злобно заржав, удалился в сарай.

Каштан, закрывший своим мощным телом Рыжуху и жеребёнка, неласковым взглядом уставился на стол-

пившихся кобылиц. Увидев такую надёжную защиту, лошади стали нехотя расходиться. Рыжуха благодарно лизнула защитника в нос и подтолкнула его морду в сторону жеребёнка, словно приглашая порадоваться вместе с ней появившемуся потомству.

– Ну вот, видишь, до чего довела твоя нерасторопность, – матюгнувшись, заворчал Аким, – давай бери Рыжика и носи его в отдельный станок. А я приведу Рыжуху.

– Ага, счас, разбежался, ты видишь, как этот бугай Каштан смотрит в мою сторону. Если он так же, как Битюка, саданёт меня, от меня останется мокрое место, – забухтел Серёга. – А где ты видишь тут какого-то Рыжика? Рыжик, Рыжик... Ты что, этого уroda так назвал? Зря, бригадир всё равно по-своему его назовёт.

– Ладно, вали отсюда, сам справлюсь, – рассердился Аким. – Пусть назовёт, а для меня он будет Рыжик, – перелезая через забор, проворчал он.

Аким подошёл к Рыжухе, погладил её по холке, похлопал Каштана по спине, поднял на руки жеребёнка и понёс в дальний станок конюшни. Рыжуха и Каштан покорно двинулись за ним. Все лошади конного двора любили спокойного неторопливого Акима, и даже жеребец Битюк никогда не пытался ему навредить, несмотря на свой ретивый нрав.

Поместив своих подопечных в станок, он ещё раз погладил по спине мерина Каштана:

– А ты молодец. Защитил. Теперь иди в загон. Что ты будешь здесь торчать. Никто не посмеет их больше обидеть. Мы с тобой не дадим.

3

Утром явился бригадир полеводческой бригады Михаил Алексеевич, за ним же в колхозе был закре-

плён и конный двор. Михаил Алексеевич представлял собой огромного, под два метра ростом, с виду казалось, не улыбочивого человека, однако первое впечатление было обманчиво. В душе бригадира царило спокойствие, он очень любил сельскую жизнь, людей, которые выполняли полевые работы, лошадей, которые помогали выполнять эти работы и, конечно, беспрекословные выполнения его распоряжений. Кроме того, любил подшучивать над разного рода ущербными людьми, любил хорошие анекдоты как слушать, так и рассказывать.

– Лексеич, – сразу же заверещал Серёга, – тут вот вчера Рыжуха фортель отмочила, какого-то уродца принесла.

– Какого ещё уродца? – сделал серьёзную мину, спросил бригадир.

– Да брешет он всё, – вступился Аким за кобылу, – красивый жеребёнок.

– Красивый, как мерин сивый, – не унимался Серёга, – он нам зачем такой тонконогий нужен. Видимо, Аким на нём гарцевать собирается.

– Ну ты и сволочь! – рассердился вконец Аким. – Кто только тебя в конюхи определил.

– Да вы толком объясните мне, в чём дело? – вспылil бригадир. – Правду монголы говорят: «В одном котле две бараньи головы не сварить». Придётся одного из вас отправить на разные работы.

Но, сказав так, Михаил Алексеевич покривил душой, так как выгнать их с конного двора он не мог. Почему? К ответу на этот вопрос мы вернёмся позже.

– Пойдёмте, покажу, – первым ринулся через забор загона Серёга.

За ним двинулся Михаил Алексеевич, процессию завершал угрюмый Аким. «Всё, сейчас бригадир забракует жеребёнка и через годик увезут его на мясокомбинат», – крутилась у него в голове тоскливая мысль.

Подошли к дальнему станку, где расположились родиха и новорожденный. Жеребёнок, пристроившись к материнской титьке, крутил худеньким задом из стороны в сторону и от удовольствия помахивал хвостиком.

Бригадир долго присматривался к жеребёнку. Лицо его при этом было непроницаемо.

«Счас он его забракует к чёртовой матери», – злобно металась мысль в голове Серёги.

«Может, и обойдётся», – медленно кралась мысль в голове Акима.

– Жеребёнок как жеребёнок, ничего особенного, – скосил на Акима хитро прищуренные глаза бригадир. И увидев, как просветлело лицо конюха, добавил: – Яркий, как огонёк, Огоньком будем звать.

– Рыжиком! – твёрдо сказал Аким.

– Сказано, Огоньком, – не отступал бригадир, – значит, так тому и быть.

Видя, как обрадовался Серёга (хоть тут он оказался прав) и, нахмурившись, пошёл от станка Аким, Михаил Алексеевич махнул рукой:

– Чёрт с тобой, Рыжик так Рыжик! – он так же, как и лошади, уважал молчаливо-угрюмого Акима и недолюбливал пьяницу Серёгу. – Вот что, мужики, на ферме скопилось полно навоза, надо вывозить его в поле, лошади нужны. Ты, Аким, подкорми Рыжуху получше да недельки через три-четыре на молочную ферму отправь.

– А жеребёнка куда? Рановато его от титьки отрывать, – нахмурился Аким.

– Пусть за матерью бегает по ферме, когда надо, будет сосать её.

– Да на ферме грязь непролазная, разве он там выдержит, – не унимался Аким.

– Всё, разговор окончен! – заявил бригадир и направился в контору колхоза.

– Ты прямо как мать родная этому жеребёнку, – сязвил Серёга, – положи его рядом на лежанку, обними да корми из бутылочки.

– Надо будет – положу и буду кормить! – отрезал Аким.

Что же, дорогой мой читатель, мы с тобой познакомились с лошадьми этого конного двора и выяснили, что красивым скакунам в загоне данного отделения особо не радуются. Здесь требуются крепкие на ногах да и в теле рабочие лошадки, им отдаётся предпочтение. Такие лошади нужны были не только в этом колхозе, но и везде, где требовалась тяговая сила. В те, послевоенные времена машин и тракторов было мало и основные тяжёлые работы выполнялись на лошадях. Они таскали сенокосилки, грабли, бороны, на них перевозились все сыпучие грузы и доставлялись на животноводческие фермы корма. В леспромхозах перевозили лес.

Теперь настала пора поближе познакомиться с людьми, которые проводят почти что всё своё время с этими животными: подвозят корма, кормят и поят их, принимают роды и делают всё остальное, что положено колхозным конюхам делать на своём рабочем месте за сто пятьдесят *трудо дней** в год.

Сергей Петрович Пирожков, а попросту, как его звали все на деревне, Серёга, с молодых лет был, как говорят на селе, забулдыга. Приворовывал по мелкому: зерно, комбикорм и вообще всё то, что плохо лежит. Сбывал краденое одиноким бабёнкам и стари-

* Трудодень – условная единица оплаты труда – отработанный день. В то время в колхозах производилась натуральная оплата труда. Правление колхоза определяло, сколько килограммов натурального продукта дать на один трудо день, например зерна, а общее собрание колхозников утверждало это решение.

кам за самогон, а затем, подвыпив, тащился в местный клуб, пел матерные частушки, плясал, приставал к деревенским девкам, но не дебоширил и в драку никогда не ввязывался. Девки его всерьёз не принимали и дружбу с ним не водили. Так и остался бы он бобылём, но вдруг приглянулся одной простушке, поговаривали, что у неё не все дома. А она возьми да и выйди за него замуж.

Но, что самое интересное, та простушка была родной сестрой жене председателя колхоза. Так тоже бывает: в одной семье одна сестра очень умная, а другая – дура, но не совсем.

И вот, чтобы свояк Серёга зря не болтался по деревне на виду у всех, председатель отправил его на конный двор, с одним условием: валяться пьяным в конюшне нельзя. И Серёга строго выполнял наказ, он никогда не падал от принятой дозы спиртного, но принимал эту дозу ежедневно. Лошадей он, конечно, не любил, но за несколько лет конюшеника привык к ним и смирился со своей участью. К тому же знал, что выгнать с данного трудового фронта (в обход председательского указания) его никто не мог, даже бригадир Михаил Алексеевич.

Аким Фролович Бычков, а по-простому Аким, в отличие от Серёги спиртного не принимал вообще. Однако обращения по имени-отчеству не заслужил тоже. В деревне, чтобы заслужить такое обращение, надо быть исключительным человеком и в работе, и в поведении, и в семье. Аким же смолоду, работая скотником на ферме, напивался до такого состояния, что мог по несколько часов валяться в навозной жиже. Ввиду своей нелюдимости и угрюмого состояния напивался один и друзей-собутельников не имел.

Поэтому его не любили даже местные горькие пьяницы. И он отвечал тем же всем: и людям, и животным. Любил подраться, не одна стычка в деревне без

него не обходилась. Дрался, как зверь, глаза, как у быка, наливались кровью, он кидался в самую гущу дерущихся, боли не чувствовал. Если кто попадал в это время в его крепкие руки или под его удар, опомниться не мог долго.

Но однажды произошёл невероятный случай, который категорически изменил отношение Акима к спиртным напиткам и особенно к животным.

В посёлке Шигарском у Бычкова жил родной брат Гаврила. И вот однажды, подвыпив, Аким решил навестить родственника. От села, где он жил, до посёлка по просёлочной дороге было вёрст тридцать. Ни у кого не спросив разрешения, Аким запряг в кошёвку Соловуху, кобылу лет восьми от роду, на ферме взял дежурный тулуп (был такой, его скотники надевали в пургу). И морозным январским днём двинулся в Шигарку.

Дома осталась его жена, недалёкая забитая бабёнка. Как она пошла за пьяницу замуж, трудно сказать. Да и он женился во хмелю, ни о какой взаимной любви речи быть не могло. Поэтому Аким двинулся в путь, не заезжая домой.

До посёлка Бычков добрался благополучно. Погуляли дней пять, братец тоже выпить был не промах. На шестой день, нахлеставшись до безумия, упав бревном в кошёвку, Аким двинулся домой.

В этот день разыгралась страшная буря, мело – света божьего видно не было. Как уж Соловуха определяла дорогу, известно только ей одной. Где-то на полпути, заехав на очередной сугроб, сани перевернулись. Аким как был завёрнут в тулуп в виде снопа, так и остался лежать в сугробе. Сколько времени прошло, он не может вспомнить и по сю пору. Но (то ли хмель стал выходить, то ли от холода) он очнулся. Огляделся – и хмель из головы вылетел сразу, волосы стали дыбом. Буран – ничего не видно, и вот он, раб божий, стоит по пояс в сугробе. Куда идти – определить невозмож-

но. Сидеть тоже нельзя – замёрзнуть можно. И Аким, как Дед Мороз, стал пробивать наметённые сугробы. Бился-бился, выбился из сил, сел в сугроб и заплакал. Дрянь жизнь его была, а помирать не охота. Просидел с полчаса, а может, и больше, кто знает. Вдруг из пурги в трёх шагах от него выскакивает лошадиная голова.

– Соловуха, – задохнулся от радости Аким, обнял лошадиную морду и начал целовать её в губы.

Как лошадь догадалась о том, что седок выпал? То ли по тому, что сани легче стали, то ли вожжи под полозья попали – трудно определить. Да и не это главное. Удивительно то, как эта животина догадалась повернуть назад и найти дорогу к потерянному человеку?

Целые сутки пробивались они вдвоём через метель. Протрезвевший Аким то садился в сани, то шёл пешком, помогая тем самым кобылице, но к обеду следующего дня вышли к родному конному двору.

На второй день Бычков с раннего утра пошёл к председателю, упал в ноги, просил прощения за содеянное и умолял поставить его конюхом на отделение. В конце концов председатель согласился, да и много ли найдётся добровольцев работать за сто пятьдесят трудодней в год на отшибе, среди лошадей.

С тех пор Аким наотрез отказался от спиртного, притих, в драки не ввязывался и вообще старался с людьми лишний раз не контактировать. Соловуху любил до безумия. Единственное существо, за которое он был готов кинуться в огонь и воду. Постепенно любовь к одному животному распространилась и на остальных. Поэтому Аким почти никогда и не уходил домой, постоянно жил в «конюховке».

Через год Соловуха принесла рыжего жеребёнка, кобылку. Аким назвал её Рыжухой. А по прошествии нескольких лет, когда уже Соловуха постарела, вот эта самая Рыжуха нагуляла на стороне и принесла Рыжика, которого он полюбил сразу как родное дитя.

Станок, в котором разместил Аким Рыжуху и её маленького жеребёнка, представлял собой небольшое помещение: три на четыре метра, сбитое из горбыля, с деревянным полом. Таких станков-клетушек было несколько штук. Притулившиеся один к другому они то и были колхозной конюшней. В них содержались лошади с глубокой беременностью и ожеребившиеся, они находились там до месячного возраста жеребёнка. Отдельный, самый крепкий станок предназначался для жеребца-производителя, в данном случае для Битюка.

Жеребёнок Рыжик, как и все лошади этого двора, и вообще лошади, не мог, конечно, различать людей по именам либо фамилиям, да в общем и знать, что эти животные на двух ногах называются людьми. Поэтому различал их только по характеру и отношению к своим подопечным, в данном случае к нему – Рыжику.

Пока что в их станок заходили лишь два человека, один из них в сознании Рыжика сразу предстал в образе Доброго – это, конечно, был Аким, от него всегда исходил запах сена и необыкновенного умиротворяющего спокойствия. Он ласково что-то гудел (на лошадином языке значит – ржал), при этом гладил Рыжика и Рыжуху по спине, по холке и почёсывал за ушами. Задавал душистого сена, наливал свежей воды, иногда приносил несколько горстей овса, естественно, для кобылы, жеребёнок был ещё маловат для поедания зёрен. Молоко после такого корма у кобылы становилось необычайно вкусным, и Рыжик, приложившись к титьке матери, от удовольствия тряс своим пушистым хвостом. А Добрый подолгу с умилением смотрел на жеребёнка, на кобылицу, и в глазах его светилась неземная любовь и иногда появлялись слёзы. Он уходил, и мать-кобылица подталкивала своей головой голову жеребёнка, что-

бы он смотрел в спину уходящего, и потихоньку ласково ржала, словно хотела убедить своё чадо в том, что этот человек – их родственник. И жеребёнок с каждым прожитым днём постепенно убеждался, что это так, с нетерпением ожидал, когда этот Добрый придёт их навестить.

Второй человек по своему характеру и отношению к нему, Рыжику, представлялся под именем Равнодушный. Он вроде бы так же задавал сено, наливал воду, но сено мог принести с гнильцой, а то и вовсе давал солому, воду наливал тёплую и невкусную. Овса не принёс ни разу. Никогда не ласкал ни кобылицу-мать, ни его, жеребёнка Рыжика. Иногда даже грубо отталкивал их от кормушки, если они, по его мнению, мешали раздавать корм. Но самое неприятное для лошадей было то, что от Равнодушного всегда исходил отвратительный химический запах, от которого у них перехватывало дыхание. Конечно, лошади не могут знать, что этот запах называется перегаром, но всегда и все относятся к нему с неприязнью, а некоторые с ненавистью. Под личиной Равнодушного, конечно, был второй конюх Серёга.

Но вот однажды, по прошествии некоторого времени, в станок в сопровождении Равнодушного зашёл новый человек. И тут Рыжик познакомился с животным, которое соответствовало по своему характеру и отношению к ним, лошадям, имени Злой. Он ногой оттолкнул жеребёнка от кобылы и начал одевать на голову Рыжухи какие-то ремни с блестящими в них железяками. Когда Рыжуха попыталась вернуться от его рук, Злой стукнул её кулаком по морде. Он всё время громко выкрикивал какие-то мерзости (на лошадином языке – злобно ржал). Накинув, наконец, принесённые с собой ремешки, Злой с силой воткнул в рот кобылице блестящие железяки и вывел на улицу, жеребёнок бежал за ней. Затем это непри-

ятное двуногое животное подняло с земли и напаялило на шею Рыжухи какое-то громоздкое кожаное сооружение. Но самое ужасное было впереди. Злой подвёл кобылицу к какому-то огромному ящику на дисках (колёсах), поднял поочерёдно две длинные палки и прикрутил их ремнями к кожаному ошейнику на шее кобылицы. Затем, показывая на бегавшего вокруг кобылы Рыжика пальцем, стал опять что-то злобно «ржать» в сторону Равнодушного. Но тот махнул рукой, отвернулся и направился к стоящему неподалёку зданию. Тогда Злой сел в этот громоздкий ящик, взял в руки два длинных ремня, ударил ими по спине Рыжуху, и, она, рванув с места, оглядываясь на жеребёнка, выбежала из ворот конного двора. Рыжик сел за этим ящиком, разбрызгивая своими странными ножками жидкую грязь.

Через некоторое время процессия приблизилась, как казалось жеребёнку, к огромным длинным сооружениям. Грязь под ногами Рыжика становилась всё глубже и гуще. Он с большим трудом сделал ещё несколько шагов, провалился по самое брюхо и, безнадежно увязнув, остановился. Рыжуха постоянно оборачивалась назад и жалобно ржала, за что получала длинными ремнями по спине, и продвигалась дальше.

Между этими громадными сооружениями Рыжик увидел большую кучу земли зеленовато-бурого цвета. О том, что это коровий навоз, он знать пока не мог. Рыжуха, с привязанным к ней ящиком, остановилась у этой кучи, сидящий в ящике Злой вылез и, провалившись по щиколотки в грязь, стал яростно накидывать бурюю землю в ящик. Он кидал и кидал, палка с прикрепленными к ней острыми зубьями мелькала, как жеребячий хвост. Вот уже земля поднялась выше бортов ящика, а он всё кидал, вот уже земля поднялась горой, и за ней не видно было Рыжухи, которая,

не переставая, жалобно ржала, потеряв из виду жеребёнка. Рыжик пытался в ответ произвести ржание, но получался жалобный поросячий визг.

Из огромного сооружения вышел человек и что-то начал грозно «ржать» в сторону Злого, размахивая руками. Тот остановился, бросил на кучу земли, насыпанной в ящик, палку с острыми зубьями и опять ударил по спине длинными ремнями Рыжуху. Она вздрогнула, попыталась идти вперёд и не смогла. Тогда Злой взял длинную палку с острыми зубьями и ей ударил кобылу по спине. Она рванулась, сделала несколько шагов и встала как вкопанная.

Человек, вышедший из сооружения, продолжая злобно «ржать» в сторону Злого, побежал к нему. Но тот не унимался. И вдруг «ржащий» человек остановился и начал показывать Злому в ту сторону, откуда они все прибыли. Рыжик повернул голову туда и радостно заверещал. На старой кобыле Соловухе верхом приближался к ним Добрый. Он, проскочив мимо жеребёнка, подлетел к Злому, начал размахивать руками и тоже злобно «ржать». И вдруг Злой, размахнувшись зажатой в руках палкой, ударил Доброго. Рыжик от страха закрыл глаза, когда открыл их, впервые радостно заржал своим детским голоском. Злой валялся в грязи, а Добрый изо всех сил охаживал его палкой с острыми железными зубьями. Человек, вышедший из сооружения, пытался ему помешать. Но Добрый продолжал лупить Злого. Палка, наконец, переломилась, Злой, вывалянный в грязи, вскочил и, не оглядываясь, побежал за сооружение.

Добрый, тяжело дыша, подошёл к Рыжику, выдернул его из грязи, поднял на руки и отнёс в какое-то чистое помещение, где они с тем человеком, который пытался вразумить Злого, напоили его тёплым молоком из резинки, похожей на материнский сосок. Затем люди недолго погудели между собой.

Добрый взял жеребёнка на руки, сел верхом на Соловуху, крепко прижимая к груди бесценный груз, и они быстро вернулись на конный двор.

Все описанные события представлены приблизительно из младенческого соображения жеребёнка Рыжика. А теперь, уважаемый мой читатель, я хочу рассказать тебе, что же там произошло в действительности.

Как и говорил бригадир Михаил Алексеевич, на молочной ферме за зимний период скопилось большое количество навоза, который нужно было вывезти на поля в качестве удобрения под посевы. Лошадей для экстренного решения этой проблемы не хватало. И вот по прошествии пяти недель после родов Рыжуху по распоряжению всё того же бригадира Михаила Алексеевича решили отправить на данные работы. Он, конечно, давая такое указание, имел в виду, что кобылицу будут использовать не в полную силу, надеясь на трезвый разум скотников. И, конечно, совсем не думал, что маленького жеребёнка отправят на ферму вместе с матерью.

Не так давно в деревню вернулся из мест заключения местный проходимец Петька, по кличке Прокурор. Почему Прокурор, толком сказать никто не мог. Одни говорили, что его так прозвали за то, что он не вылезал из мест заключения и находился постоянно под прокурорским надзором. Другие утверждали, что при очередном задержании за правонарушение Петька кричал, что он сын прокурора и лицо неприкосновенное. Но кто бы там что не говорил, а Петька навечно остался Прокурором.

Так вот вернулся этот Петька Прокурор на малую родину из мест не столь отдалённых – и к председателю:

– Вот что, председатель, хошь не хошь, а обязан ты мне предоставить рабочее место в колхозе.

В то время, о котором идёт речь, всем отбывшим свой срок зекам руководители предприятий обязаны были предоставить работу и назначить опекуна, вроде как надзирателя, чтобы этот индивид не мог сотворить очередную пакость.

Председатель посмотрел Петькину справку об освобождении, тяжело вздохнул и направил Прокурора на молочную ферму возить тот самый скопившийся навоз. Опекуну же назначил бригадира фермы Василия Афанасьевича.

Тот тоже, посмотрев на Петькину справку, тяжело вздохнул и спросил:

– Коня-то запрягать умеешь?

– Да я хоть чёрта запрягу, дядя Вася, – оскалился Прокурор.

– Ну тогда вот тебе записка, вали на конный двор, полеводческий бригадир обещал с сего дня нам дополнительно кобылу дать.

– Ща, я мигом, – обронил новый работник и хитро улыбнулся, а про себя подумал: «Зайду к бабке Марье, врежу стаканчик самогона».

И надо же было такому случиться, в эту ночь Аким ночевал дома, что было большой редкостью. Дежурил конюх Серёга. И только он расположился за столом в «конюховке» выпить стаканчик самогона, только открыл бутылку, как тут со двора донёсся грубый крик:

– Эй, есть тут кто-нибудь живой или все передохли?

Серёга, торопливо спрятав бутылку под стол, выскочил из «конюховки».

– Ну есть, чё орёшь, – но увидев пришельца, не удержался и удивлённо воскликнул: – О, Прокурор! Откинулся, чё ли?

– А чё, не видишь рази! – затем присмотревшись, спросил: – Серёга, ты, чо ли? Чё-то ты сегодня вроде трезвый?

– Да вот, только хотел опохмелиться, слышу: хтой-то базлаить. Чё припёрси? – от волнения Серёга заговорил стародеревенским языком.

– Да вот – записка, держи. Я тут устроился на ферму, бригадир за какой-то кобылой послал.

– Кобыла? Есть такая, забирай её, к чёртовой матери, мне всё меньше забот будет. Пошли, покажу.

Прошли к станку, где находилась Рыжуха с Рыжиком, Петька привычно распахнул двери станка, он и не такие двери открывал без ключа.

– Да она с жеребёнком! – недовольно воскликнул Прокурор. – На фиг она мне нужна!

– Другой нет. Не хошь – как хошь. Наш бригадир сказал, чтобы мы вам эту кобылу отдали.

– Ладно. Моё дело телячье, выпил пойло и жуй сено молча.

Серёга быстро принёс сбрую, подал Петьке узду, тот, оттолкнув ногой жеребёнка, начал надевать её кобылице на голову. Рыжуха, почуяв запах перегара, задрала голову, пытаясь увернуться от узды.

– Стой, сука, а то счас кишки выпущу! – заорал Прокурор.

Жеребёнок испуганно забился в угол, Рыжуха, чтобы не пугать его больше, поддалась нежданному хозяину.

Петька вывел кобылицу, запряг её в стоящую во дворе телегу, затем, посмотрев на Серёгу, гаркнул:

– Жеребёнка забери!

– Да как же я его счас поймаю? – возмущённо сказал тот, ему скорее хотелось вернуться к бутылке с самогоном. – Да и потом, я его чем кормить буду. Там ты его под кобылу подпустишь.

– Ну смотри, хрен с тобой, тебе потом отвечать придётся, нашёл кормильца. Я накормлю – отрыжка

долго будет мучать! – И хлестанув кобылу вожжами, Петька выехал за ворота конного двора.

Рыжик, разбрызгивая жидкую грязь, шустро бежал за телегой.

Только Серёга, обрадованный наступившей полной свободой, в предчувствии кайфа наполнил стакан самогоном – дверь в «конюховку», жалобно закрипев, распахнулась. На пороге стоял угрюмый Аким.

– Всё никак нажраться не можешь? – загудел он. – Рыжуху накормил?

– Какую Рыжуху?

– Ты что, от самогона совсем спятил? Рыжуху не помнишь?

– Дык нет её, Прокурор забрал.

– Её-то за што? Она што, спёрла чиво-нибудь?

– Дык нет, прокурор-то ненастоящий, Петька Прокурор из лагеря вернулся.

– Петька? – возмущённо воскликнул Аким, вспомнив этого проходимца под кличкой Прокурор. – И зачем же ты этому садисту дал кобылу? Он же её пропъёт или на махан прирежет!

– Ды нет, он таперь на хферме работат, – опять перешёл на сельский язык Серёга.

– А жеребёнок где? – выдохнул Аким, и на лице его Серёга увидел панический страх, который сменился угрожающей ненавистью.

– Дык за кобылой дёрнулси, – пролепетал Серёга, прячась за висящие на клиньях хомуты.

– Да ты чё, гад, как же ты посмел этому живодёру лошадей отдать?! – взревел Аким, саданув кулаком об стол.

Стоящая на столе недопитая бутылка подскочила и упала на пол, разливая остатки самогона.

– А чё я мог сделать, бригадир записку прислал, – увидев разливающийся самогон, простонал Серёга.

– А Соловуха где?

– Где ж ей быть, на дворе валяется.

Аким схватил седло, походя, ткнул кулаком в морду Серёгу и выскочил за дверь. Старая кобыла использовалась на конном дворе для незначительных лёгких работ. Её давно бы свезли на мясокомбинат, но Аким под разными предложениями старался не допустить этого. Увидев хозяина, кобылица медленно поднялась на ноги и двинулась ему навстречу. Аким накинул ей на спину седло, воткнув ногу в стремя, уселся поудобнее. Соловуха, обернувшись, удивлённо посмотрела на него, таких операций с ней не проводили давно.

– Давай, матушка, поторопись, послужи ещё разок, от твоей расторопности зависит жизнь двух твоих родственников, – уговаривал он старую клячу.

Тревога Акима каким-то образом передалась Соловухе, она вдруг рысцой, неловко подкидывая круп, устремилась в указанном направлении.

Петька Прокурор, не обращая внимания на жеребёнка, гнал Рыжуху к ферме. Расстояние от конного двора было не очень большое, и через несколько минут кобыла, утопая по колено в фермерской весенней грязи, остановилась у огромной кучи коровьего навоза, основательно устроившегося между двумя коровниками. Потеряв из виду жеребёнка, она постоянно оглядывалась и тревожно ржала.

– Заткнись, стерва, – соскакивая с телеги, заругался Петька, – жив твой заморыш, вон в грязюке застрял основательно, никуда не убежит. – Схватив с телеги вилы, Прокурор начал остервенело кидать навоз в телегу. Короб был заполнен уже до краёв, но новый животновод, не останавливаясь, продолжал кидать не

глядя. И когда под ноги его с воза начали падать шлепёнки навоза, Прокурор поднял голову, перевёл дух и вытер обильный пот со лба.

– Ну, давай дёргай, кляча паршивая, – стеганул вожжами Рыжуху Петька.

Кобыла, поднатужившись, дёрнулась, но взять с места воз не смогла. Он ещё раз огрел её вожжами, сопровождая свои действия несусветным матом. Пользы никакой. Тогда Прокурор схватил вилы и, размахнувшись, саданул Рыжуху по спине, она жалобно заржала, дёрнулась изо всех сил, сделала два шага и стала как вкопанная.

На шум из коровника вышел бригадир Василий Афанасьевич, увидев происходящее, он поспешил к месту разыгравшейся драмы:

– Петька, паразит! Ты, что же, подлец, делаешь. Это же не трактор, живое существо. Ты же на телегу накидал тонны две навозу.

– Уйди, дядя Вася, нечего меня учить, научили уже. Ты чё думаешь, я этот навоз по два навильника возить буду. Это мне года на два хватит. Придуривается кобыла. Я в лагере такие воза возил, что тебе и не снилось.

– Так ты распряги её и волоки сам, что ж ты издеваешься над животным.

– Ни хрена с ней не будет, – окончательно разозлился Прокурор и снова замахнулся на кобылу вилами.

– Петька, вон Аким скачет сюда, сейчас бойня будет. Остепенись.

Прокурор повернул голову в сторону дороги, увидев приближающегося верхового, узнал Акима. Петька помнил, что Аким Бычков когда-то был забулдыгой и пьяницей, а что он теперь ведёт трезвый образ жизни и имеет силу, соответствующую его фамилии Бычков, не догадывался:

– Дядя Вася, это же алкаш Акимка Бычков, нашёл ты, кем меня пугать. У меня такие, как он, сапоги

в зоне языком чистили. – И снова стукнул вилами кобылу.

– Ты что же это делаешь, гад! – закричал подскакавший Аким.

Прокурор снова поднял вилы и, как бы целясь в кобылу, резко развернулся, саданул вилами Акима. Но не успел он снова поднять эти злополучные вилы, как разъярённый Аким опустил ему на голову пудовый кулак. Петька ойкнул и завалился в грязь. Бычков же превратился в настоящего взбешённого быка. Глаза его налились кровью, грудь вздымалась как кузнечные меха, из груди вырывался звериный рык. Он перехватил упавшие в грязь вилы и, переложив всю свою мощь в черенок этих вил, стал охаживать Прокурора по рёбрам, голове и заднице, тот только успевал поворачиваться.

– Аким, остановись! – умолял дядя Вася. – Ты же убьёшь этого гада, посадят, за лошадьми будет некому ухаживать!

Все уговоры были бесполезны, но вдруг черенок у вил хрястнул и переломился, от неожиданности Аким потерял равновесие и упал на Прокурора, тут же вскочил, и Петьке хватило этой минуты передышки. Он стремительно, как заяц, вскочил тоже и, прихрамывая на обе ноги, кинулся бежать. Разъярённый Аким схватил телегу за заднее колесо и опрокинул накиданный новым колхозником воз. Взял за узду Рыжуху, вывел на чистое место и кинул ей клок сена из соседней скирды.

– Ты, Василий Афанасьевич, не переживай, пусть кобыла тут постоит. Я сейчас увезу на конный двор жеребёнка и сам буду возить навоз, дней за пять выведу, – успокоившись, сказал он.

– Да, Акимушка, зря ты связался с этим подлецом, мстить будет, он родного дядю чуть в навозной жиже не утопил, – посочувствовал бригадир.

– Бог не выдаст, свинья не съест, – прогудел Бычков.

Они вместе обмыли вытащенного из грязи жеребёнка, напоили его коровьим молоком. Затем Аким взобрался в седло на Соловуху, Василий подал ему жеребёнка, и они покондыляли в сторону конного двора.

Приехав на конюшню, Аким занёс Рыжика в «конюховку». Серёга с разбитым носом, пускал пузыри на лежанке.

«С полу он слизал самогон, что ли» – подумал Бычков.

Проснувшийся Серёга испуганно уставился на пришельцев.

– С этого дня Рыжик будет жить с нами в «конюховке», – утверждающе сообщил Аким.

– Ладно-ладно, – согласно закивал Серёга, – пусть живёт, мне-то что.

Вот так к двум конюхам на постоянное местожителство примкнул маленький жеребёнок по кличке Рыжик.

5

Теперь, уважаемый мой читатель, настало время пояснить, какое же значение имеет слово «конюховка», так часто употребляемое мной в данном тексте, и что же это за сооружение, в котором теперь будет жить главный герой этой повести – Рыжик.

Так вот, «конюховка» – это слово, естественно, чаще всего употребляется конюхами и обозначает деревянную постройку – избушку, в которой отдыхают работающие на конном дворе конюхи. Кроме того, в ней же располагается лошадиная сбруя, развешанная на стенах на металлических клиньях, над клиньями прибиты таблички с кличками лошадей, которым принадлежит эта самая сбруя. Для особо несведущих

в лошадином деле поясняю, что для рабочей лошади в состав так называемой сбруи входят уздечка, хомут, шлея, седёлка, чересседельник и вожжи. А также в этой избушке находится металлическая печь-буржуйка, которая топится чаще всего берёзовыми дровами. И уж, конечно, в «конюховке» не обойтись без лежачков, обычно располагающихся вдоль стен по всему периметру и служащих лавками-сиденьями для колхозников, приходивших за закреплёнными за ними лошадьми.

Рыжику Аким отвёл место в свободном углу, настелив свежей соломы. Обещанную бригадиру молочной фермы работу он выполнил за пять дней, как и обещал, особо не утруждая Рыжуху. Рыжика Аким подпускал под кобылу с утра и, дождавшись, когда тот вдоволь напьётся материнского молока, уносил его на новое местожительство. Такое кормление повторялось в обед и вечером. Первые несколько дней Рыжик, скучая по матери, начинал верещать тоненьким голоском, мешая захмелевшему Серёге дремать, но скоро привык к такому режиму. Серёга тоже привык к новому жильцу и иногда даже пытался его погладить, но Рыжик, учуяв запах перегара, недовольно прядал ушами и взбрыкивал.

– Вот шкет, ещё чё-то из себя выкаблучивает, – недовольно ворчал конюх и, отвернувшись к стенке, продолжал дремать.

Аким после того, как вывез навоз с фермы, упрощил бригадира Михаила Алексеевича, чтобы он Рыжуху закрепил за конным двором, так как Соловушка не могла уже выполнять возложенные на неё работы.

Аким, выезжая в поле косить траву для лошадей, брал с собой жеребёнка. И вот тогда Рыжик узнал, что же такое вольная воля. Вокруг зеленела трава, шумела растревоженная ветром берёзовая листва, жеребёнок сломя голову носился по полю, не отбегая от

телеги на дальнейшее расстояние. Прислушиваясь к щебетанию различных птиц, Рыжик со временем понял, что люди не ржут, как лошади, а произносят звуки, как птицы. Когда их собирается несколько человек вместе, они щебечут как воробьи, когда они начинают кричать друг на друга, то каркают, как вороны. А когда собирались несколько человек с тонкими голосами и длинными волосами, они тараторили, как сороки. Когда же начинал говорить Аким, что случалось не так часто, Рыжик сразу представлял птицу филина, который частенько им встречался в дальней роще и, подслеповато глядя на него, пытался напугать своим уханьем. Жеребёнок поначалу действительно пугался, но постепенно привык и понял, что филин – птица не злая.

Вот так размеренно протекала жизнь трёх божьих тварей: двух никому не нужных, отвергнутых сельским обществом людей и одного маленького жеребёнка.

Блажной Аким, угрюмый и неразговорчивый с людьми, и заботливый, внимательный и доверчивый к так полюбившимся ему этим умным, трудолюбивым и благодарным животным – лошадям. Если бы кому-то удалось понаблюдать за ним незаметно, как Аким общается со своими подопечными, то этот наблюдатель был бы очень удивлён. Раздавая в кормушки сено, он то и дело останавливался для того, чтобы погладить по холке очередную лошадку. Выражение его лица являло собой божественное умиротворение, подобие улыбки озаряло его обросшую щетиной физиономию. А если прислушаться, можно было слышать приглушённое урчание, издавала напоминающее мурлыканье большой дикой кошки, – вероятно, это была его душевная песня. Но стоило появиться

человеку, Аким замыкался и делался недоступным каменным идолом.

Пьяница Серёга, нескладный, никчёмный человек, нелюбимый ни людьми, ни лошадьми и тем же плативший им всем, жил так: день прошёл, и ладно. Основной задачей его было стремление поскорее найти спиртное. И это иногда создавало конфликтную ситуацию между ним и третьим жителем «конюховки», жеребёнком Рыжиком.

Прошло около трёх месяцев, Рыжик подрастал, крепчал и начинал уже кое-что понимать. В отношениях с Акимом всё было ясно, их любовь друг к другу росла с каждым прожитым днём. А вот с Серёгой дружбы у Рыжика не получалось. Мало того, что от конюха постоянно пахло перегаром, к чему жеребёнок никак привыкнуть не мог, Серёга ещё постоянно не выпускал изо рта самокрутку. Когда он дежурил, в «конюховке» стоял едкий махорочный дым, как говорится, столбом. Жеребёнок чихал, выскакивал во двор, благо, что дверь открывалась свободно.

А Серёга злорадно смеялся, приговаривая:

– Чё, антилигент, не нравица? Вали на конюшню, обоим вам там место, вместе с твоим хозяином.

Но, побаиваясь Акима, он всё же Рыжика, немного покуражившись, загонял на место.

Подрастая, Рыжик стал замечать, что в «конюховке» иногда появлялись какие-то мешки, чем-то наполненные. Чем? Он своим жеребячьим умом сообразить не мог. Затем эти мешки Серёга грузил на телегу и куда-то увозил. Вернувшись, он заносил авоську с несколькими бутылками, наполненными беловатой жидкостью, напоминающую молоко. Садился за стол, открывал одну из бутылок и начинал стаканами поглощать эту жидкость. Вокруг распространялся отвратительный запах, как от бутылок, так и от Серёги.

Через некоторое время конюх попытался встать из-за стола, но, как обычно, сделать этого не мог и, завалившись на бок, начинал храпеть.

Однажды, когда Серёга в очередной раз занёс наполненный мешок, а сам куда-то вышел, любознательность Рыжика достигла верхнего предела, и он, подойдя к стоящему на лежанке мешку, прокусил его своими острыми зубами. В мешке оказался комбикорм. Смесь эта показалась ему довольно вкусной. Жеребёнок, прорвав довольно большую дырку в мешке, начал поедать его содержимое, но, услышав шаги Серёги, лёг на своё место.

Нужно сказать, что в «конюховке» электрического света не было, основным освещением являлись отблески огня из железной печки. Ничего не подозревающий Серёга схватил мешок и поднял его, всё содержимое через проеденную дырку немедленно оказалось на полу.

– Ах, мать-перемать! – захлебнулся в страшной злобе он. – Это какая же тварь порвала мешок?

Но так как притихший жеребёнок не подавал никаких признаков жизни, словно сообразив, что ему сейчас нужно прикинуться спящим, не совсем трезвый Серёга решил, что он где-то зацепился за гвоздь. Долго в темноте собирал в новый мешок рассыпавшийся комбикорм, постоянно сопровождая свою деятельность матом. Затем, взвалив на плечо мешок, куда-то вышел. Рыжик услышал скрип тележных колёс, удаляющихся от конного двора.

Вернулся Серёга к утру, когда уже занималась заря. В руке у него, как всегда, была авоська с бутылками. Он уже было расположился за столом, чтобы похмелиться, но послышавшиеся снаружи шаги не дали ему сделать задуманное. Конюх вскочил и быстро спрятал авоську с бутылками в ближайший висящий на штыре хомут.

Дверь заскрипела, и на пороге появился Аким.

– У, дьявол угрюмый, – заворчал Серёга, – я-то ду- мал, бригадир идёт, а это тебя черти принесли.

Ничего не ответив, Аким уселся на лавку к печке. Облегчённо вздохнув, Серёга потянулся к хомуту за авоськой, но за дверью опять послышались тяжёлые шаги, и в избушку зашёл бригадир Михаил Алексе- вич.

Так как на улице уже рассвело, пробившийся через единственное окно свет высветил остатки рассыпан- ного комбикорма.

– А что это у вас здесь за мельница? Откуда комби- корм? – строго спросил бригадир.

Аким угрюмо молчал, Серёга, заморгав красными глазами, залопотал:

– Дык ет, Лексеич, я тут хотел жеребца Битюка подкормить, ды вот малость рассыпал.

– Не бреш! – нахмурился бригадир. – Где же тог- да этот мешок с остатками комбикорма? Не ночью же ты его кормил, ты днём-то путём ничего не делаешь. – Поглядев на молчащего Акима, бригадир повернулся к жеребёнку. – Ну что, Рыжик, изо всех здесь прожи- вающих, ты, видимо, самый умный. Может быть, ты мне скажешь, что тут было?

Что нашло в этот момент на Рыжика? Трудно ска- зать. То ли он каким-то образом хотел избавиться от ненавистной авоськи, а может, хотел отомстить Серёге за все те неудобства, которыми тот угнетал Рыжика. Но он вдруг подошёл к висящему на стене хомуту и выдернул зубами из него авоську. Бутылки с грохотом свалились на пол и разбились, «коню- ховка» наполнилась отвратительным самогонным смрадом.

– Так вот, значит, что здесь происходит! Вору- ешь комбикорм на ферме, сволочь, и обмениваешь его на самогон! Никак всё не можешь свою поганую

глотку залить до отказа. То-то мне Василий Афанасьевич жаловался, что мешки по ночам с фермы пропадают.

– Лексеич, прости, больше никогда не буду, только председателю не говори, – упал на колени Серёга, – они меня и так за человека не считают.

– А ты сам-то себя человеком чувствуешь или нет? Встань с колен, мразь, ты вон даже жеребёнку своими выходками надоел. Что толку председателю на тебя доносить, всё равно ни хрена тебе не будет. Но знай, ещё раз попадёшься – я сразу напишу заявление в милицию. – И, громко хлопнув дверью, бригадир пошёл запрягать коня.

Угрюмый Аким поднялся с лавки, презрительно плюнул в сторону напарника и тоже пошёл – кормить лошадей.

Вот так неожиданно Рыжик стал главным героем в разоблачении неприглядных дел нелюбимого им сожителя.

После этого случая отношение окружающих его людей изменилось и приблизило это животное к разуму человеческому, хотя бы и с невысоким уровнем интеллекта.

Аким твёрдо уверовал своим не очень богатым умом, что сознание Рыжика довольно близко расположено к их с Серёгой сознанию. К его любви к этому жеребёнку прибавилось убеждение, что тот находится на одном уровне умственного развития с ними. Поэтому в присутствии Рыжика он стал теперь более осторожен в своих действиях и словах. Всё, допускаемое по мелочи, неприличное, отмёл. Потребовал от Серёги исключить грубые слова в присутствии своего друга и, что самое обидное для напарника, заставил его курить на улице.

Серёга не мог поставить разум жеребёнка на один уровень со своим, он просто не мог до этого додуматься. Но мешки с комбикормом в «конюховку» таскать перестал и некоторое время после разоблачения ходил трезвый либо чуть-чуть навеселе. Матюгнувшись, с опаской оглядывался на Рыжика, словно боялся, что тот всё расскажет Акиму. В душе же он ненавидел это животное и мечтал как-нибудь поскорее от него избавиться.

Бригадир Михаил Алексеевич приходил в «конюховку», садился на лавку, доставал маленький кусочек сахара и, протягивая его на вытянутой руке, подзывал Рыжика:

– Ну, иди ко мне, милоч, поговорим, больше-то здесь разговаривать не с кем.

Рыжик, который, как мы помним, делил всех людей по их характеру и отношениям к нему, начал понимать, что этот человек, как и Аким, относится к определению Добрый. Он подходил к бригадиру, брал осторожно губами кусочек сахару и, похрустывая им, довольно махал хвостом. Бригадир гладил его по спине, холке, высоко поднятой голове и что-то несколько минут говорил, приятное, ласковое. Постепенно Рыжик начал понимать, что люди всё-таки не щебечут, как птицы, а разговаривают, как этот большой добрый человек.

Но однажды бригадир, зайдя к конюхам, обратился к Акиму:

– Ну что, Аким, я понимаю твою любовь к Рыжику, но ему уже скоро полгода будет, смотри, он какой большой, четвертую часть вашей избушки занимает. Да вот и Серёга мне всё время жалуется, места ему мало. Надо жеребёнка переводить в конюшню к остальным жеребяткам.

– Сам знаю, мне этот иуда тоже надоед своими жалобами. Боюсь я, обижать его там наши толстяки будут. Пусть побудет ещё дней десять, уберу.

В одну из ночей произошёл неординарный случай, героем которого снова стал Рыжик, пусть, может, и не с главной, но достаточно значительной ролью.

Аким Бычков, занятый повседневной работой и воспитанием жеребёнка, совсем забыл о конфликте с Петькой Прокурором, да, в общем-то, ему эта память была ни к чему. Но не таков был Прокурор, он ещё ни разу в своей поганой жизни не забыл нанесённые ему обиды.

Была уже вторая половина октября, на улице выпал первый, колючий снежок. Так случилось, что в эту ночь остались дежурить оба конюха. Серёга, как всегда под хмельком, завалился спать с вечера. Аким, растопив печку берёзовыми дровами, сходил во двор и принёс охапку поленьев в запас, на ночь. Посмотрев на разгорающееся пламя, он, закрыв дверку топki, тоже завалился на лежак. Через некоторое время «конюховка» наполнилась громким храпом, оба конюха спали беспробудным сном. В своём углу дремал и Рыжик, но в отличие от своих сожителей сон его был лёгким, каждый незнакомый шорох отражался на тревожно подрагивающих ушах.

Вдруг он открыл глаза и настороженно поднял уши – на улице послышались крадущиеся шаги. Эти шаги до ужаса показались знакомыми Рыжику. Он где-то их слышал, так мог ходить только Враг. У всех животных, несмотря на вмешательство человека в их жизнь, сохранился веками выработанный инстинкт самосохранения. Стоит только раз услышать шаги враждебно настроенных особей, они эти звуки запоминают на всю жизнь.

Да, это были шаги Врага, запомнившиеся с первой встречи, когда он стоял вместе с матерью в станке. Рыжик поднялся на ноги и начал внимательно прислушиваться. Вот захрустел снежок у окна сторожки,

чья-то тень закрыла звёздное небо. Постояв у окна, кто-то перелез через жерди забора и медленно направился к двери. Двери «конюховки» изнутри не запирались, ведь дежурные конюхи одновременно являлись сторожами на конном дворе. А какие сторожа охраняют порученное им имущество, закрывшись на засов в тёплой сторожке?

Что делать? Вот уже до двери остаётся несколько шагов, Рыжик быстро подошёл к Акиму и, крепко вцепившись зубами в его фуфайку, дёрнул спящего друга.

– Ты чё, с ума спятил? – вылупил глаза Аким, быстро подымаясь на ноги.

За стеной скрип снега прекратился, видимо, крадущийся услышал шум в избушке. Аким присел на лжанку, недоумённо уставившись на жеребёнка, но вдруг почти у самой двери снова закрипел снег.

«Кто это может быть? – промелькнуло в сознании Бычкова, и тут, видимо, тоже инстинкт самосохранения Акима сработал. – Возможно, Прокурор. Говорил же дядя Вася – бригадир, что он будет мстить».

Аким быстро вскочил на ноги, схватил первый попавшийся под руку хомут и встал за косяк двери. Дверь открывалась наружу, спрятаться за ней было невозможно. Вот она осторожно закрипела, в отблесках печного огня в проёме показалась голова. Аким поднял хомут и хотел одеть его на эту голову, но поторопился, она, голова эта, быстро отдёрулась назад, хомут, пролетев мимо, исчез в темноте. Страшный удар ногой в живот отбросил Акима к печке, он запнулся за берёзовые поленья и упал навзничь.

Петька Прокурор бросился сверху на Акима, придавив его грудь ногой и левой рукой, правой полез за голенище сапога.

Рыжик всё это время, дрожа всем телом, переступая с ноги на ногу, не решался что-либо сделать. Да и что он мог. Он видел, как его друг и хозяин упал на

пол, видел, как Злой сел на него верхом. Жеребёнок хотел выскочить на улицу, но сцепившиеся в схватке люди барахтались у него на пути. Затем он увидел, как Злой потянулся к своей ноге и в отблесках пламени в поднятой руке засветился кусок блестящего металла. В мерцающем красном пламени эта картина была ужасна. Рыжик рванулся и, перепрыгнув через дерущихся, выскочил в дверь. Но прыгая, жеребёнок взбрыкнул, сам того не желая, нанёс задними ногами сокрушительный удар в голову Врага.

Петька, вскрикнув, повалился набок, нож выпал из рук. Опрокинув Прокурора, разбрасывая ногами поленья, Аким быстро вскочил с пола, выдернул из стены металлический штырь, всё это он проделывал молча, тяжело дыша. Прокурор, извергая немислимые маты, схватил с пола нож и тоже быстро вскочил, но замахнуться не успел. Металлический штырь, высоко поднятый Акимом, со всей силы, на какую только мог быть способен Аким, опустил к нему на правое плечо, рука обвисла плетью, нож выпал и впился концом в деревянный пол.

– А чой-то вы тут делаете? – вытаращив глаза, испуганно спросил проснувшийся Серёга.

– В поддавки играем, – тяжело дыша, ответил Аким, туго скручивая Петьку вожжами.

– Ладно, сука, твоя взяла, – зло прошипел Прокурор, – скажи спасибо этому лошадиному рахиту, а то бы сейчас уже в аду на сковородке жарился.

Связав Прокурора, Аким хотел подобрать нож, но, подумав, что на ручке останутся следы от его пальцев, делать этого не стал.

Засунув выдернутый из стены штырь на место, повернулся к Серёге:

– Ты присмотри, чтобы эта тварь не развязалась, я пойду найду Рыжика, после запрягу коня и увезу этого подонка в милицию.

Жеребёнка искать долго не пришлось, он стоял за углом и мелко трясся от страха.

– Рыжик, ты настоящий друг, – обнял жеребёнка Аким и, не удержавшись от нахлынувших чувств, крепко поцеловал его в мокрый нос, – пойдём, запряжём Рыжуху да этого гада доставим в его любимое место, – обратился Аким к Рыжику, как к равному. И тот, успокаиваясь, двинулся вслед за хозяином.

А в избушке в это время Петька Прокурор обрабатывал Серёгу:

– Слушай, Серёга, развяжи меня!

– Не, Акимка меня убьёт.

– Акимка не убьёт, ему в тюрьме париться не с руки, а вот я тебе, освобожусь, точно голову откручу. Тебе и твоей вороне, а также всем председательским. Мне ведь много не дадут, ну, может, года три, не больше. Давай развязывай, а я скажу своей бабке Марье, она тебе каждый день будет наливать по кружке самогона.

Не ясно, что больше убедило Серёгу пойти на подлость: страх перед Петькиными угрозами или предвкушение ежедневной порции самогона от бабки Марьи, но он быстро развязал Прокурора.

– А это тебе на закуску к самогону, – прошипел тот и со всех оставшихся сил саданул своего спасителя левой рукой.

Серёга, вякнув, как жаба, залетел под лавку. Петька, перепрыгнув через забор, исчез в ночи.

– А где Прокурор? – открыв дверь, спросил Аким.

– Убёг, гад! – шмыгая разбитым носом, простонал Серёга.

– А ты чего валяешься? Благодарность получил? – догадываясь обо всём, прорычал Аким. – Ну ты и Иуда, переломал бы я тебе рёбра, но рук марать не хочется! – И, хлопнув дверью, Аким пошёл распрягать Рыжуху.

Утром пришёл бригадир полеводства Михаил Алексеевич. Забрезживший рассвет, добравшись до окна сторожки, высветил последствия произошедшего ночью события: по полу были разбросаны берёзовые поленья, на плохо оструганных плахах засохли пятна крови, видимо, Рыжик, ударив Прокурора ногой, рассёк ему голову. На лежанке сидел Серёга и хлопал разбитым носом, вокруг глаз расплзлись фиолетовые синяки. У прогоревшей печки торчал впившийся в пол нож-финка. Аким сидел у входа в «конюховку» на чурбаке, держа в руках выброшенный ночью хомут, и угрюмо смотрел себе под ноги.

– Вы что, подрались, что ли? – растерянно осматривая поле боя, воскликнул бригадир. – Совсем спятили!

– Ды нет, – загундосил плаксиво Серёга, – ет нас Петька Прокурор отделал. Вона Акимку чуть не прирезал и мне морду начистил.

– А вы, что же, двое не могли с ним справиться?

– Справились, – зло плюнув под ноги, поднялся Аким, – да вот эта тварь его развязала. Послушай, бригадир, убери этого паскудника от меня, а не то я его когда-нибудь придушу, как бешеного пса.

– Ладно, после разберёмся, а сейчас садитесь пишите заявления на имя начальника милиции и объяснительные.

– Я не хочу с Прокурором связываться, вон пусть этот поганец Серёга пишет. Да я и писать-то не умею.

– А я так пряма писарь, с тобой одну школу заканчивали, – загнусавил тот, – дык и я не хочу Петьке на перо попасть.

– Ладно, архаровцы, я сам напишу, а вы подпишите. Вас он перебьёт, не жалко, двумя дураками в деревне меньше будет. А вот если он конный двор в

следующий раз спалит вместе с конями – колхозу крышка придёт.

Михаил Алексеевич написал бумагу, конюхи поставили на ней какие-то караули.

Ближе к обеду приехали два милиционера и следователь. Допросили Акима и Серёгу, составили протоколы, забрали финку.

Петьку Прокурора взяли в больнице посёлка Лесозаводского, который находился в пяти километрах от села Орловка, где и происходят все события. У Петьки была сломана правая ключица от удара металлическим штырём и рассечён копытом Рыжика лоб.

В описываемые времена следствие надолго не затягивалось, не бегали адвокаты в поисках алиби, пытаясь во что бы то ни стало оправдать виновного, тем более рецидивиста. Поэтому суд состоялся уже через три недели после задержания виновного. Перед зачитанием приговора Петьке предложили произнести речь в свою защиту. Но он на скамье подсудимых находился не первый раз, а уже четвёртый, и усвоил, что вся эта болтовня ни к чему.

Толку от неё никакого нет, поэтому от пламенной речи Петька отказался, но, отыскав злобным взглядом Акима, находящегося здесь в качестве главного свидетеля, выдал:

– А ты, Акимка, жди, выйду, я с тобой рассчитаюсь и тварь эту рыжую прирежу!

В связи с тем что особого урона Петька не нанёс, а от ножа наотрез отказался, сказав, что он его поднял у «конюховки», приговор был мягким: два года лишения свободы.

Акиму на общем колхозном собрании была объявлена благодарность и принято решение: для большей надёжности по охране лошадей выдать ему дробовик – старое ружьё, которое давно валялось на складе, но для стрельбы по наглым воронам было ещё

пригодно. Серёгу в расчёт никто не брал, все знали его трусость.

6

После этого случая не во что не верящий Аким окончательно уверовал, что этих лошадей: Соловуху, Рыжуху и Рыжика – ему послал Господь. Кто такой Господь, Аким своим недалёким умом никак додуматься не мог да и не стремился к этому, но представлял, что это какое-то всемогущее божество, которое лучше не гневить, и старался этого не делать.

Рыжика он продержал в «конюховке» ещё месяц, но жеребёнок настолько подрос, что приходившие за лошадьми колхозники начали ворчать:

– Ты, Акимка, ещё бы жеребца Битюка завёл сюда, совсем бы уж конюшня была. Нам скоро места здесь не будет. И чего это бригадир смотрит на всё сквозь пальцы?

Но бригадир так не смотрел. И в один из дней, когда Аким отсутствовал, они вместе с Серёгой отправили Рыжика в общий загон. В загоне находилось ещё голов двадцать жеребят, приблизительно одного возраста. Жеребчики и кобылки пока содержались вместе.

Они-то жили в одном табуне почти со своего рождения и давно привыкли друг к другу, а тут вдруг появился приличного роста недоросль, высокий на ногах, с длинной, красиво выгнутой шеей и аккуратной точёной головой. Совсем не похожий на них: коротконогих, толстоватых, с широкими черепами «битючков». Естественно, приём Рыжика в их общество оказался неблагоприятным. Каждый из жеребчиков старался толкнуть его своей тяжеловесной головой либо слегка лягнуть толстой ногой с широким копытом. Особенно старался один из них, по кличке Валет, он был выше и шире других, чувствовал себя вожаком этого стада и, видимо, в скором времени

должен был заменить стареющего жеребца-производителя Битюка. Его, конечно, бесило то, что неожиданно нашёлся соперник такого же роста, как и он, не совсем обычного обличия, уродливого – как считал Валет, но кобылки, находящиеся в табуне, сверлили его восхищённым взглядом. И это особенно не нравилось ему – «хозяину» этого табуна. Валет всячески старался навредить Рыжику. Попытался отбить его от кормушки. Вытолкнуть из тёплого сарая под падающие с неба снежные хлопья или, наоборот, прижать в углу и давить своим не по возрасту тяжёлым весом.

Но Рыжик недолго терпел такое хамство, он был лёгок на ногах, отлично владел своим точёным телом, сначала он только ловко изворачивался от наносимых ему тумачков. Осознав, что стремительней своих соплеменников, ловко увернувшись от удара, наносил ответный, хлёсткий и довольно болезненный. Постепенно почувствовав превосходство пришельца, жеребчики-битюки приняли его в свой табун. Но не таков был Валет, он перенял характер жоака-собственника. Масла в огонь добавила привязанность Рыжика к серой в яблоках кобылке – Зорьке. Она хоть и была тоже дочерью Битюка, но отличалась некоторой стройностью и изяществом своего телосложения, бывают же «выродки» у разных видов животных, вот она и являлась одним из индивидов такого плана.

Рыжик всегда старался незаметно оказаться рядом с ней, как бы невзначай касался своими тонкими губами её шеи, головы, носа. Если они были рядом во время поедания кормов, он старался своим носом подтолкнуть ей лучшее зелёное сено либо овсяные зёрна. И она отвечала ему тем же, оказывая на первый взгляд незаметные, мелкие знаки внимания.

И надо же было такому случиться, жеребчик Валет тоже выбрал именно эту серую кобылку. Заметив, как

Зорька и Рыжик, сблизившись, обмениваются любезностями, Валет грубо втискивался между ними, при этом стараясь отбросить лёгкого по сравнению с ним Рыжика подальше. Поворачивался задом, пытаясь ударить соперника копытом в голову. Быстрый Рыжик отскакивал, не понеся урона, и, развернувшись, сам наносил удар копытом по коротким толстым ногам Валета. Тогда тот, в бешенстве развернувшись, всем телом наваливался на обидчика и запускал крепкие зубы в подвернувшиеся части тела. Разгоралась битва не на шутку, иногда до крови.

На шум приходил Аким, разгонял дерущихся жеребят и, сочувственно глядя на Рыжика, гудел:

– Ничего, милый, терпи, тебе полезно, учишься выходить победителем, жизнь – тяжёлая штука.

По простоте душевной он надеялся на то, что красота этого молодого жеребчика всё-таки поразит души руководителей и они согласятся оставить Рыжика жеребцом-производителем.

Рыжик, словно понимая желания друга Акима, всё яростнее защищал свою честь и право быть любимым серой кобылкой Зорькой. Между соперниками должна была состояться решительная битва за право называться фаворитом в табуне молодняка этого колхозного конного двора. И она состоялась. Но позже.

Прошло несколько месяцев, за которые никаких изменений не происходило. Рыжик всё так же любил серую кобылку, пока любовью платонической. Всё так же отбивался от нападков своего соперника Валета, но оказать должного сопротивления он не мог, так как в табуне было тесновато и не хватало места для совершения боевого маневра. А для Валета, наоборот, такое положение было выгодно. При значительном весе ему было легче в тесноте зажимать противника в углы, наваливаясь всем телом и используя при этом острые зубы на крепких челюстях.

Но вот настало то время, когда для правильного пополнения колхозных табунов нужно было молодых жеребчиков и кобылок разделить, чтобы в дальнейшем избрать для этих уже созревших кобылиц лучшего жеребца-производителя.

Загон, в котором разместили жеребчиков, был достаточно обширен, для того чтобы находящиеся в нём молодые особи гуляли спокойно, не задевая друг друга. И первую неделю Рыжик и Валет, словно не замечая один другого, спокойно сосуществовали в нём. Но вот однажды из соседнего загона, разделённого стенкой из горбыля, раздалось призывное ржание серой кобылицы Зорьки. Рыжик, рванувшись к перегородке, тоже в ответ радостно заржал и, чувствуя дыхание любимой за стенкой, замер.

И вдруг страшный удар пригвоздил его к этой неотёсанной шершавой стене, Рыжик, не удержавшись, свалился с ног. С трудом повернув ушибленную голову, он увидел, как его соперник, оскалив в бешенстве пасть, набирая скорость, снова несётся на него. Рыжик, собрав все силы, быстро отскочил в сторону, Валет по инерции со всего своего немалого веса грохнулся в забор головой. На этом можно было бы поставить точку в развернувшейся битве. После такого удара лошадь любой другой породы больше бы уже не встала, но не таков был жеребчик-тяжеловоз. Через минуту, тряхнув головой, он снова, оскалив зубы, летел на своего соперника. И тут Рыжик понял, что это их последний бой, Валет не отступится, пока не забьёт его насмерть или пока не покалечит.

Места для маневра здесь было достаточно, и Рыжик решил показать всё, на что был способен. За время, проведённое в загоне с жеребятами, он хорошо научился вовремя отскакивать от различного рода ударов, толчков и укусов. Отскочив в сторону от ле-

тевшего на него Валета, он не стал убегать, а повернувшись задом, со всего маха ударил задним копытом летящего на него врага. Раздался громкий треск, и Валет, перевернувшись в воздухе, грохнулся спиной об землю. С трудом поднявшись, он опять устремился на своего противника, но Рыжик уже определил тактику происходящего боя в свою пользу. Используя неповоротливость Валета, он постоянно оказывался сбоку от него и наносил длинными задними ногами с жёсткими копытами по голове, ногам и рёбрам хлёсткие удары. Чем больше зверел Валет, тем больше и больнее получал затрещины. Измотавшийся и избитый соперник Рыжика, в конце концов получив очередной удар в челюсть, почти бездыханный, упал на землю.

Наблюдавшие за этой жестокой схваткой Аким и Серёга не мешали жеребцам выяснять, кто тут хозяин. Серёга, схватив валявшийся под ногами хлыст, хотел метнуться к жеребчикам, но Аким, поймав его за рубаху, придержал этот порыв:

– Не лезь, рано или поздно это должно было случиться.

– Ладно, хрен с тобой, посмотрим, чё ты завтра бригадиру сбрехнёшь.

После того, как Валет грохнулся на землю, Серёга, чуть не плача, запричитал:

– Ну вот, чёрт угрюмый, таперя нас с работы того... Угробил твой выродок будущего жеребца-производителя.

Но утра ждать не пришлось, Михаил Алексеевич, неожиданно появившийся в этот самый момент, глядя на лежащего Валета, тревожно спросил:

– Что с ним произошло?

Аким, нахмурившись, отвернулся, зато Серёга со слезой в голосе заголосил:

– Лексеич, я говорил, чё ету тварь нада сдать на мясокомбинат, убил ведь он Валета.

– Как убил? Это же будущий производитель. Да вы знаете, что будет? Нас председатель всех выгонит с работы. Серёга, беги за ветеринаром. А ты, чертяка угрюмый, своего выродка девай куда хошь, чтобы он мне больше на глаза не попадался. Если Валета покалечил, я сам твоего рыжего беса отвезу на мясокомбинат.

7

Пришедший ветфельдшер Семён Терентьевич, напившись серьёзную мину на своё не всегда трезвое лицо, долго ходил вокруг лежащего Валета, подымал его голову, заглядывал в глаза, ощупывал ноги и рёбра. Затем, взявшись за собственную спину, с трудом выпрямившись, поднял дрожащий палец, поставил диагноз:

– Ни хрена с ним не будет, такие кости только трактором можно переломать, но мясо ваш Рыжик в отбивную котлету Валету превратил, так что недельки три он будет с болью вспоминать произошедшее.

Все облегчённо вздохнули. Аким, злорадно взглянув на лежащего Валета, подошёл к Рыжику, погладил его по носу и удовлетворённо шепнул:

– А ты, Рыжий, молодец, настоящий породистый жеребец!

– А ты, Акимка, не радуйся, – каким-то образом услышал слова конюха, казалось, напрочь глухой ветеринар, – скоро я твоего Рыжика кастрирую, ждать осталось недолго. Идите помогите поднять Валета, надо его в отдельный станок завести.

Стонущего жеребчика подняли всей бригадой на ноги и повели в станок. Когда проходили мимо Рыжика, тот, победоносно подняв красивую голову, заржал.

В станке, куда был доставлен Валет, ветеринар, вытащив из сумки шприц, сделал жеребчику укол и, повернувшись к Акиму, спросил:

– Самогон есть?

– У меня нет, – ответил тот, – а зачем, я не пью.

– Зато я пью, – оскалился Семён Терентьевич, – с тебя магарыч, мне теперь придётся две недели каждый день по три раза приходиться к вам ставить уколы.

– У меня есть, – поглядывая с опаской на бригадира, сообщил Серёга.

– Ладно, доставай, – обрадованный благополучным исходом лошадиной битвы, согласно кивнул Михаил Алексеевич.

Все, кроме Акима, выпили по стакану мутного самогона. Закусили лежащим на столе хлебом и двинулись по своим делам.

Уходя, бригадир ещё раз наказал Акиму:

– Я не шучу, ты, Аким, давай-ка отгороди для своего породистого отдельный загон, и поскорее. Тоже мне боец вымахал, беда с вами да и только!

На другой день Аким запряг Рыжуху в дроги, поехал в лес. Нарубил осиновых жердей и соорудил как раз против окна «конюховки» добротный загон. Затем, повторив свой визит в сторону леса, привёз мелкого берёзового кругляка и смастерил в этом загоне прочный навес и кормушку на несколько лошадей. На третий день пришедший на конный двор бригадир обнаружил загон и в загоне лошадиное семейство: старую Соловуху, Рыжуху, мерина Каштана и жеребчика Рыжика.

– Это что за единоличный раздел? – обратился он к стоящему в стороне Акиму.

– Почему единоличный? Общественный. Каждый должен жить с милыми его сердцу сожителем, – уверенно ответил конюх.

– Ты, Аким, как малое дитя, – удивлённый таким выводом, не нашёл более подходящих слов бригадир, –

жеребчик-то скоро превратится в жеребца, что ж ты его с матерью поселил.

– Вот когда превратится, я ему сделаю отдельный станок, а пока пусть живут вместе.

И жизнь продолжала плавно, без каких-то особых перемен протекать мимо конюшен и «конюховки».

Прошел ещё год, и вот наступило то благодатное время, с которого началось это лошадиное повествование, – весна.

Рыжик, который стал настоящим жеребцом: стройным красавцем с лебединой шеей и точёной головой, уже с полгода находился в загоне, отгороженном Акимом рядом с материнским. Это было сделано, чтобы избежать близкородственного спаривания. Лошади, как бы они не были умны, всё-таки относятся к классу животных, хотя туда же можно отнести и некоторых людских особей.

Напротив, через двор, находился загон молодых кобылиц, где в общем табуне резвилась серая Зорька. Они не забыли друг друга, часто подходили каждый к своему забору и, встретившись взглядами, издавали любовные ржания, но преодолеть прочный забор у них не было возможности.

И вот, когда наступала эта благодатная пора благоухания природы и любви, эти хитрые люди для собственной выгоды, пренебрегая притягательными узами и привязанностями отдельных особей, устраивали спаривание кобылиц с выбранным ими жеребцом-производителем. И тут уж любви не любви, а другого выхода не было, да и природа требовала своего.

Однажды Рыжик увидел, как Равнодушный, то есть Серёга выпускает табун молодых кобылиц на волю – за ворота конного двора. И не успели они скрыться в ближайшей рожице, как нелюбимый конюх, крепко держа за узду, повёл в том направлении жеребца

Битюка. Как видно, люди пока Валету не доверяли, хотя после битвы он выправился и выглядел довольно внушительно, не хуже Битюка.

Сердце Рыжика учащённо заколотилось, ведь в том табуне отпущенных на свободу кобылиц находилась его любимая – серая в яблоках кобыла Зорька. Он начал метаться по загону, налегая на жерди, пытался их поломать, но они были достаточно крепки. И тогда в красивой точёной голове жеребца всплыла, видимо, переданная ему отцовским инстинктом неудержимая выходка. Он разбежался по кругу вдоль забора и, вдруг резко изменив направление, махнул через этот забор, как когда-то поступил его отец – породистый жеребец с конезавода.

– А ты куда, сволочь? – закричал возвращающийся назад Серёга. – Вот неудержимый, гад. Пойду позову Акимку, пусть он сам отлавливает этого выродка.

Предупреждённый Аким, сделав вид, что торопится вслед за Рыжиком, зашёл в конюшню, завалился на солому и задремал.

«Пусть жеребчик потешится, от кобылы не убудет», – имея в виду серую кобылицу, подумал засыпающий Аким.

Рыжик летел, как говорится, не чувствуя под собой ног, и не потому, что к нему в голову закралась какая-то мысль о ревности, нет. Он просто, почувствовав свободу, понял, что сейчас состоится долгожданная встреча с любимой серой кобылой. Но, проскочив лесок и выбежав на поляну, Рыжик увидел, как человек, пропахший лекарственными веществами (это, конечно, был колхозный ветеринар), подводит за уздечку жеребца Битюка к его любимой Зорьке. Оплодотворение кобылиц туповатым конюхам не доверяли. Во-первых, они невнимательно относились

к этому процессу, во-вторых, не умели писать, а нужно было всё заносить в особый журнал. Лошади в то время имели огромную ценность в колхозах.

Битюк расширил ноздри и тяжело засопел в предчувствии обладания одной из наложниц его обширного гарема. Рыжик, стремительно метнувшись между жеребцом и кобылицей, оттолкнул её в сторону и грудью, отбросив ветеринара, ударил в голову Битюка. Ошалев от такой наглости, пожилой жеребец несколько секунд стоял, вытаращив на обидчика глаза, затем, злобно заржав и оскалив крепкие ещё зубы, взвился на дыбы и, выставив огромные копыта, стал опускаться на Рыжика. Испуганный Семён Терентьевич, сбитый молодым жеребцом, запутавшись в траве, ползал под деревом, увидев, как огромный тяжеловоз опускается на миниатюрного скакуна, закрыл глаза:

– Всё, конец, отбегался рыжий подкидыш!

Но шустрый Рыжик стремительно выскочил из-под опускающихся на его спину тяжёлых копыт. Битюк грохнул копытами о землю, по щиколотку утонув в ней. Получив ответный удар копытами в грудь, он окончательно озверел. Тут-то Рыжик почувствовал, что опытный Битюк не чета молодому Валету. Он понял, что больше не сможет нанести удар своему противнику, потому что тот стал взлетать на дыбы и стремительно нападать, нещадно кусая его крепкими зубами. И поняв это, Рыжик решил измотать своего соперника. Он ловко отворачивался от ударов и укусов, но на большое расстояние не уходил, не давая тем самым остановиться и передохнуть Битюку в яростной атаке. Борьба продолжалась ещё минут пятнадцать, молодость победила, пожилой жеребец начал уставать: тяжело задышал, покрылся потом, его прыжки становились всё медленнее и ниже, с губ срывались клочки пены. Наконец, он, опустив голову, остановился, Рыжик, так больше ни разу не ударивший свое-

го соперника, развернулся и пошёл к своей любимой серой в яблоках кобылице.

8

Кобылицы, перепуганные борьбой жеребцов, сбились в плотный табун на краю поляны, и лишь Зорька стояла в нескольких шагах от поля боя, наблюдая за исходом сражения и любуясь необыкновенной ловкостью Рыжика. Она не выдавала своего волнения, видимо, была твёрдо уверена в победе. Когда он, измотав Битюка, двинулся к ней, Зорька, сделав шаг навстречу, ласково потёрлась головой о его голову и лизнула победителя в нос. Он в ответ на это положил свою голову ей на холку, словно хотел обнять свою любимую...

И так, касаясь друг друга они стали удаляться от табуна в лес, никто из лошадей не последовал за ними.

Лишь опомнившийся, наконец, ветеринар, замахал руками.

– Куда? Вернитесь! – заорал, забыв, что это лошади, а не люди. «Сейчас этот скакун испортит лошадку», – был уверен Семён Терентьевич. Кроме того, он твёрдо запомнил наказ председателя не подпускать этого выродка к кобылицам.

Но Рыжик и Зорька не только не понимали его, они просто ничего не слышали и, кроме друг друга, никого не замечали. Вдруг молодая кобылица зашла вперёд и, развернувшись к жеребцу, прижалась к его груди. Он почувствовал, как мелкая приятная дрожь постепенно от неё переходит к нему, в его тело и неожиданно возникшее желание овладевает его сознанием и мускулатурой. Зорька, лизнув его в нос, развернулась и замерла...

Через несколько минут наполненный восторгом, счастливый Рыжик, поглаживая своим носом холку, шею и спину серой кобылицы, готов был сражаться

с тремя Битюками, даже погибнуть, если это потребует для спасения своей любимой.

Потерявшись в пространстве и времени, они брели по лесу, всё дальше и дальше удаляясь от своего конного двора. Рыжик шёл впереди, отыскивая самую лучшую траву, какая могла расти в лесу, и тихим ржанием приглашал Зорьку отведать этой волшебной травы. Постепенно начало смеркаться, но счастливые лошади этого не замечали.

Задремавший в конюшне на соломе Аким проснулся от громких вскриков. «Что-то там Семён Терентьевич кричит», – окончательно освобождаясь ото сна, догадался конюх. Выйдя из конюшни в загон, Аким увидел ветеринара, размахивающего руками и заикающегося от волнения.

– Акимка, ты где? – увидев Акима, Семён плаксиво загнусавил: – Акимка, наделал делов твой скакун, завтра нас председатель всех с работы выгонит.

– Да ты толком-то можешь сказать, в чём дело? – спросил озадаченный нытьём ветеринара Аким.

– В чём дело?! А в том, что он, дьявол, отбил у Битюка серую кобылицу и увёл в лес. Счас, наверна, уже испортил, подлец. Што я теперь скажу председателю?

– Это как же мой жеребчик мог обидеть такого бурая? Штой-то ты, Семён Терентьевич, не то несёшь, – обрадованный в душе очередным подвигом своего питомца, засомневался Аким.

– Чёрт вертлявый, измотал жеребца до упаду, а сам – в кусты вместе с Зорькой. Что теперь будет?

– Да ничего, ты поменьше языком трепи. Што ты, как евнух, всполошился, – попытался успокоить ветеринара Аким. И, обернувшись в сторону сторожки, крикнул: – Серёга, хватит дрыхнуть, поедем за лошадьми.

Оседлав Рыжуху, Аким поехал на поляну собирать лошадей. Кобылицы разбрелись по всей поляне, мирно щипали траву. Между ними, изрыгая злобное ржание, нервно ходил ещё неуспокоившийся жеребец Битюк. Рыжика и серой кобылицы Зорьки не было.

Аким, привстав на стременах, покричал в сторону леса:

– Рыжик! Рыжик! Рыжик!

Замер в надежде услышать ответное ржание и не услышал.

– Чё орёшь? – спросил подъехавший Серёга.

– Да вот Рыжик с Зорькой пропали. Надо искать.

– Ничего с ними не случится: нажрутса и сами придут, – беспечно отмахнулся Серёга.

– Ладно. Погнали лошадей в загон. Подождём, может, и придут, – с сомнением согласился Аким.

Загнав лошадей на место, Аким седло с Рыжухи снимать не стал, нервно ходил по двору, поглядывая в ту сторону, откуда должны были появиться потерявшиеся любимцы. Начинало смеркаться, но их не было. Аким зашёл в сторожку, достал из-под лавки дробовик, несколько патронов положил в карман.

– Ты куда? На охоту, чё ли? – съязвил Серёга.

– На охоту. Готовь сковородку, мясо жарить будешь, – так же язвительно бросил Аким и, хлопнув дверью сторожки, вышел во двор.

Ещё раз посмотрел в сторону леса – никого видно не было. Закинув ружьё за плечи, он вскочил в седло и двинулся в сторону предполагаемого нахождения лошадей. Рыжуха, словно догадавшись, куда нужно идти, уверенно шагала в том направлении. Аким, доверявший лошадям, как себе, отпустил повод уздечки, давая Рыжухе свободу действий.

Счастливые Рыжик и Зорька, не замечая ничего вокруг, медленно углублялись в лес, удаляясь всё дальше

и дальше от родного конного двора. Сумерки постепенно сгущались.

Вдруг совсем недалеко возник леденящий душу вой. Начинаясь с грубых, низких звуков, он, этот вой, переходил в металлическое высокое, тоскливое, тягучее завывание. В нём одновременно слышались страдания и угроза. Другой, не менее страшный, возник недалеко слева. Как бы отдаваясь эхом, такой же послышался справа. Затем они объединились в общее завывание, нагоняющее ужас на заплутавших лошадей.

Впервые Рыжик испытал настоящий страх, да что там страх – ужас. В сознании всех лошадей ещё с тех времён, когда они были дикими и свободно блуждали по лесам, сохранился этот вой как сигнал к близкой беде, ужасному смертному исходу. Это было завывание голодных волков. Наголодавшись за лютую сибирскую зиму, они, объединяясь в крупные стаи, выходили на охоту. Вой стремительно приближался, и вот уже сквозь кусты замелькали красно-зелёные хищные глаза убийц. Слева, справа и уже сзади.

Но инстинкт самосохранения у лошадей вызывает не только страх и временное оцепенение, но и веками выработанную решимость к самозащите. Рыжик больше напугался не за себя, а за свою подругу и, сообразив, что он является сейчас единственным её защитником, решил бороться до конца.

Волки прекрасно знают, что на лошадь бросаться сзади, под задние копыта – самоубийство. Поэтому нападают спереди и сбоку, стараясь, вцепиться в горло. Рыжик отеснил свою подругу к толстому дереву, лишив возможности нападения на неё сбоку. Сам принял боевую стойку.

Первым на него бросился, видимо, ещё не совсем опытный волк, он попытался метнуться на спину Рыжика сбоку, ближе к задней ноге, и просчитался. Жеребец, моментально развернувшись, принял волчью

морду на своё копыто, раздался треск ломающихся костей. Волк, завизжав как собака, в судорогах начал кататься по траве.

Из лесу прямо на грудь метнулся другой, более крупный волк, возможно, вожак стаи, значения это для разъярённого жеребца никакого не имело. Рыжик метнулся в сторону, но почувствовал острую боль в области лопаток, и тут же в его нос ударил запах свежей крови. Волк отскочил и приготовился броситься снова, Рыжик понял, что развернуться не успеает, приходилось одновременно отбиваться задними копытами от других врагов, и вспомнил Битюка, вернее его приёмы борьбы, взвился на дыбы. Волк, нацелившись в грудь и горло коня, вдруг потерял их из виду и, пролетев по воздуху, шмякнулся об землю. В это время на него сверху обрушились крепкие копыта. Волк, беспомощно взвизгнув, остался недвижимо лежать на месте. Но обстановка начала выходить из-под контроля Рыжика – сразу три волка одновременно заходили на него со всех сторон, ещё один нападал на Зорьку, она неумело отбивалась.

И в это время вдруг вспыхнуло пламя, раздался грохот грома, и ещё один волк, перевернувшись в воздухе, начал беспомощно ползать по траве. Через минуту гром повторился, оставшиеся в живых волки, огрызаясь, уже скрылись за деревьями.

– Рыжик, – подбежал к жеребцу Аким и начал его гладить, словно не веря, что тот жив.

Рыжик радостно заржал, Зорька, содрогаясь от страха, прижалась головой к плечу конюха.

– Да ты никак ранен?! – почувствовав на руке кровь, воскликнул Аким, зажгёт спичку. – Рассёк тебе волчара плечо, но ничего, заживёт. Ладно, пора домой.

И они, сопровождаемые ужасным завыванием потрёпанной голодной волчьей стаи, опасливо озираясь, двинулись в деревню. Аким, развернув Рыжуху,

снял с плеча дробовик и ещё раз выстрелил в сторону хищников. Завывания становились всё тише и тише и через некоторое время затихли совсем. Лошади вышли на опушку леса. Запахло родным конным двором.

Была глубокая ночь, деревня спала, в загоне мирно посапывали спящие лошади, и лишь из станка обиженного жеребца Битюка доносился топот копыт. Видимо, он никак не мог успокоиться и нервно перебирал ногами. Да иногда стонала во сне старая кобыла Соловуха, наверное, её донимал ревматизм.

Аким зажѣг фонарь, осмотрел рану, нанесѣнную Рыжику волком. Рассечена была только шкура, кровь со всего разреза собиралась в крупные капли и стекала по ноге на землю. Промыв марганцовкой рану, Аким обильно обсыпал её стрептоцидом, ветеринар оставлял конюхам эти два препарата на случай мелких ранений лошадей.

– Ничего, до свадьбы заживѣт, – прогудел он попавшийся на язык каламбур.

Позвал лошадей за собой и закрыл их с Зорькой в одном загоне, предварительно насыпав в кормушку овса.

9

Утром на конном дворе разразился скандал. Ветеринар Семѣн Терентьевич, видимо, боясь ответственности за то, что не уследил за правильностью оплодотворения кобылиц, всё рассказал председателю колхоза Цибулевскому. Тот, вскочив в старенький трофейный «опель», полетел в деревню Орловку. Центральная контора, где заседал председатель, находилась в посѣлке Лесозаводском.

Пока он трясся пять километров до села, на конный двор пришѣл бригадир Михаил Алексеевич, взглянул в загон, который нельзя было никак обойти, проходя в сторожку, и обмер.

– Да это что за мать твою! – не находил он подходящих слов. – Акимка! Ты что, сволочь, совсем осатанел?! Ты что делаешь? Зачем соединил Зорьку с Рыжиком.

– Слушай, бригадир, тут такое дело произошло, – опустив тяжёлый взгляд в землю, медленно подбирая слова, загудел Аким, – не мог я их развести по разным загонам, настрадались они сегодня ночью вместе.

И он рассказал обо всём, что произошло с лошадьми: и о том, как Рыжик сражался с Битюком, и о том, как после они с Зорькой потерялись, и о том, как на них напали волки.

– А как же ты сразу упустил этого своего дьявола из загона?

– Дык он сам выпрыгнул через ограду, а я его не догнал, – соврал конюх.

– Ну всё, считай, что твоего Рыжика больше нет, ждёт его мясокомбинат. Сегодня ветеринар доложит директору – и конец.

– Слушай, Алексеевич, давай я обучу Рыжика под седло или под лёгкие дрожки, и будет он выездным жеребцом. Смотри, какой красавец, отдадим его учётичку либо бригадиру тракторной бригады, и пусть ездят на дрожках. Из других колхозов завидовать будут.

– Кому он нужен, у всех выездные кони есть. Каждый старается взять себе коня покрепче, чтобы он работать мог, все же себе сено готовят. Разве твой Рыжик потащит сенокосилку или грабли. У него силы не хватит, а если даже потянет, то разобьёт их, он же рысак.

Тут появился председатель колхоза Цибулевский. Несмотря на свой довольно обширный живот, быстро выскочил из машины и сразу набросился на бригадира.

– Вы что, бездельники, породу лошадиную погубить хотите?! Это что за безобразия?! Скрещивать рабочих кобылиц с какими-то уродами?! Немедленно

этого недоделанного отправить на мясокомбинат! – не давая никому открыть рта, кричал председатель.

– Почему это урод? – наконец вставил слово бригадир. – Вот как раз наоборот красавец.

– Да мне уже давно Сергей Пирожков говорил, что Рыжуха урода родила, – не отступал от своего председатель.

– Ну тогда понятно, откуда ветер дует, – зло сплюнув, прогудел Аким, – да ты посмотри на него, вон он стоит.

Цебулевский, как шарик, подкатился к загону и замер. Перед ним стоял рыжий красавец с гордо вытянутой шеей, точёной головой, на длинных стройных ногах. Лицо председателя, как маска лицедея, медленно начало меняться. Напуская злость отступила, жирная довольная рожица мило, по-доброму улыбалась. Но, заметив, как на него смотрит Аким, он опять принял устрашающую мину:

– Красив! Но в жеребцах он нам не нужен. Скажу ветеринару, чтобы он в этом месяце его кастрировал. А там, может, кто-нибудь возьмёт на выезд. Не возьмёт – отправите на бойню.

Поговорив ещё с полчаса обо всём, что касалось полевых работ на отделении, председатель сел в свою развалуху и уехал в посёлок. Бригадир ушёл.

Аким не знал, что ему делать: радоваться или горевать. Радоваться от того, что Рыжик остался в колхозе, горевать от того, что его будут кастрировать. Зашёл в загон, погладил жеребца по холке.

– Ладно, приятель, живи, а там видно будет, – успокоился он и пошёл кормить других лошадей.

В процессе кастрации принимают участие не только члены обслуживающего персонала и ветеринар, но и руководящий состав в лице бригадира, и просто

зеваки – колхозники, в данный день свободные от работы. Это особый ритуал. Бригадир – для того чтобы в нужный момент дать распоряжение зевакам об оказании необходимой помощи и, кроме того, для общего соблюдения порядка. Зеваки – на всякий случай. А вдруг, действительно, понадобится их помощь. Но и, конечно, для выражения восхищения умелыми действиями ветеринара Семёна Терентьевича.

Обслуживающий персонал, в данном случае конюхи Аким и Серёга, были главными ассистентами ветеринара, осуществляющими отлов, повал и удерживание в нужной позе жеребчиков во время кастрации.

Главное действующее лицо здесь, конечно, был ветеринар Семён Терентьевич. В этот день Семён Терентьевич менялся до неузнаваемости, выпив сто пятьдесят граммов самогона для храбрости и чтобы унять постоянную дрожь в пальцах. Он не шёл, а плыл, торжественно вытянув ревматическую спину и задрал голову, в чистом синем халате и резиновых перчатках. Видимо, представлял себя знаменитым хирургом, из столичной клиники.

Кастрации подвергались сразу все созревшие жеребчики, кроме оставленного на племя, в этом случае Валета.

– Давай первого! – задрал палец в перчатке, распорядился «хирург».

Всего жеребцов для данной экзекуции было девять, Рыжик – десятый. В отличие от других жеребцов, содержащихся в конюшне, он видел всю процедуру, так как операционный стол (в виде свежего разбросанного толстого слоя соломы) находился у его загона.

Аким, накинув аркан первому попавшемуся жеребцу на шею, подвёл его к операционному столу. Они с Серёгой, быстро перебросив петли верёвки этого же аркана через грудь у передних ног и через живот у задних, зайдя сзади, резко потянули свободный конец

верёвки на себя. Жеребец глубоко выдохнул и рухнул на солому. Быстро перехватив заднюю ногу, которая при падении оказалась сверху, Аким обвязал её верёвкой, натянул высоко к спине, подготавливая место деятельности ветеринару. Серёга прижал голову животного к земле. Этот приём в животноводстве называется кавказским повалом.

Семён Терентьевич, измазав шкуру лошади йодом, полоснул острым скальпелем, зафиксировал семяпроводы выпавших семенников специальными щипцами и начал их закручивать в плотный жгут.

– Ах, чтоб тебе! – не выдержал один из зевак. – Тебе бы, сволочь, так, – имея в виду ветеринара, выругался он.

– Заткнись, без тебя тошно, – сказал бригадир и показал здоровенный кулак нервному колхознику.

Примерно через полчаса, сняв щипцы и обсыпав рану йодоформом, ветеринар распорядился отпустить мученика. Аким снял аркан с теперь уже не жеребца, а мерина, тот, с трудом поднявшись, медленно побрёл в загон. По морде его катились крупные слёзы, а по внутренним поверхностям ляжек – мелкие капли крови. Отдыхая по несколько минут после каждого пациента, примерно за шесть часов ветеринар кастрировал девять жеребцов. Остался последний – Рыжик. Ветеринар и его ассистенты уже порядком подустали. Семён Терентьевич после каждой очередной жертвы выпивал пару-тройку глотков самогона и уже плохо держался на ногах, но хирургические действия исполнял отменно. Набитая рука промаха не давала.

Рыжик, невольно наблюдавший эти процедуры, нервно ходил по загону. Знакомый запах крови и её красный цвет вызывали у него тревогу, переходя-

щую в страх. Ему хотелось разбежаться и, перепрыгнув забор, метнуться в лес. Но ещё не совсем зажившая рана напоминала ему обо всех ужасах лесной прогулки. К тому же его успокаивало присутствие Акима в этом скопище двуногих животных. Он видел, как страдают его сородичи, но не мог понять, с чем это связано, и особой жалости к ним не испытывал. В то же время внутренним чутьём понимал, что оказаться лежащим на этой соломе он не должен, это грозит ему большой бедой.

Но вот все собравшиеся повернулись в его сторону...

– Может, на сегодня хватит? – с надеждой в голосе спросил Аким.

– Дык я ни проти... – заплетающимся языком выдавил эскулап.

– Нет уж, давайте кончайте всех, – запсиховал бригадир, – мне и так за ваши проделки досталось.

– Ну я Рыжика ловить не буду, – твёрдо заявил Аким, – пусть Серёга старается.

Серёга, взяв аркан, начал перелезать через ограду загона. Рыжик, не любивший этого пьяницу и не ожидавший ничего хорошего от него, злобно заржал и, оскалив зубы, двинулся к забору. Серёга быстро спрыгнул на землю с обратной стороны.

– Нет уж! Вы как хотите, но я примать смерть от етова гада не хочу! – плаксиво заверещал он.

Вот тут-то и подошла очередь полезности присутствующих здесь зевак-колхозников.

– Ну, кто смелый? – кинул клич бригадир. – Кто поймает этого скакуна, тому за сегодняшний день десять трудодней запишу.

В толпе произошло замешательство, желающих не было, и не потому, что они не умели обращаться с лошадьми или боялись их. Нет, и умели, и не боялись – люди всю жизнь провели с лошадьми. Им было жаль

унижать такого красавца, уж они-то понимали толк в красоте животных.

«Ну слава богу!» – подумал Аким и хотел направиться в сторожку. Но тут выступил перед бригадиром неказистый, хлюпенький мужичок.

– Я поймаю, бригадир, – спокойно произнёс он, забирая аркан из рук Серёги.

– Вот сволочь нерусская, – пронеслось в толпе.

Это был кабардинец Лёня, депортированный с Кавказа в Сибирь во время войны как враг народа. На деревне его так и звали – Кабардинец. В те времена врагами были многие: и русские, и нерусские, Сибирь не успевала принимать изгоев со всего Союза.

Быстро, как рысь, Кабардинец перемахнул через забор, намотал на руку аркан и смело стал надвигаться на Рыжика. Рыжик встал на дыбы, чтобы со всего своего веса опуститься на ловца, но тот вдруг стремительно прыгнул в сторону и, оказавшись сбоку, метнул аркан. Петля крепко обхватила шею жеребца. Чтобы не задохнуться, он пошёл за Кабардинцем.

Без посторонней помощи Лёня ловко обвязал петлёй грудь и живот слегка придушенного, потому и беспомощного Рыжика и, дёрнув за свободный конец верёвки, моментально повалил жеребца на солому. Весь процесс этого повала заключался в том, что захваченный петлёй на груди и на животе жеребец не мог глубоко вздохнуть и терял свою силу и мощь...

– Во, гад, даёт, – раздался из толпы злобный возглас, – Акимке, паскуда, мстит.

А мстить, по рассуждению колхозников, было за что. Кабардинец раньше работал конюхом на этом конном дворе, хотя так называемых врагов народа не должны были допускать к стратегическим объектам, которыми в те времена являлись кони – основная тяговая сила и на сельхозработках, и в армейских обозах. А так как быть конюхом желающих не находи-

лось, на конюшню был брошен отщепенец, потихоньку, чтобы никто не знал. Но когда Аким слёзно попросился в конюхи, председатель, с радостью убрав Кабардинца (пока не дошло до НКВД), поставил на его место Бычкова Акима.

Итак, Кабардинец, повалив Рыжика на солому, быстро завязал и подтянул заднюю ногу жеребца к спине, готовя его к страшному действию. Серёга прижал голову животного к земле, навалившись всем телом. Тут уж Аким не выдержал и метнулся к поверженному коню.

– Убыю, сволочь, – шепнул он Кабардинцу, проходя мимо. – Уйди, я сам буду держать, – прорычал он уже Серёге, и тот, отброшенный Акимом, отлетел к ограде загона.

Рыжик ничего не мог понять: как же так, на него налетел злой человек, придушил, повалил на землю. В лошадиных мозгах Кабардинец так и был запечатлён – как Душитель. Нелюбимый им конюх Серёга держит его на земле. А теперь то же самое делает его друг.

– Подожди, Рыжик, сейчас я тебя освобожу, – шептал на ухо коню Аким, не зная пока, как это сделать.

И тут поддатый ветеринар Семён Терентьевич (с бутылкой йода и скальпелем в руках), неожиданно споткнувшись, упал на Кабардинца, рука того сорвалась с крепко удерживаемой верёвки, она, ослабев, освободила ногу жеребца. Под общую неразбериху, устроенную фельдшером, Аким быстро снял аркан с шеи Рыжика. Жеребец наконец-то смог глубоко вздохнуть. И, вздохнувши, почувствовал прилив сил, махнул отпущенной задней ногой, пытаясь сбросить верёвку. Под ногу попало что-то твёрдое. Это твёрдое, отлетев в сторону, залилось истошным криком. Рыжик, освобождённый от пут, вскочил на ноги, увидел катающегося по земле Душителя.

– Лови его! – закричал бригадир.

Несколько человек из состава зевак кинулись для виду к жеребцу, но тут же остановились, оскалив зубы в улыбке.

«Хрен его теперь поймаешь!» – было написано на их довольных рожах.

И верно, Рыжик не стал дожидаться, когда на него кинется толпа, сделав высокий прыжок, он перемахнул через тщетно пытающегося подняться на ноги ветеринара, так же – через забор конного двора и пулей понёсся через луг в сторону конезавода.

10

Пролетев галопом довольно большой луг и выскочив на маленькую полянку у леса, Рыжик замедлил бег, затем остановился совсем. Ему показалось, что он уже был когда-то на этой поляне. Пощипав травы и окончательно успокоившись, жеребец зашёл в лесок, располагающийся рядом с поляной. Обласканный берёзовыми листьями, которые приятно скользили по его лощёной коже, Рыжик остановился в лесной прохладной тени и задремал.

Вдруг вдалеке, с другой стороны рощи, раздалось ржание, немного грубоватое, уверенное, призывное. В ответ ему откликнулось другое, более нежное, осторожное, как бы заискивающее. Эта переключка повторилась несколько раз.

Рыжик, раздвигая берёзовые ветки, пошёл на звук. Рощица быстро закончилась, его взору открылось обширное поле с низкой редкой травой и тропами, выбитыми лошадиными копытами. Вдалеке виднелось приземистое здание, больше его родного конного двора, обнесённое добротной крашеной оградой, за которой гуляли лошади.

Он медленно побрёл в том направлении. Подойдя к ограде, Рыжик удивлённо уставился на лошадей, про-

хаживающихся по манежу. Лошади были не обычные, не такие, каких ежедневно видел Рыжик (толстых, на коротковатых ногах, с большими широкими головами). А эти были высокие, на стройных длинных ногах, с маленькими точёными головками. Подойдя к ограде со своей стороны, эти странные лошади не проявили агрессии, а миролюбиво похрапывли, словно приветствуя его, махали своими красивыми головами. Видимо, признавали Рыжика за своего. Он же не мог видеть самого себя и представлял, что он такой же толстый и неповоротливый, как и его соседи с конного двора.

– Это что за явление? – зайдя в манеж и увидев за оградой приبلудного коня, удивился заводской конюх. – Эй, Семён, выйди сюда, – позвал он кого-то.

– Что случилось? – спросил вышедший человек в спортивном костюме, с хлыстом в руке, видимо, местный жокей.

– Да вот смотри, хороший жеребец откуда-то к нам забрёл. Как ты думаешь, чей он?

– А кто его знает, тут на сто километров вокруг, кроме нашего конезавода, никаких больше нет, а этот похож на наших рысаков.

– Давай загоним, пригодится, будем детей на нём обучать.

– Да он, наверное, ещё дикий, необъезженный, зачем он нам нужен. К тому же, смотри, он меченый – шрам на правой лопатке. Найдут – сраму не оберёшься, – умерил алчный пыл конюха жокей Семён.

Но всё же, открыв ворота, они попытались загнать приглянувшегося им рысака в манеж. Но Рыжик, увидев хлыст в руках человека и почувствовав, что против него опять хотят применить насилие, взвился на дыбы, развернувшись в воздухе на одном месте, стремительно рванулся в сторону рощицы.

– Хорош, подлец, – одобрительно сказал жокей, – но всё-таки дикий. Бог с ним, найдут кому надо.

Рыжик добежал до берёзовой рощи, снова успокоившись, прилёг под берёзками и задремал. Проголодавшись, вышел на поляну и с большим удовольствием стал поедать нежную душистую траву. Потом опять вернулся в рощу. Надвигалась ночь, жеребец начал тревожно озираться в ожидании волков, но волки не явились. Они, напуганные постоянным отстрелом работниками конезавода, забыли дорогу в этом направлении. Рыжику понравилась такая жизнь, и он остался в полюбившейся роще, как он думал, навсегда.

– А ты почему своего Рыжика не ищешь? – спросил Акима бригадир, придя рано утром на конный двор.

– А зачем? Чтобы опять вы издевались над бедным конём? Пусть уж его волки сразу задерут, безо всяких мучений, – не подымаясь с лежака и не оборачиваясь, прогудел Аким.

После исчезновения жеребца он замкнулся, совсем перестал разговаривать с людьми. Уходил в конюшню и целый день находился среди лошадей, иногда и спал с ними вместе, забравшись в кормушку. Прошло уже три дня после исчезновения Рыжика.

– Какие волки, ты что брешешь?! – возмутился бригадир.

– Какие-какие... Голодные, – не обращая внимания на озлобленный тон бригадира, ответил неприступный Аким.

– Он же числится на балансе в колхозной бухгалтерии, кучу денег стоит, с нас троих все трудодни за него снимут. Что мы жрать-то будем?

– Побираться пойдём, – не уступал Аким.

– Слушай, Аким, хватит придуряться. Что ты хочешь, в конце концов?

– Хочу обучить Рыжика, чтобы он был выездным жеребцом, и закрепить за ним несколько кобыл. Будут красивые кони, мы, если они нам не нужны, можем их продавать на рынке кому угодно, даже цыганам.

– Ладно, чёрт с тобой, насчёт кобылиц и распродажи не мне решать. А кастрацию я отменю. Так и быть, обучишь под дрожки, я буду на нём ездить. Бери Рыжуху и дуй на поиски, баран упрямый.

Обрадованный Аким схватил уздечку и седло, бегом припустил в конюшню.

– Надо же, какая любовь! Мало кто так родственников близких своих любит. Блажной! – пробурчал бригадир, а про себя подумал: «Таких бы побольше, жить было бы легче».

Несколько раз день сменяла ночь, затем снова наступал день. Рыжик перестал испуганно озираться в ожидании волков. Вкусная трава и уютная берёзовая роща за эти дни оказали на жеребца лечебные действия, он совсем успокоился, раздобрел, но начал скучать по своей серой кобылице, по доброму конюху Акиму. Здесь он окончательно понял, что тот не предал его, когда связанного стал держать за голову, а наоборот, освободил от душивших его верёвок и помог убежать. Но возвращаться на свой конный двор он боялся и в то же время думал: «Где же этот добрый человек? Почему он не идёт за мной?».

Несколько раз за эти дни он подходил к ограде конезавода и с удивлением наблюдал, как люди, забравшись на спину красивым лошадям, скачут на них, а лошади послушно исполняют все их прихоти. Иногда выводили высокого холёного жеребца, на голову которого были одеты ремни, такие же, как на лошадях на его конном дворе. К этим ремням привязывали длинную

верёвку, и жеребец, натянув её, покорно бегал по кругу манежа.

Однажды, когда в очередной раз Рыжик подошёл к забору, жеребец тоже приблизился с той стороны, раздул ноздри, вытаращил глаза и громко заржал. Но не со злом, а как-то призывно, миролюбиво, словно признал своего. Откуда им обоим было знать, что они и есть свои, с разных сторон ограды стоят отец и сын, но судьба развела их на разные уровни лошадиной жизни.

Работники конезавода больше не пытались загнать Рыжика в манеж, так как прекрасно знали, что он без особых усилий от них ускользнёт, а может быть, просто не считали нужным это делать.

Но однажды Рыжик, пощипывая траву на поляне, услышал знакомое ржание его матери. Подняв голову, он увидел, как, пробежав большие луга, к нему приближается Рыжуха, на спине которой примостился Добрый, и через некоторое время из его уст услышал своё имя.

– Рыжик, Рыжик, ты где пропал, бродяга? – кричал обрадованный Аким.

Спешившись, он попытался с ходу подойти к жеребцу, но тот недоверчиво отскочил в сторону.

– Рыжик, да ты что, не узнал меня, что ли? – обиженно загудел Аким. – Совсем одичал, бродяга.

Услышав ласковые нотки в гудении Акима и чутьём определив, что от него никакой угрозы не исходит, жеребец подошёл к своему товарищу и ткнулся носом в лицо.

Рыжуха тоже, призывно заржав, подошла к сыну и положила ему голову на холку.

– Ну всё, брат, прости, чуть не угробили мы тебя. Больше такого не повторится, – извинялся за всех людей, обидевших жеребца, Аким. – Пойдём домой, завтра буду тебя приучать к работе. Ты уж, браток,

постарайся меня понимать, не то опять будут плохи наши дела.

Завидев свой конный двор, Рыжик призывно заржал, и тут же навстречу ему раздалось радостное ржание серой кобылицы в яблоках. Аким открыл ворота загона, Зорька и Рыжик кинулись навстречу друг другу, встретившись носами, как бы целуясь, прижались боками и начали тихонько тереться щеками. Со стороны казалось, что они что-то нашёптывают друг другу на ухо.

– Чё, нашёлси, беглец? – заверещал появившийся Серёга. – Завтри кастрировать будем, если чё.

– Будем. Только тебя, – осадил его Аким, – давно пора, всё равно с тебя толку никакого нету.

Утром, взяв новый недоуздок* и длинную верёвку, Аким вошёл в загон к своим любимцам. Удалил в отдельный станок Зорьку, в другой станок завёл Рыжика. Поглаживая его по шее, по голове, он потихоньку подводил к ушам недоуздок, почуяв недоброе, жеребец резко замотал головой.

Аким упорно раз за разом повторял свой манёвр, приговаривая:

– Стой смирно, дружок, ты же у меня умный.

Но умник никак не хотел принимать на свою голову ремни, которые не раз он видел на других лошадях, словно догадывался, что эти ремни лишат его любимой свободы.

Аким терпеливо, упорно продолжал добиваться своего и, наверное, уже на сотый раз ему удалось застегнуть недоуздок на голове жеребца. Больших неудобств это Рыжику не принесло, и он вроде успокоился. Аким привязал верёвку к недоуздку и потянул за неё жеребца. Это было необычно и неприятно. Ранее

* Недоуздок – узда без повода.

конюх просто звал его за собой, и Рыжик спокойно шёл в нужном направлении, а теперь Добрый как бы тянул его за собой силой, ограничивая его движения. Выйдя из станка, жеребец вдруг взвился на дыбы, пытаясь вырваться, но сопровождающий его конюх был силен, к тому же воткнутый в рот мундштук удил больно врезался в губы. Рыжик опешил, опустившись на все четыре ноги, он встал и уставился на своего приятеля, словно хотел спросить: «Это ещё что такое? Ты что, опять задумал надо мной издеваться?».

Но Аким, видя недоумение и обиду в глазах своего воспитанника, твёрдо решил не отступать от своих планов (для его же блага). Он привязал жеребца к забору и ушёл в сторожку, вскоре появился с седлом в руках, оседлал Рыжиху, привязав к седлу верёвку, удерживающую Рыжика, сел в седло и погнал кобылу к выходу с конного двора. Верёвка натянулась, увлекая жеребца вслед за матерью, он попытался отскокить в сторону, в одну, в другую, но верёвка и удила сдерживали его прыть. Побившись ещё какое-то время без всякой пользы для своего освобождения, он, наконец, увлекаемый матерью, размеренным шагом двинулся след в след за ней.

Затем Аким, подстегнув легонько Рыжиху, перевёл её на рысь, Рыжик, не сбиваясь с шага, послушно прибавил скорости. И так, то замедляясь, то ускоряясь, Аким до самого обеда гонял лошадей по лугам. Обучение первого дня вроде прошло нормально. Рыжик, успокоившись, выполнил все материнские маршруты безо всяких приключений. На месте спокойно дал Акимуну снять со своей головы недоуздок и пошёл вслед за ним к кормушке, где получил хорошую порцию овса. Так продолжалось неделю. Аким с каждым следующим днём всё увеличивал длину верёвки, как бы давая свободу действий жеребцу, но Рыжик ни разу не рванулся в сторону, а твёрдо выполнял все тре-

бования. Аким уже хотел поставить жеребца под седло, пока без наездника, но обучение пришлось прервать, и на длительный срок. Так сложились обстоятельства.

11

В конце июня в колхозе начинался сенокос, это была самая тяжёлая пора для колхозников и в то же время самая весёлая. Тяжёлая – потому что сено нужно было в короткие сроки накопить, сгрести и сложить в стога, не только в колхоз, но и себе, каждый крестьянин держал в своём дворе по нескольку коров и бычков. Ещё держали, конечно, свиней и домашнюю птицу, но они сена в пищу не употребляли, их кормили картошкой и зерном. Жили тогда люди в основном за счёт своего хозяйства. Денег в пятидесятые да и в шестидесятые годы колхозникам не платили, рассчитывались трудоднями, на которые полагалась натуральная оплата, то есть зерно, масло, мясо либо мёд. Набор продуктов зависел от того, что колхоз производил или выращивал. Чаще всего это было зерно. Хлеб пекли сами, в объёмных русских печах. Муку делали из полученного на трудодни зерна, размалывая его на жерновых мельницах, которые были построены в крупных сёлах. Иногда, в неурожайные годы, эта натуроплата бывала так мала, что её доставляли домой в нескольких мешочках. Чтобы купить какую-то одежонку себе и детям, крестьяне продавали мясо, молоко, зерно, картофель на базарах в посёлке и в городе. Поэтому-то и содержали в собственном дворе много скота, и сена на зиму нужно было наготовить большое количество. И не просто наготовить, а хорошего качества, собрать в кратчайшие сроки, когда в траве находятся белки и витамины, кроме того, ни в коем случае нельзя допускать, чтобы сено попало под дождь.

От гнилого сена – никакой пользы, более того, оно вызывает болезни животных.

А весёлым временем сенокос является потому, что колхозники разбивались на бригады и звенья и с азартом, песнями и прибаутками устраивали соревнования – кто быстрее и больше заготовит этого душистого корма. Даже во время выезда на луга соревновались, в каком звене лучше лошади, кто быстрее доберётся до отведённого ему участка. Звеньевые мужики управляли запряжёнными в широкие телеги упряжками в два коня, а бабы, усевшись на эти телеги с двух сторон, пели песни и подзадоривали мужиков.

Каждый человек во время сенокоса был бесценен.

Вот в это-то время знакомый из посёлка Шигарского принёс Акиму весть, что брат Гаврила тяжело заболел и просит Акима прибыть к нему проститься.

«Пойти отпрашиваться, – думал Аким, – никто не отпустит». Наступила самая тяжёлая работа с лошадыми. Они допоздна были на сенокосах: таскали косилки, грабли, подвозили к стогам копны. После того как возвращались с лугов, конюхи их осматривали, чистили, кормили, поили и, если надо, обрабатывали им копыта. А днём нужно было накосить и привезти травы на ночь.

«Может быть, попросить Серёгу, чтобы он один поработал несколько дней, но Серёга помогал убирать сено свояку, то есть председателю колхоза, – размышлял в отчаянии Аким. – Как же быть? Не ехать? Но брат один у меня, больше из родственников никого нет, унесёт обиду с собой в могилу, сам себя прокляну».

И тут Аким вспомнил, что Лёня Кабардинец сено со всеми вместе не косит. Во-первых, ему, как депортированному в Сибирь, участка под сенокос было не положено. Во-вторых, сено он косил после всех, обкашивал оставшиеся от других наделов края и огре-

хи. В своём дворе как человек с Кавказа кабардинец держал приличную отару овец, а овцы – животные неприхотливые, поедали сено любого качества.

«Пойду к нему, уговорю, – сомневался, но надеялся конюх, – обидел я его недавно, обещал убить. Да и Рыжик его слегка покалечил. Лёня после кастрации лошадей неделю ходил согнутый крючком».

Но деваться было некуда, Аким пошёл к кабардинцу.

– Чиво нада? – неласково встретил тот.

– Дык вот, просить пришёл тебя, – и Аким поведал причину своего прихода.

– Ишь ты как! Сначала голова резать обещала, а теперь жалица пришла, – перевирая русские слова, начал вроде сердито Лёня, но вдруг неожиданно согласился, – хорошо, пойду, подежурю, только ты потома мне сена из своего пая за каждый день моего дежурства копну отдашь.

В колхозе так было заведено, что конюху некогда было косить сено своим коровам, он во время сенокоса постоянно находился на конном дворе. А колхозники от каждого двора обязаны были дать накошенного сена конюхам.

– Хорошо, согласен, – обрадовался Аким, – я быстро обернусь. Ты только там на глаза начальству не вылезай. Если спросят, скажешь, что просто помогать пришёл, а Акимка, мол, за травой уехал.

– Ладна, ехай, – махнул рукой Кабардинец.

В этот вечер Аким запряг Зорьку в дрожки, ненужные во время сенокоса, и двинулся в посёлок Шигарский. Зорька была уже почти обучена ходить в упряжке, но на сенокосе пока не использовалась.

А тем временем в Орловке появился Петька Прокурор, то ли отсидел полный срок, то ли досрочно освободился. Здесь жил у него дядя – Василий Шопин.

В селе его называли Горбатый, он и действительно был такой. Однако Василий был для села достаточно грамотный и занимал в колхозе должность нормировщика. Петька освободился два месяца назад, устроился в посёлке Лесозаводском на комбинат, на сплав леса по реке Яе. И вот, дождавшись выходных, решил приехать к дяде Васе на несколько дней, помочь в заготовке сена.

Пока косили траву, сгребали просохшее сено и ставили копны, Петька Прокурор ни разу не вспомнил про Акима Бычкова. Но вот последняя копна поставлена, тут же организовалось застолье с самогоном и малосольными огурчиками. Выпили по одной, оба были в хорошем настроении, веселы, разговорчивы, а как же, такое дело завершили – живи и радуйся. Выпили ещё по одной и ещё. И тут вдруг на лицо Прокурора свалилась чёрная туча.

Сжав в руке стакан с недопитым самогоном, нахмурившись, как бес, Петька, глядя в упор на дядю, прошипел:

– Дядя Вася, а где этот поганый Акимка Бычков? Живой ишо, паскуда?

– А что ему будет, он самогон не пьёт, табаку не курит, здоровый как бык. Ещё лет сто проживёт.

– Ну ет мы поглядим, сто или чуть поменьше. Он так же, на конюшне работает?

– А где ж ему работать, в бригадиры не выбился.

– Скажи, дядя, у тебя табеля учёта рабочего времени дома или в конторе?

– Да вон в портфеле лежат, я, как на покос ехать, их домой из конторы принёс. А тебе зачем?

– Зачем-зачем, хочу Акиму несколько часов рабочих добавить.

– Петька, не дури, давай лучше ещё по одной выпьем, – почуввав неладное, попытался успокоить племянника Василий.

– Дядя Вася, посмотри, когда Акимка дежурит на конюшне. У тебя же есть график, – не отступал Прокурор.

– Петро, не дури, давай посидим по человечески, – ещё раз попытался вразумить племянника Василий.

– Слушай, хрен горбатый, ты меня из себя не выводи, а то я сейчас этот стол на голову тебе надену!

Василий знал, что с племянничком шутки плохи, он, если захочет, и дяде голову открутит, как курёнку.

– Сегодня дежурит, – заглянув в табель, обречённо сказал Горбатый.

Прокурор больше пить не стал. Выйдя во двор, зашёл в сарай, где лежал его рюкзак. Развязав шнурок, вытащил из мешка финку, которую он, видимо, изготовил в лагере. Нож, широкий и довольно длинный, ярко сверкнул в затухающем вечернем свете и скрылся в голенище Петькиного кирзового сапога.

Прокурор прилёг в сарае на солому, дождался, пока совсем стемнеет. По ночному небу заходили мрачные тучи, иногда на некоторое время между ними выпрыгивала луна, но, словно испугавшись кого-то, быстро пряталась за очередную тучку.

Выкурив папиросу, Петька заглянул в избу. Дядя, сидевший за столом, испуганно вздрогнул и привстал.

– Ты чего не спишь? – невпопад спросил он.

– А ты чего сидишь? – вопросом на вопрос ответил Прокурор. – Вот что, дядя, я пошёл, скоро вернусь. Ты не вздумай куда-нибудь пойти и сболтнуть непотребное. Не дай бог, если что, я тебе кишки выпущу и дом твой спалю.

И, хлопнув дверью, Петька исчез. Вася Горбатый налил себе полный стакан самогона, выпил, загрыз огурцом. Налил ещё один, закрыв глаза, с трудом затолкал самогон в горло, посидел минут пять и рухнул с лавки под стол. Дядя был одинокий, поднимать его из-под стола было некому.

Разложив по кормушкам привезённую днём траву, Лёня Кабардинец затопил буржуйку. Иногда летом ночами бывало прохладно, прилёт на лежанку, пригрелся и совсем уже было задремал. Вдруг в ближнем загоне, где находились Рыжик, Каштан и старая Соловушка, произошло какое-то волнение, затопали копытами лошади. Каштан недовольно фыркнул и захрапел, Рыжик угрожающе заржал. Лёня, подойдя к окну, стал присматриваться, надеясь разобраться, что же там происходит, благо загон находился прямо у окна. Сначала ничего не было видно, но вот на минуту луна выскочила из-за тучи, и Кабардинец заметил, что через забор загона перелезает человек. Лошади отошли в один угол и топтались на месте.

– Какая лихоманка припёрлася? – испуганно прошептал Лёня и, накинув Акимову сермягу, приоткрыл тихонько дверь, крадучись, двинулся к загону.

Присмотрелся – никого, лошади вроде успокоились, но всё так же стояли, сгрудившись в углу. Кабардинец перелез через жерди и зашёл под навес. Вдруг страшной силы удар обрушился на его несчастную голову, и он, дрыгнув ногами, мгновенно отошёл в мир иной.

Петька Прокурор, расставшись с дядей, вышел на улицу и быстро зашагал в сторону конного двора. Идти было достаточно далеко и непросто – дороги в деревне все изрытые и избитые телегами и скотом. Ночь была прохладная, свежий воздух действовал на ходока отрезвляюще, но успокоения разгулявшейся злобе не приносил.

Вот и конный двор. Перепрыгнув через забор, Петька сразу хотел двинуться в сторожку. Было тихо, и он решил, что Аким, скорее всего, дрыхнет без зад-

них ног. Но тут на пути его возникла ограда нового загона. Прокурор перемахнул через жерди и оказался внутри загона, лошади, испуганные неожиданным появлением незнакомца, недовольно зафыркали и заржали, сбились в угол. Петька, испугавшись, что его приход будет обнаружен, спрятался под навесом. Постояв немного, намеренно пугнул лошадей, чтобы они зашумели, надеясь на то, что Аким придёт к загону, привлечённый тревогой лошадей. Так оно и вышло, со стороны сторожки послышались крадущиеся шаги. Человек, неразличимый в темноте, остановился у ограды, постоял немного, затем перелез через забор и двинулся в сторону навеса. Петька, обхватив покрепче нож, выдернул его из сапога и, сделав шаг вперёд, на что-то наступил, больно прибив ногу. Быстро наклонившись, ощупал этот предмет.

«Кувалда! Вот хорошо! – быстро возникла у Петьки подлая мысль. – Грохну кувалдой по башке, кину под ноги лошадям, подумают, что они проломили своему хозяину паршивую голову». Быстро сунув нож в голенище, Прокурор взметнул вверх на вытянутые руки кувалду и обрушил её на голову вошедшему под навес конюху.

Так и не определив в спешке, кого он убил, Петька схватил покойника за ноги, поволок на середину загона. Лошади, злобно заржав, заходили кругом, раздражённо поднимая высоко ноги. Но вот молодой жеребец, вдруг резко изменив направление движения, налетел как ястреб на убийцу. Тот выпустил из рук тело, еле успел отскочить. Однако сзади на него кинулся другой конь, озлобленно храпя, вцепился зубами в одежду, рванул его в сторону, опрокинул на землю. Петька быстро вскочил, выхватил из-за голенища финку, но пустить её в дело не успел. Последнее, что он увидел, – молодой жеребец, развернувшись задом, выбросил заднюю ногу ему в лицо. Удар

крепкого копыта пришёлся Прокурору как раз между глаз, поломал нос и вдавил лоб в череп. Хрястнули кости, хлынула кровь, и Петька вытянулся рядом с убиенным Кабардинцем.

Рыжик, ударив человека, забился под навес загона. Чувствуя запах крови, он никак не мог успокоиться. События сегодняшнего дня не находили места в его лошадиной голове.

Аким, как всегда на рассвете, насыпал в кормушку овса, потом долго гладил Рыжика по щекам, холке и спине, словно прощался, при этом тихо бубнил своим грубым, низким голосом что-то непонятное для лошади. Запряг Зорьку в эту ненавистную для жеребца коробушку и выехал с конного двора.

Через некоторое время в загоне появился Душител. Рыжик не забыл, как этот человек свалил его арканом на землю. Жеребец, возбуждённый появлением этой фигуры, стал раздражённо ходить кругами по загону.

Но, как оказалось, этот странный человек и не думал никого душить. Он вдруг начал раздавать заготовленную с вечера Акимом траву в кормушки. При этом он, как довольный сытной жизнью кот, что-то ласковое мурлыкал сначала старой Соловухе, затем мерину Каштану. На что они согласно кивали головами, поедая сочную траву. Но Рыжик не поддался на эту лесть и при приближении Душителя с охапкой травы к его кормушке недоверчиво отпрянул в сторону. А когда новый конюх попытался приблизиться, для того чтобы приласкать жеребца, Рыжик взвился на дыбы. Душителю пришлось быстро заскочить в кормушку, чтобы не быть раздавленным.

Человек весь день ухаживал за лошадьми: кормил, поил их, чистил кормушки и убирал навоз, но Рыжик

так и не признал его за Доброго, как Акима, и даже за Равнодушного, как Серёгу. Весь день он был нервно возбуждён, словно предчувствовал какую-то беду. И, видимо, не зря.

Среди ночи Рыжик услышал приближающиеся шаги. И вздрогнул! Это были шаги Врага, на всю жизнь запомнившиеся ему. Шаги слышались всё ближе и ближе, вот уже заскрипели жерди под тяжестью прищельца. Вот он зашёл в загон и приблизился к навесу, под которым находились лошади. Рыжик не выдержал напряжения и, заржав, выскочил из-под навеса в загон. За ним выбежал Каштан и недовольно захрапел, злого человека чувствуют все животные, особенно лошади. Скрипя больными суставами, медленно выползла Соловуха. Враг зашёл под навес и притаился, через некоторое время снова вышел и пугнул лошадей, они заржали и, пробежав круг по загону, сбились в угол.

Со стороны сторожки послышались тихие шаги. Вдруг Рыжик уловил запах Акима, но это был не он – пахла накинутая на плечи Кабардинца Акимова сермяга.

«Добрый появился!» – промелькнуло в голове жеребца.

Похожий на Акима человек перелез через забор и направился под навес. Рыжик хотел пойти к нему, но в это время послышался глухой удар и запахло свежей кровью. Этот запах жеребец запомнил ещё из прежних боёв на всю жизнь. Он возбуждённо заходил по загону, за ним, недовольно фыркая, двинулся Каштан. В это время из-под навеса появился Враг, он волок за ноги человека. Запах крови усилился, доводя возбуждение лошадей до крайности.

«Враг убил Акима!» – возникло в сознании жеребца, и он кинулся на Врага, увлекая за собой Каштана. У Петьки Прокурора были шансы выжить, но, увидев

сверкнувший нож, Рыжик понял его злое значение. После того как Каштан кинул убийцу на землю, Рыжик мгновенно принял заднюю боевую стойку. Удар – и всё было кончено.

12

Пришедший рано утром бригадир Михаил Алексеевич удивился тому, что дверь в сторожку распахнута, печурка давно прогорела и вокруг никого нет. Такого, чтобы конюхи самовольно покидали свой пост без присмотра, никогда не бывало. Выйдя из сторожки, он направился к первому загону, в котором стояли Рыжик, Каштан и Соловуха. Лошади, взволнованно храпя, метались по загону, пытаясь выскочить, но после того как Рыжик сбежал вслед за Зорькой, забор в загоне сделали выше.

Такое поведение лошадей насторожило бригадира, он нутром почувствовал, что произошла какая-то неприятность. Поставив ногу на нижнюю жердь, для того чтобы перелезть в загон, бригадир, внимательно следивший за лошадьми, опустил взгляд на землю. Глаза его наполнились ужасом! Посреди загона, залитые засыхающей кровью, лежали два изуродованных человека. В те времена два убиенных для маленькой деревни, каковой была Орловка, – событие, почти приравненное к диверсионным действиям. На ту пору кругом было полно лагерей, на колючую проволоку можно было натолкнуться в любом направлении движения. Случалось, заключённые, в основном отпетые бандиты – рецидивисты, совершали побег. Их ловили, но если отлов затруднялся по каким-то причинам, с ними не церемонились, всадив в спины несколько пуль. В пятнадцати километрах от зоны находилась тайга, и если беглецы добирались до неё, отыскать их было почти невозможно, поэтому их судьбу иногда решал автомат. Но это

в лагерной жизни, а тут, в колхозе, – два трупа среди конного двора! Такое с колхозной жизнью было не совместимо.

Михаил Алексеевич подошёл к лежащим телам ближе. Наклонился, чтобы понять, кто это, и не смог – настолько их лица были изуродованы и залиты кровью. На одном из них был армяк Акима, но фигура вроде не его. В руке другого была зажата финка, определить её лагерное происхождение не составляло труда. Освободившихся зеков было полно, а таких изделий, произведённых в лагерях, ещё больше.

«Возможно, беглый зек», – подумал бригадир, перелез через забор и отправился в контору вызывать милицию из Лесозаводского посёлка, заодно позвонил председателю колхоза.

Вернувшись на конный двор, он увидел большое количество столпившихся у загона людей, которые возбуждённо переговаривались, строя фантастические версии случившегося. Некоторые перелезли через забор и стояли, наклонившись над мёртвыми.

– Мужики, да это же Лёня Кабардинец, – сказал один из них.

– Как же он попал сюда?

– А второй – это точно беглый зек.

– Кто ж их уложил? – повис в воздухе самый главный вопрос.

Тревожная весть быстро облетела деревню, народу собиралось всё больше и больше. Появился Вася Горбатый, трясущимися с похмелья руками зацепился за верхнюю жердь, перелез через забор и подошёл к трупам.

– Петька! – узнав племянника, воскликнул Василий. – Допрыгался. Уложил тебя Акимка.

И только сейчас все вспомнили о конюхах, а вспомнив, всполошились.

– А где же Аким с Серёгой, куда это они сбежали?

В это время подъехали милиционеры вместе со следователем. Затем явился председатель, а с ним и Серёга. Стало ясно, что он здесь ни при чём, Серёга батрачил у своего родственника – председателя.

Выскочив из машины свояка, Серёга кинулся к забору загона и, увидев издалека Акимову сермягу, заморгал глазами:

– А чё, Акимку убили? Ето точно Петька Прокурор завалил! – заверещал он плаксивым голосом. – Он обещал Акима убить!

– Прокурор вон рядом валяется, с пробитой башкой, – сказал кто-то из толпы.

И тут все переключились на Акима.

– А ведь сегодня Аким должен был дежурить, – вспомнил бригадир, – я его никуда не отпускал. Сено он не косит. И зачем это Кабардинец сюда припёрся, натянул на себя Акимову одежонку? – гадал бригадир. – И как попал на конный двор этот рецидивист?

Подошедший следователь внимательно слушал гадания бригадира и что-то помечал себе в записной книжке.

В это время один из милиционеров обнаружил окровавленную кувалду.

– Чья это кувалда? – спросил он у бригадира.

– Акимова, – опередил с ответом Серёга, – он ей колья заколачивал, когда забор делал.

– А почему эти лошади стоят отдельно? – указывая на Рыжика, Каштана и Соловуху, заинтересовался следователь.

– А ето Акимовы любимцы, – опять поспешил с ответом Серёга.

– Что-то много всего у вас здесь Акимова, – удивился следователь.

– Я так думаю, что ето Акимка их прихлопнул, – вдруг сказал ветеринар Семён Терентьевич.

– Почему ты так решил? – обернулся к нему следователь.

– Дык он Кабардинцу обещал голову оторвать за своего жеребца, а с Петькой подрался и после засадил его в тюрьму. Зазвал их на конюшню и долбанул кувалдой по башкам.

– Ну это не так просто, одному двоих завалить, да ещё если кто-то из них с ножом, – засомневался следователь.

– Вы плохо знаете Акима, если он захочет – медведя один завалит, – не отступался ветеринар.

– Смотрите, у жеребца задняя нога в крови по самое колено, – сказал вдруг милиционер.

– Видно, этого зека жеребец долбанул, – внимательно присмотревшись к разбитому лицу Петки, догадался следователь, как бы снимая подозрения с Акима.

– Говорил я, что этот жеребец не доведёт нас до добра, – запричитал председатель Цибулевский.

– Ну где же всё-таки этот ваш Аким? – снова спросил следователь. – Вы внимательней присмотритесь, не пропало ли чего с конного двора? Может, лошадей украли?

– Кобылы Зорьки нет, и дрожки выездные пропали, – сообщил осмотревший хозяйство Серёга.

– Значит, без участия вашего Акима в этом убийстве не обошлось, раз он сбежал, – сделал вывод следователь.

– А я что говорил! – воскликнул Семён Терентьевич. – Ищи теперь ветра в поле! – возмутился ветеринар, как будто больше всех был заинтересован в поимке и привлечении к ответу Акима Бычкова.

– Ничего, найдём, – убеждённо заверил следователь и начал под протокол опрос свидетелей, тех, кто хотя бы что-то мог сказать по существу дела.

Вскоре из МТС пришёл ЗИС-5, трупы погрузили в кузов и отправили в посёлок Лесозаводской, в морг,

для проведения судебной экспертизы. Рыжика привязали в отдельном станке и заперли как подозреваемого в убийстве одного из погибших.

А ничего не подозревавший Аким в это время находился за тридцать километров от произошедших событий, в посёлке Шигарском. С Гаврилой проститься он успел, после чего тот в одночасье отошёл в мир иной, будто смерть специально дожидалась приезда Акима, хотя бы этим пытаясь внести маленький кусочек удачи в непутёвую жизнь забудьги Гаврилы. Похороны брата заняли два дня, на третий день рано утром Аким постоял у свежего могильного холмика, утёр скупую слезу, набежавшую неожиданно на глаза, и, подхлестнув вожжами Зорьку, двинулся домой. Ближе к вечеру подкатив к родному конному двору, Аким с удивлением обнаружил пустой загон, в котором он размещал своих любимцев. Большая засохшая лужа крови вызвала у него тревогу, и ужасная догадка поразила его воспалённый мозг: «Рыжика прирезали?!».

Осмотрев общий загон, Аким обнаружил в нём Каштана, в углу лежала Соловушка, Рыжика не было.

«Точно, лишили жизни жеребца!» – утвердился в мысли Аким. Расстроенный смертью брата, а тут ещё и лишившись любимого коня, разъярённый Аким, не зная, с кого спросить за содеянное, кинулся в «конюховку». На лежаке мирно похрапывал Серёга.

– Эй ты, гад! – рявкнул Аким.

Серёга вскочил и, в ужасе бешено вращая зенками, кинулся под широкий лежак.

– Акимка, не убивай! – истошно завопил он.

– Да зачем ты мне, паскуда, нужен, буду я об тебя руки марать. Говори, куда Рыжика дели?

– Никуда твой Рыжик пока не делся, в дальнем станке стоит, запертый.

– Почему это пока?

– Дык вот, ты убил Петьку Прокурора и кабардинца, а следователь думает на Рыжика, что и он принимал в этом убийстве участие.

– Ты чё, дурак, несёшь, какое убийство? Ну-ка вылазь сюда, рассказывай всё, что тут случилось.

Опасливо отстраняясь от Акима, Серёга вылез из-под лежака и начал торопливо излагать произошедшие события.

– А при чём же здесь я? Меня же не было в деревне, я брата ездил хоронить.

– Об этом никто не знает. Все думают, что ты сбежал. Ветеринар Семён Терентьевич так и говорит, что это ты убил обоих и смылся.

– А этому коновалу чё от меня надо?

– Не знаю, это ты у него спроси.

Озадаченный таким поворотом дела, Аким пошёл в станок Рыжика, тот обрадованно заржал в надежде на скорое освобождение из плена, но конюх выпускать его не стал, насыпал в кормушку овса и ушёл в сторожку.

Вечером к конному двору подъехала грузовая машина. Милиционеры, приехавшие на ней, надели на Акима наручники и увезли в посёлок Лесозаводской, в КПЗ.

Следствие вёл опытный следователь Вениамин Макарыч Соловьёв. Первое впечатление от встречи с Акимом произвело на него двойственное впечатление.

Одно – доброе. Когда речь заходила о лошадях, подозреваемый в убийстве конюх преображался, находил такие слова, характеризующие их повадки, которые нелюбой человек мог сказать о своих родных братьях.

Второе – равнодушное или даже злое, когда речь заходила о людях, каким-то образом замешанных в этом деле.

– Какие отношения вас связывали с Леонидом Глепсоруковым? – задал вопрос следователь.

– А кто это такой? – вопросом на вопрос ответил Аким.

– Так это же убитый кабардинец, а вы что, не знали его фамилии?

– Не знал, его по фамилии никто не называл.

– И всё-таки, что вас связывало с ним? Вы друзья?

– Нет, я друзей не заводил, тем более таких сволочных. Мои друзья – кони.

– Почему же он сволочной?

– Потому что он не любит лошадей и не имеет к ним жалости.

– Так, значит, правду говорят, что вы хотели его убить за то, что он завалил вашего любимого жеребца для кастрации?

– Да, я так говорил, но это – так, простая угроза, от злости. Хотя если бы кастрировали не жеребца, а его я бы против ничего не имел.

– Тогда зачем же вы позвали его на дежурство вместо себя, когда поехали на похороны?

– Позвать больше некого было, все были заняты. Я уехал без спроса, хотел, чтобы об этом никто не знал. А он болтать не умеет.

– Значит, вам придётся отвечать и за то, что вы уехали без спроса, и за то, что в такую страдную пору угнали коня.

– За это отвечу, но кабардинца я не убивал.

– А какие отношения у вас были с другим убитым – Петром Буровым, известным по кличке Прокурор?

– А какие у меня могут быть отношения с этой гадиной, которая издевается над лошадьми. Ему – что трактор, что лошадь, допусти – он всех переломает.

– А правда то, что вы его избили? И за что?

– Этот Прокурор издевался над лошадью, которая недавно ожеребилась.

– Он хотел вам отомстить?

– Да, однажды набросился на меня с ножом, и, если бы не мой любимец, он бы меня прирезал.

– А что это за любимец такой? Второй конюх, что ли?

– Кто?! Серёга? Да он размазня. Меня спас жеребёнок Рыжик.

– Вас послушать, так все люди у вас размазни и сволочи, а хорошие – только кони.

– Так и есть, добро я получал только от коней. А люди? Видимо, хороших людей около меня мало было.

– Как вы думаете, кто убил Леонида Тлепсорукова, если не вы?

– Я думаю, Петька Прокурор пришёл убивать меня. И ошибся.

– А кто же тогда завалил его, не мог ли это сделать ваш любимец Рыжик?

– Не знаю. Вам видней, разбирайтесь.

«Нет, этот человек не мог быть убийцей, – размышлял Вениамин Макарыч, – сгоряча он может искалечить любого – силища дикая. Но чтобы вот так всё обдумать, собрать всех в одно место, на это он не способен, да и хитрости для этого у него нет, тем более связать это с похоронами брата».

Большинство колхозников отзывались положительно об Акиме Бычкове. Показания дал Василий Шопин, дядя Петьки Прокурора, не утаив, как он выдал племяннику график работы на конюшне, и сообщил, что Петька действительно намеревался убить Акима. Все события той ночи стали понятны правоохранительным органам: Пётр Буров убил Леонида Тлепсорукова, думая, что убивает Акима Бычкова, а жеребец Рыжик, возбуждённый запахом крови и необычными действиями против его хозяина, убил Петьку Прокурора. Это подтвердила и экспертиза:

в первом случае удар был нанесён кувалдой, во втором – лошадиным копытом.

Но суд над Акимом Бычковым всё-таки состоялся. За самовольную отлучку с места работы и угон лошади в трудную для колхоза пору его приговорили к трём месяцам исправительных работ, но не по месту жительства, а в особом поселении. Было вынесено и судебное определение в отношении Рыжика: «В связи с тем, что жеребец по кличке Рыжик, принадлежащий колхозу, представляет собой угрозу жизни людям, суд постановил: в течение месячного срока отправить его на бойню города Шахтёрска и предоставить об исполнении данного определения справку судебному секретарю».

13

Председатель колхоза Цибулевский, получив судебное предписание о ликвидации жеребца, обрадовался. «Вот и хорошо, – думал он, – и спорить ни с кем не нужно и препятствовать некому. Бычков сидит, а Серёге всё равно, есть этот жеребец или нет его. Всё меньше хлопот». И председатель, подняв трубку телефона, попросил оператора соединить его с директором мясокомбината города Шахтёрска:

– Андрей Петрович, привет, – услышав ответное «аллё», приветствовал директора мясокомбината Цибулевский, – тебе случайно жеребец не нужен?

– Что за жеребец, красивый? – заинтересованно спросил тот. – Да хотя откуда у тебя красивые лошади, ты же тяжеловозов себе понабрал.

– А как ты думал, мне рабочие кони нужны, а не рысаки. Я же не собираюсь скачки в колхозе устраивать. Но этот действительно хорош, красавец, видимо, кобылица с моего конного двора схлестнулась с жеребцом с конезавода. Рысистая порода победила, ничего от моей кобылы ему не досталось, настоящий рысак.

– А что же ты от него хочешь избавиться? Пусть его конюхи обучат – и будет у тебя выездной жеребец. Заодно, если надо будет, он и отцовские обязанности выполнит.

– Да он уже много чего здесь навыволнял, не могу больше держать, суд постановил от него избавиться.

– А при чём здесь суд? – удивился Андрей Петрович.

– Да при том, что этот жеребец человека убил, – и председатель колхоза Цибулевский подробно изложил всё произошедшее на конном дворе села Орловка.

– Так, а ты зачем мне его предлагаешь? – выслушав председателя, возмущился Андрей Петрович. – Хочешь, чтобы он и меня на тот свет отправил? Ну уж нет, спасибо!

– Ладно, не обижайся, это я так, на всякий случай предложил. Не хочешь покупать живьём, присылай «скотовозку», придётся отправить его на убой.

– Хорошо, завтра машина будет, но я ещё посмотрю на твоего рысака. Может быть, татарам загоно, их в Шахтёрске полно, две улицы большие занимают.

К обеду следующего дня к конному двору села Орловка подкатила машина, так называемая скотовозка – обыкновенный грузовик ЗИС-5. Борты кузова этого грузовика были высоко надшиты досками, чтобы животные не могли выскочить. На бортах с двух сторон были нарисованы рогатые коровьи головы.

Бригадир Михаил Алексеевич и конюх Серёга, предупреждённые заранее об отправке Рыжика на убой, с утра ждали эту машину. Решили заодно отправить туда же и старую клячу Соловуху, она уже не только плохо ходила, но и плохо подымалась. Открыли задний борт, поставили трап.

Сначала вывели Соловуху, она, еле перебирая ногами, кое-как дотянула до трапа. Посмотрев подслеповатыми глазами на нарисованную коровью голову, вдруг свалилась на землю, словно поняв, какая участь ждёт её в дальнейшем. Мужики, позвав на помощь шофёра, с большим трудом завалили на трап старую клячу и почти волоком затащили в кузов.

– Ну, иди веди жеребца, – приказал бригадир Сергею.

– Не, не могу, – вдруг захлопал носом конюх.

– Ты чего, ты же так его не любил, а теперь нюни распускаешь. Иди! – повторил приказ бригадир.

– Нет, Алексеич, што хошь со мной делай, не могу я такую подлость совершить против Акима.

– А я, значит, подлец? Должен тащить сам этого жеребца. Мне, может, больше твоего его жалко. Ты же знаешь, что нам послушаться нельзя, под суд пойдём.

– Нет, ты не подлец, но стойкости в тебе поболее моего.

Спорить было некогда, и бригадир, понутив голову, пошёл в станок к Рыжику. Жеребец помнил, что он когда-то определил этого человека по отношению к себе в Добрые. Когда-то он ел кусочки сахара с ладони этого большого человека и, не ожидая от него ничего плохого, пошёл следом за натянутой уздой, надеждой на его красивую голову.

Увидев машину, для него незнакомую штуку, жеребец удивлённо раскрыл глаза. Ведомый по трапу, он не сопротивлялся, доверяя ещё этому человеку, но недовольно фыркнул и заржал, начал искать глазами Акима. Не найдя его, ещё раз жалобно заржал. Увидев лежащую на полу Соловуху, Рыжик понял наконец-то, что его заманили в ловушку. Хотел, развернувшись, выпрыгнуть на землю, но было уже поздно, задний борт захлопнулся, стукнув его верхней доской по голове.

Машина взревела и двинулась по ухабистой дороге. Бригадир и конюх, слушая прощальное ржание жеребца, понурился головы и не глядя друг другу в глаза, разошлись в разные стороны.

Дорог до города было две: одна – грунтовая насыпная – шоссе, другая – полевая, то есть проторенная по колхозным полям и лугам, иногда проходила по берёзовым перелескам. Полевая дорога была гораздо хуже грунтовой, но намного короче и спокойнее. Движения транспорта на ней почти не наблюдалось. Да и особо торопиться было некуда. Но самое главное, шофёру Павлу Гавриловичу (в то время шофера были в большом почёте, и иначе, как по имени-отчеству, их не называли) очень хотелось опохмелиться. Перевозчику скота частенько выпадала калымная подработка: доставить животину на мясокомбинат, перевезти от одного хозяина к другому, а то просто подкинуть по пути какой-нибудь нужный груз. Расчёт за выполняемую работу бывал один – пол-литра водки.

Отъехав от села Орловка на приличное расстояние, Павел Гаврилович завернул в лесок, поставил машину на взгорок так, чтобы по завершении задуманного перерыва можно было задом выкатиться на дорогу и продолжить необходимый маршрут. Достал бутылку, налил стакан водки, смачно, с удовольствием выпил и, закусив колбаской с огурчиком, задремал, развалившись на мягкой траве.

Рыжик никак не мог понять, что же с ним происходит. Зачем его заточили в какой-то движущийся ящик. Что за рёв издаёт эта вонючая телега. И почему вместе с ним в этот каземат поместили старую клячу Соловуху. Кроме того, из-под ног, с деревянного настила, исходил возбуждающий запах застоявшейся крови. Он не зря чувствовал этот запах, потому что

в некоторых случаях животных кололи прямо в кузове. Рыжик нервно переступал ногами, боясь наступить на развалившуюся бессильно почти по всему полу Соловуху. Вдруг всё это движущееся сооружение, повернув в лесок, остановилось.

«Сейчас меня выпустят на волю», – подумал Рыжик, но ожидаемого не последовало. Что происходило снаружи, ему увидеть не удавалось из-за высоких бортов. Рыжик попробовал навалиться на сдерживающие его деревянные щиты. Они потрескивали, но не ломались. Опустив голову, жеребец обречённо затих.

Казавшаяся мёртвой Соловуха на самом деле была ещё жива, и, как ни странно, мозги в её старческом черепе лихорадочно работали – может быть, бредили. Она вспоминала время, проведённое на родном конном дворе вместе с лошадьми и людьми, окружающими её. Вспоминала сытную жизнь и периоды голодовки, плохое и хорошее отношение людей к ней. Хорошего было больше, её ценили, особенно после того случая, когда она из пурги вывезла человека, который потом стал за ней ухаживать, как за собственной матерью. Но не забыла она и того, что в конечном итоге благодарность этих людей сводилась к тому, что старых либо больных лошадей грузили в этот ящик, с нарисованными коровьими головами, и увозили в неизвестном направлении, откуда они больше никогда не возвращались. Она инстинктивно догадывалась, куда, но то, что происходило сегодня, сейчас, в её бредовых размышлениях не укладывалось: «Зачем же в этот предсмертный ящик загнали молодого красивого жеребца, в самом расцвете его лошадиной жизни?» Она каким-то образом, видимо, испытывая непреодолимый материнский инстинкт, решила не допустить такой несправедливости. Как? Она пока этого не знала.

Но когда через пелену, застилающую её потускневшие глаза, она с трудом увидела, как жеребец пытается поломать заплот и не может этого сделать, Соловуха поняла, что ей нужно. Она решила для спасения рода лошадиного пожертвовать собой. В это время их гудящая телега остановилась так, что пол под ногами наклонился в сторону задней стенки. Соловуха, собрав все оставшиеся силы, скрипя больными суставами и дрожа дряблым телом, приподнялась на ноги и бросила пятьсот килограммов костей своего скелета на задний борт автомобиля.

Павел Гаврилович, услышав треск и грохот, вдруг возникшие неизвестно откуда, вскочил и, вылупив глаза, метнулся к автомобилю.

«Мотор взорвался!» – мелькнула первая мысль, но под капотом машины всё было нормально. И тут он заметил какую-то возню у заднего борта, побежал туда. На земле лежала старая кляча, над ней, тревожно вздрагивая всем телом, стоял растерявшийся рыжий жеребец. Вывалившись за борт, увлекаемый Соловухой, он ещё не осмыслил произошедшего. Увидев выскочившего из-за машины человека и не ожидая от него ничего хорошего, Рыжик кинул прощальный взгляд на свою спасительницу, взвился на дыбы и маханул в лес.

Веки Соловухи медленно сомкнулись, она, вздрогнув, вытянулась.

14

Животные умеют ориентироваться в пространстве, а лошади, несомненно, делают это лучше других. Рыжик мог бы свободно найти обратную дорогу на свой родной конный двор, но события последних дней внесли сомнения в его мысли. Он догадывался о том, что дома ничего хорошего его не ожидает. Кроме того, жеребец не забыл, что в том направлении,

откуда его везли, однажды повстречался с волками, которые, если бы не его верный друг Добрый, лишили бы жизни его и любимую серую кобылу в яблоках. Откуда ему было знать, что летом сытые волки близко к селу не подходят, а скрываются в глубине тайги, где занимаются увеличением и обучением своего потомства.

Поэтому, постояв несколько минут на месте, Рыжик повернул в обратную сторону от своего села, медленно побрёл по редкому берёзовому лесочку в сторону города. И так, поедая свежую траву, он переходил от одного лужка к другому, приближался к городской окраине. Что бы делал деревенский жеребец на городских улицах? Трудно сказать. Но добраться до окраинных домов ему не удалось.

Вдруг из неглубокого ложка послышалось ржание, Рыжик поднял голову в том направлении и глубоко втянул расширенными ноздрями воздух. Запахло дымком, точно таким, как из печурки в «конюховке». Почуввав родной запах, жеребец двинулся в сторону ложбины. Преодолев пригорок, скрывающий доносившиеся до него звуки и запахи, Рыжик, озадаченный увиденным, насторожённо замер. Его взору представился странный посёлок: дома, издали похожие на деревенские избышки, меняли свои очертания под порывами ветерка, проносившегося по лощине. Между этими странными домиками горели дрова, но не в печурках, а прямо на земле, над этими пылающими поленьями висели ведёрки, окутанные клубами пара, распространяя неприятный для коня запах варёного мяса. Вокруг мелькали непривычные своим обликом двуногие животные – люди. Все они были необычайно тёмной масти – вороной, обросшие чёрной кудрявой гривой, и даже их маленькие дети носили на голове шапки густых чёрных завитушек. Разговаривали они тоже непривычно-странно. Рыжи-

ку вспомнилось то время, когда он сравнивал разговор людей со щебетанием птиц. Так вот эти вороньи люди, если перевести на птичий язык, каркали, как вороны.

Отдельно, в стороне, стояли другие домики – на колёсах. Они снизу напоминали телеги с его конного двора, у них были такие же колёса, но верхняя часть представляла собой огромный цветной шатёр. Ещё дальше, на большом лугу, паслись несколько лошадей, они были не такие большие, как на конюшне, но и не такие красавцы, как на конезаводе. Что-то между теми и другими.

Рыжик решил подойти ближе к соплеменникам, поэтому, с опаской оглядываясь, двинулся в сторону конского табуна.

Он был очень осторожен, наученный горьким опытом. Жеребец думал, что овладеть своей свободой он ни в коем случае не позволит никому. Но Рыжик ошибался. Если бы он знал, к кому приблизился, то обошёл бы это поселение далеко стороной.

Иона Чорбу, то ли молдавский, то ли румынский цыган, не был цыганским бароном, но он был старшим в этом цыганском таборе, объединившем всех его родственников и одиноких безродных цыган, принятых в этот табор в качестве рабов. В поисках хорошей жизни табор за три летних месяца из далёкой Молдавии добрался до Сибири, пользуясь слухами о том, что здесь будто бы райская жизнь, можно сытно есть, сладко пить и, если подвернётся удача, можно быстро разбогатеть. Но на деле все эти слухи оказались красивыми сказками. Сибирь не принимала бездельников и вымогателей, здесь нужно было, как и во всей России тех времён, добывать себе пропитание тяжёлым трудом. А цыгане к этому не при-

выкли. Им нужна была лёгкая пища, добытая воровством, гаданиями и обманом.

К тому же люди здесь оказались суровыми и прощать различные мошеннические выходки не собирались. Однажды Иона решил на кражу коней в одном посёлке, по незнанию забрался с четырьмя своими работниками на конный двор вольного поселения одного из множества сибирских лагерей. Всё сделали очень тихо, вывели каждый по одной лошади. Обрадованные успешным воровским рейдом, решили тут же оседлать их. Как только они запрыгнули на спины краденых коней и их фигуры, отделившись от земли, стали хорошо видны на фоне звёздного неба, тут же раздались винтовочные выстрелы. Оказалось, охранники давно обратили внимание на расположившийся в нескольких километрах от поселения цыганский табор. Зная их норы, насторожились и, ожидая скорой попытки угона лошадей, были начеку. Заметив незваных гостей, они, вместо того чтобы отпугнуть, решили раз и навсегда покончить с подлыми расхитителями. Четырёх рабов Ионы уложили на месте, сам он чудом спасся, соскочив с лошади и упав в канаву, слился с суровой сибирской землицей. Затем, как змей, загребая грязь руками и животом, метров триста полз по-пластунски. В ту же ночь табор спешно снялся и исчез с нагретого места, бросив своих убиенных безродных рабов, которых зарыли, как беглых зеков, без опознавательных знаков. Иона не имел жалости ни к кому.

Ворожба цыганок тоже выживать не помогала. В сибирских деревнях жили люди – не чета легкомысленным европейцам. При виде цыганок, идущих по улицам, размахивающих многочисленными юбками и галдящих, как вороньё, выпускали на них собак, наглухо закрывая ворота на засов. А в городах

поживиться не давала милиция, прогоняя ворожеек за пределы городской черты. Жить приходилось на небольшие деньги добровольцев, которые сами приходили в табор, чтобы узнать свою дальнейшую судьбу.

И тогда Иона, чтобы хоть как-то оправдать перед родственниками свою руководящую роль, придумал новую, как ему казалось, идеальную аферу. Он объявил всем, что создаёт цыганскую бригаду по ремонту сельхозинвентаря. В таборе был свой кузнец Матей, в общем-то неплохой мастер, он ковал таборных лошадей, но больше никто из цыган мужского пола молоток в руках не держал ни разу.

И вот новый бригадир цыганских «мастеров» начал объезжать колхозы с предложением ремонтных услуг. Желających воспользоваться этими услугами долго не находилось. Но, как говорится, кто ищет, тот всегда найдёт. В одном из колхозов то ли потому, что председатель был неопытный, то ли соблазнились низкими расценками, но договорились, наконец, отремонтировать к началу вспашки зяби бороны, зубья которых от постоянного соприкосновения с землёй расшатались и изнашивались. Нужно было выковать новые зубья и поставить на место, в каждую борону по шестьдесят штук. Работы много, цыган тоже, а кузнец-то один. И вот тут-то понадобилась смекалка Ионы. Пока все делали вид, что заняты непосильным трудом, перетаскивая с места на место бороны, он раздобыл где-то две бочки чёрной клеевой смолы, видимо, стояла без присмотра. Ночью цыгане покрасили все бороны смолой, к утру она засохла, и зубья замерли в своих гнёздах неподвижно. Для виду ещё пару дней «мастера» побегали вокруг кузни, где расположили бороны, на третий день пригласили для приёмки выполненной работы председателя.

Тот, как увидел блестящие новизной бороны, от радости зашёлся:

– Мужики, да я вам не только обещанное по договору отдам, но ещё и премию в виде зернового довольствия выдам.

– Да ты уж, батька, позвони другим председателям, что мы добрые мастера, – залился соловьём Иона, – видно, ты в Сибири самый умный человек.

– Позвоню, обязательно позвоню, – сиял председатель.

Но тут, на беду Ионы, пришёл деревенский кузнец Петрович, отлучённый на время из-за цыган от своей работы.

– Разбросали тут, черти черномазые, бороны, не пройти, – и он, схватив первую попавшуюся в руки, со злостью отшвырнул её в сторону.

Борона звякнула, смола осыпалась, обнажая разболтанные в разные стороны старые зубья.

– Ах, мать вашу! – взревел Петрович, хватая полупудовую кувалду в руки. – Отремонтировали, значит?! – И он замахнулся кувалдой на Иону.

Но тот приземления кувалды на свою голову дожидаться не стал и вылетел стрелой из кузни, за ним ретировалась и остальная цыганская свора. К их ужасу, услышав ругань, из гаража бежали на помощь Петровичу сельские трактористы, держа в руках различные металлические предметы.

На этом цыганские злоключения не закончились. Подбодрённые удачным трудоустройством своих мужиков, цыганки решили, что теперь сельское население будет к ним относиться более лояльно, и двинулись по деревне на промысел. И верно, прослышав о заключённом договоре, местное население собак на галдящих цыганок не спускало, но и ворота с запора не снимало. И тогда гадалки, потерпев фиаско в своей основной профессии – гадании, занялись хищени-

ем гуляющих по деревне кур, хватая их на ходу и пряча под многочисленные юбки. Однако сельские бабы были не лыком шиты и неробкого десятка, они умели постоять за своё имущество. Самая боевая «разведёнка», Нюрка Рябая, быстро сколотила группу захвата из десятка бывалых бабёнок. Цыганки были перехвачены посреди площадки, где стояла общая поилка для скота – огромное корыто, наполненное до краёв водой.

Взору бегущего Ионы предстали цыганки из его табора, почему-то взлетающие вверх ногами и ныряющие головой в корыто с водой, при этом из их юбок вылетали куры. Бабы, прихватившие воровок, увидев толпу цыганских мужиков, побросали помятых цыганок в поилку и быстро скрылись в соседнем дворе. Цыганки, выскакивая из мутной воды, похожие на мокрых куриц, кинулись вслед за своими мужиками. И вовремя, в конце улицы показались механизаторы, с ломами наперевес.

– Хасиям, мре дадорэ! (*Ай, пропали, батюшки!*) – вопили растрёпанные цыганки, обгоняя своих мужиков.

Вот так закончился колхозный вояж для вожака табора. В таборе назревал скандал. И тогда Иона Чорбу поклялся, что отомстит этим проклятым колхозникам: ближе к осени, перед тем как двинуться на родину, намерен угнать всех колхозных лошадей с конного двора.

– Грен традаса табунэнца (*Табунами мы коней погоним*), – заверил он.

На том и порешили, обнадёженные светлым будущим, успокоившиеся цыгане разошлись миром.

Табор срочно снялся и, отъехав на двадцать километров от злополучного колхоза, разбил свои разноцветные шатры под городом Шахтёрском. Вот в это время Рыжик вышел в его расположение.

– Иона, Иона, – приглушённым воровским шёпотом позвал лежащего на траве предводителя племянник Аурел, – смотри, Иона, какой красавец к нам пожаловал. Рысак сибирский, точно говорю.

– Заткнись, сам давно заметил. Возьми верёвку, заходи от леса, а я по ложбине проползу, навстречу ему. Смотри не спугни – убью.

Иона действительно сразу заметил появление Рыжика, упал на траву и притих, мысли в его хитроумной голове заметались пойманным соколом: «Откуда такой красавец взялся? В ближайших колхозах таких лошадей и в помине не существовало. С конезавода? Это далеко, если поймать и спрятать, а лучше продать, быстро не хватятся. Появятся деньги, у городских татар они водятся. До осени доживём, а там ограбим паршивый колхоз – и в путь». В это время его окликнул племянник Аурел.

Отправив Аурела к жеребцу в обход, сам Иона, прихватив специальный аркан из тонкой волосяной верёвки, как уж, пополз по ложбинке к пасущимся неподалёку лошадям. Что-что, а в делах захвата животины молдавскому цыгану Ионе Чорбу равных не было.

Рыжик, приблизившись на пять-шесть шагов к цыганским лошадям, наблюдая за ними, на некоторое время потерял бдительность. В этот момент из травы со стороны леса вдруг поднялся чёрный лохматый человек и кинулся к нему. Рыжик отскочил в сторону пасущихся лошадей и допустил оплошность, из-за ближнего к нему мерина вылетела верёвочная петля и в одно мгновение оказалась на шее. Рыжик рванулся в обратную сторону, но тонкая волосяная верёвка больно обхватила шею, перехватив дыхание. Верёвка из конского волоса конокрадам приносит двойную пользу: во-первых, упругая петля, никогда на лету не

закручивается, во-вторых, после захвата волос впивается в нежную кожу на шее пойманного коня и вызывает нестерпимую боль.

Рыжик сделал ещё несколько попыток освободиться, но, кроме страданий, ничего не добился. То, что произошло после, парализовало его и на некоторое время лишило способности к сопротивлению. Из-за мерина, не выпуская из рук верёвочного аркана, вышел приземистый косолапый лохмач и, перебирая верёвку, вплотную подошёл к жеребцу, положил ему руку на грудь. И в этой руке Рыжик почувствовал такую силу, что замер как вкопанный. Нет, это была не физическая сила – сила мускулов. Это было что-то другое – сила бесстрашия, повелителя, хозяина, проникшего в самую суть замыслов животного. «Ты – мой, я – твой хозяин, что захочу, то и сделаю с тобой», – через прикосновение руки цыгана передавалось в сознание коня. Да, лошади понимают характер человека. За несколько метров чувствуют труса, никогда ему не подчинятся. Так же чувствуют издали силу духа храброго, твёрдого характером хозяина и соглашаются служить. Кстати говоря, на трусливого человека всегда набрасываются пчёлы!

Лохматый человек тем временем начал что-то бормотать своим каркающим голосом, и это бормотание, как ни странно, опять подействовало на жеребца успокаивающе. Человек ослабил петлю на шее коня и смело пошёл вперёд, повернувшись к нему спиной, не боясь, что конь прыгнет на него либо укусит. Рыжик, глубоко вздохнув, покорно двинулся следом.

Иона, довольный результатами удачной охоты, предчувствуя богатый калым, завёл жеребца подальше в лес, выбрав глухую полянку, заставил Аурела вырубить и заколотить в землю посредине поляны

надёжный кол, волосяной верёвкой привязал жеребца к этому сооружению.

– Жеребец-то необученный, – осмотрев плечи и спину коня, сообщил Иона племяннику, – на плечах следов хомута нет, и на спину седло никто никогда не надевал.

– Да какая разница: обученный-необученный, главное, он теперь у нас. Надо поскорее его сбыть, пока хозяин не нагрязнул.

– Щенок тупоголовый, – выругался Иона, – кто же возьмёт необученного жеребца за хорошие деньги. Да и договориться в чужой земле быстро ни с кем не удастся, придётся вести его на базар. Как ты это сделаешь с диким жеребцом?

– Ты же справился с ним.

– Не думаешь ли ты, болван, что я сам его поведу на базар? Буду я ещё рисковать своей головой! Это сделаешь ты! Хотя какая-то польза от тебя будет. Хватит болтать зря, завтра возьмёшь Паула, и начнёте обучать жеребца, он в этом деле толк знает. Две недели вам на это даю. Не сделаете – выгоню обоих, будете побираться в чужих краях. Сбыть его нужно скорее, он меченный, на правом плече шрам.

Паул, пятнадцатилетний оболтус, не раз ловленный и битый за карманные кражи, действительно был дока в верховой езде. Если уж он вскакивал коню на спину, свалить его оттуда не удавалось никому.

Рано поутру, захватив с собой пеньковую верёвку, уздечку и кнут, Аурел и Паул двинулись обучать пойманного накануне коня. Паул, приплясывая от радости в предчувствии развлечения, ловко щёлкал цыганской плёткой, щелчок получался хлёсткий, звук напоминал сухой выстрел из винтовки-трёхлинейки.

Из большой любви к лошадям цыгане все конские принадлежности, включая сбрую, делали тщательно, красиво, с большим старанием. Плётка была сплетена

из телячьей кожи, хорошо выделанной и покрашенной в чёрный цвет. Ручка её вырезана из вишнёвого сучка и украшена медными, сияющими в солнечных лучах пластинами с завитушками. Утолщённое от рукоятки плетение хлыста, постепенно сужаясь, вытягивалось метра на два и заканчивалась косицей конского волоса со вплетённой в неё медной проволокой.

Уздечка, сшитая из кожи высшего качества, была усыпана медными бляхами, начищенными до золотого блеска.

Проходя мимо своего табуна, приятели прихватили с собой крепкого мерина, необходимого в задуманном деле.

Рыжик, привязанный к деревянному колу, не уснул ни на минуту. Волосьяная верёвка, обхватившая его шею, хоть и была ослаблена этим лохматым хромоногим колдуном, однако раздражала нежную кожу жеребца. Траву он тоже не ел, возникшая после ухода лохмача тревога не давала жеребцу покоя. Нервно прохаживаясь, он вытоптал вокруг кола её всю до земли. Всю ночь ему казалось, что вот сейчас из леса, в котором он был привязан, выскочат злобные волки, а у него даже нет возможности обороняться от них.

Скоро забрезжил рассвет, и спустя некоторое время Рыжик услышал, как за лесом закаркали, загалдели эти странные люди.

И вот на поляну, раздвигая берёзовые ветки, вышли два лохматых вороних человека, одного, который был повыше, жеребец узнал, это он вчера кинулся на Рыжика из лесу. В руках у него были знакомые предметы: верёвка, с ней жеребцу приходилось уже встречаться не раз, ремни, которые одеваются на голову, ему тоже были знакомы. В руках второго лохмача, поменьше ростом, был тоже известный жеребцу пред-

мет: им некоторые люди с его конного двора хлестали лошадей для ускорения хода. Правда, те, колхозные предметы, по сравнению с цыганскими выглядели убого. Его хозяин Добрый никогда и ничем его не хлестал. Увидев бредущего за людьми мерина, Рыжик заржал, тот, задрав голову, охотно ответил.

Когда люди приблизились к нему на расстояние вытянутой руки, Рыжик почувствовал, что эти двое его не боятся, а наоборот, пришли навязать ему, Рыжику, свою волю.

Высокий лохмач, больно затянув на шее волосяную верёвку, ловко накинул ремни на голову Рыжика и воткнул в рот блестящие железяки.

– Послушай, Паул, а по-моему, этот жеребчик с уздой уже знаком, – обрадованно сообщил Аурел, – он даже голову не отдернул, когда я её надевал.

– Ха, вот и славно, сейчас мы на нём прокатимся. Снимай волосяную верёвку, она не нужна, сейчас я на него заскочу, – беспечно закаркал Паул.

– Не спеши, давай мы всё-таки попробуем пустить его за нашим меринком.

– Ну давай, нам торопиться некуда.

Высокий снял с шеи Рыжика аркан. Жеребец облегчённо вздохнул. Затем он привязал уздечку верёвкой к седлу мерина. Жеребец сразу вспомнил этот процесс, производимый хозяином на родном конном дворе, и без сопротивления последовал за вороним меринком, в седле которого разместился высокий лохмач.

– Что я говорил, им уже кто-то до нас занимался, – убеждённо сказал Аурел.

– Ну всё, давай отвязывай, сейчас моя очередь. Не так страшен чёрт, как его расписывают, – нетерпеливо задёргался Паул.

Высокий отвязал конец верёвки от седла мерина, другой намотал себе на левую руку, в правую взял плётку.

– Да отвязывай совсем, – возмутился Паул, – не таких усмирял, а этот просто телок.

– Ну уж нет, если он уйдёт, на этом месте будут наши могилы. Давай запрыгивай, посмотрим.

Рыжик спокойно смотрел на то, как высокий лохмач отвязал верёвку от седла вороного мерина и наматал себе на руку. От его взгляда также не ускользнуло и то, что хлыст оказался в другой руке лохмача, готовый в любую минуту исполнить своё предназначение. Рыжик насторожился и опасливо попятился в сторону, предполагая, что его сейчас начнут избивать. Но произошло совсем другое, ещё более неприятное и непонятное действие. Маленький человечек вдруг, как волк из той ночной схватки, стремительно бросился ему на спину и, вцепившись в гриву, вонзил голые пятки под бока. Такого молодой жеребец не испытывал в своей жизни ещё ни разу, никто и никогда так нагло не пытался овладеть его волей.

Рыжик испугался, рванулся в сторону, затем в другую. Зверёныш на его спине своей позиции не изменил. Он будто прирос к телу коня и снова больно ударил пятками в его бока. Тогда жеребец разозлился, взметнулся на дыбы и резко опустил вперёд на землю, седок остался на месте. Это окончательно вывело из себя разъярённого Рыжика, он как подкошенный упал на бок и, перевернувшись через спину, вскочил на ноги. Но маленький лохмач, как ни в чём не бывало, отскочив вовремя в сторону, снова одним махом запрыгнул жеребцу на спину. Рыжик опять хотел совершить переворот через спину в надежде раздавить наглого наездника, но в это время щёлкнул кнут, и острая нестерпимая боль выше голени вышибла все замыслы из головы жеребца. Неожиданно для себя Рыжик рысью припустил по поляне, вокруг высокого лохмача на расстоянии вытянутой верёвки, которую тот держал в руках (точно так, как бегали лошади на конезаводе по манежу).

– Ну вот, давно бы так, – обрадовались быстрой победе цыгане.

Но жеребец не собирался сдаваться, он не был уже лошадиным подростком, быстро теряющим волю при обучении. Этот возраст Рыжик пережил и набрался опыта и хитрости. Пробежав несколько кругов, он почувствовал, как постепенно верёвка ослабевает, и резко изменил направление. Пригнув голову, он нырнул под низко росший толстый берёзовый сук. Раздался вопль, и наездник со всего маху рухнул на землю.

Верёвка натянулась, град ударов хлыста обрушился на бархатную кожу жеребца. Маленький лохмач поднялся с земли, размазывая кровь по лицу, начал громко каркать. Рыжика отвели на место, привязав к забитому в землю колу, цыганята, ещё немного злобно покаркав, удалились.

На другой день всё повторилось сначала, только теперь обучение происходило в поле, где не было деревьев. Несколько дней Рыжик, выделявая различные кульбиты, показывал свой норов, однако хлыстом его больше не били, Иона запретил, но гоняли до изнеможения. Маленький лохмач был неутомим. И вот постепенно жеребец стал сдаваться, он терпеливо переносил сидящего на спине наездника, начал поддаваться управлению уздечкой, затем привык к седлу и чересседельнику, опоясывающему крепко его спину и бока. Через две недели это был вполне управляемый красавец жеребец рысистой породы.

Приближалась осень, ночами становилось холодно, цыгане засобирались домой в Европу. Но прежде чем сорваться с места, намерены были осуществить свой подлый план по краже колхозных лошадей. Иона уже нашёл покупателей в лице местных татар, которые жили в пригороде Шахтёрска, улица так и называлась – Нацменовская. Дома были обнесены высокими заборами с глухими тесовыми воротами. Что

творилось за ними, никто знать не мог, закрылись – и всё, тишина. Иона хотел и жеребца сбыть им, но татары, увидев такого красавца, на мясо покупать его не захотели, а для двора побоялись – слишком приметный. Да и цену цыган заломил высококу.

Чтобы задуманный план не провалился, Чорбу даже предварительно подговорил колхозных сторожей, обещав большой куш за оказанное содействие.

Но прежде чем совершить задуманное, нужно было избавиться от пойманного жеребца. И вот в один воскресный день Аурел, получив благословение от матушки своей Аделаиды, оседлав Рыжика, двинулся на колхозный рынок города Шахтёрска.

15

После того, как лошади, поломав задний борт автомобиля, вывалились из кузова, шофёр Павел Гаврилович сразу протрезвел, выпитый стаканчик водки был для его крепкого организма равен дробине, попавшей в огромного слона.

«Что же теперь делать? – лихорадочно бились мысли в его ожиревших от мясокомбинатской колбасы мозгах. – Что я теперь скажу директору комбината? Сопроводительные документы я подписал, теперь не отвертеться, платить колхозникам за коней придётся. Где искать этого проклятого жеребца? Я, растерявшись, даже не заметил, в каком направлении убежал конь. И как я объясню всем, на кой дьявол заехал в эти кусты?»

Побежав ещё малость вокруг машины, Павел Гаврилович завёл её, привязал мёртвую Соловуху тросом за ногу, выволоч на дорогу. Бросив труп лошади поперёк просёлка, полетел на мясокомбинат.

– Андрей Петрович, беда! – ворвавшись в кабинет директора, запричитал он. – Жеребец по дороге взбесился, разбил борт и убежал неизвестно куда.

– Какой жеребец? – опешил ничего не понимающий Андрей Петрович. – Ты, что Петров, белены объелся? Ты чего орёшь, в этой машине быков-производителей возили, и то они не могли ничего разбить. Да и как это он мог сделать, если машина по просёлку болтается, как проклятая. Там стоять на ногах невозможно.

После того как представители Орловского колхоза, вызванные директором мясокомбината, собрались на месте происшествия совместно с представителями комбината, Павел Гаврилович начал путать следы.

– Вот на этом месте слышу: что-то грохнуло, я – по тормозам, выхожу, смотрю – борт вдребезги, а его и след простыл.

– Так ты что, не заметил, куда он побежал? – спросил бригадир Михаил Алексеевич.

– Не успел.

– Так тут же ровное поле, до леса метров двадцать. Ты что, на четвереньках из машины вылезал.

– По-моему, он рванул вон туда, – поняв, что промахнулся с ответом, соврал Петров и показал совсем в другую сторону от леса, в котором скрылся Рыжик.

– А как же Соловуха оказалась на земле? – снова спросил бригадир.

– А я когда остановился, эта дохлятина поднялась на ноги и прыгнула на дорогу.

– Как же она прыгнула, когда мы её с тобой вместе еле затащили лежащую в кузов.

– А вот так, взяла и прыгнула.

– А это что за след? – спросил председатель колхоза Цибулевский. – Это кого здесь волокли из леса? Никак бедную Соловуху.

Все двинулись по следу волочения, и вскоре всё стало ясно. На поляне валялась пустая бутылка из-под водки, колбасные обрезки и щепки от разбитого борта.

– Вот что, уважаемый Павел Гаврилович, – строго заявил директор Андрей Петрович, – если через две

недели жеребец не найдётся, будешь платить за нанесённый ущерб из своей зарплаты. Подпишешь добровольно соглашение. А не подпишешь, пойдёшь в суд, а там, может быть, ещё и посадят годиков на пять.

На том и разошлись. Жеребца искали долго, но не в том направлении. Поверили словам Петрова. Никто не мог предположить, что необученный жеребец двинется в сторону города. Заявили в милицию, там тоже оказывали содействие, но недолго. На цыган не подумали, как раз в это время их изгнали с позором из колхоза, за «ремонт» борон.

Отбыв свой срок наказания, вернулся в колхоз Аким Бычков. Весть о пропаже Рыжика тяжёлой печалью свалилась на его плечи. Он с разрешения бригадира объехал все ближайшие колхозы, лесхозы и даже побывал на конезаводе. Ему там сказали, что жеребца видели, но только давно. Аким догадался, что это было во время побега Рыжика после попытки кастрации.

– Всё, Акимка, крышка твоему жеребчику, – попытался убить надежду Серёга.

– Не бреши, дурак, чую, жив он и находится где-то рядом, – не сдавался Аким.

Текущий год для Орловского колхоза оказался плодородным. Сена заготовили больше, чем планировали, в два раза. Пшеница уродилась на славу, золотистый наливной её колос виднелся до самого горизонта во всех направлениях обширных колхозных полей. Осенней погодой тоже господь не обидел, поэтому урожай был собран вовремя и без потерь.

Трудодень в этом году для членов колхоза оказался богатым, многие получали натуроплату десятками центнеров пшеницы (хлеба, как говорили в деревне) а особо трудолюбивые – по несколько тонн. Отпраздновав страду – окончание уборки урожая, колхозники

потянулись на базар в соседний посёлок Лесозаводский, для того чтобы продать часть полученной пшеницы и на вырученные деньги приобрести одежку себе и детям да прикупить ещё кое-что по мелочи, необходимое в хозяйстве.

Засобирались на базар и бригадир Михаил Алексеевич, у него было четверо детей с разницей в возрасте в два года, все уже учились в школе и нуждались в смене обносившейся одежды, хотя бы частично. Он решил поехать на рынок города Шахтёрска, население окраины и пригорода которого имело большое количество скота, поэтому пшеницу на том рынке можно было продать дороже. Но ехать туда было в шесть раз дальше, поэтому не многие соблазнились городскими ценами. Кроме собственной выгоды, где-то глубоко в сознании бригадира затаилась надежда встретить на том рынке жеребца Рыжика. Там же рядом, через забор, велась распродажа живого скота.

«Дался мне этот Рыжик», – ворчал про себя бригадир, но желание вернуть утерянного коня не покидало его.

Узнав о намерениях бригадира, конюх Аким пришёл к нему домой и, смущаясь, потупив взгляд, попросил:

– Послушай, Лексеич, возьми меня с собой, мне тоже надо продать два мешка пшеницы. За использование лошадей заплатим пополам.

– Что, надеешься Рыжика там встретить? – сразу же раскусил замысел конюха бригадир.

– Чем чёрт не шутит, сейчас самое время продать коня. На зиму запрут его во дворе, никто не увидит. Или татары на махан пустят.

– Ладно, поехали, в четыре утра запрягай Каштана коренным и Зорьку пристяжной, грузимся – и с богом...

Выехали потемну, решили сократить путь и двинулись по просёлочной дороге. Всю дорогу Аким, задумавшись, молчал, как ни пытался разговорить его

Михаил Алексеевич, ничего не получалось. На все вопросы он отвечал односложно или вообще не издавал ни звука. Рассвело, через часок показалась окраина города.

Бригадир обернулся на неподвижно сидящего Акима, язвительно сказал:

– Да, Аким, замучил ты меня, язык даже заболел!

– Ет от чевой-та? – удивился тот.

– Уморил ты меня своими разговорами. С тобой только в засаду ходить.

Вскоре показалась многолюдная базарная площадь. Пшеницу продали быстро, на рынке её было ещё немного, видимо, другие колхозы в уборочную страду были не так успешны, как орловцы. Аким, как только подъехали к базарной площади, соскочив с телеги, метнулся в конный ряд. Коней на продажу было немного, но Рыжика среди них не наблюдалось. Он через каждые полчаса, пока продавали зерно, навещал конный ряд, всё было бесполезно. Закончив торговлю, мужики, перекусив в чайной, которая находилась тут же, на площади, выехали из ворот рынка. Ехали нарочито медленно, завернув в конный ряд. Рыжика не было. Мужики совсем уж было приуныли. Но вдруг серая пристяжная Зорька, подняв высоко голову, как будто заметила кого-то знакомого, призывно заржала, в ответ раздалось близкое радостное ржание жеребца...

Аурел, выехав из табора, сильно не спешил. Документов, удостоверяющих принадлежность жеребца, не было. Поэтому продать его нужно было быстро, без лишней возни. Самая большая масса покупателей собиралась на рынке к обеду, поэтому Аурел и не торопился. Кроме того, его сопровождали на других лошадях два цыгана из табора, которые должны были

изображать первых покупателей, громко спорящих, кто больше даст денег за жеребца, тем самым наращивая ему цену.

Рыжик, привыкший к седлу и седоку на своей спине, двигался легко, иногда слегка гарцуя, как бы показывая всю красоту и преимущество стати. Вот он зашёл в непривычное для него скопище каких-то строений, они постепенно становились всё выше и больше. Вот показалось большое количество различных людей. Глаза Рыжика от непривычной обстановки забегали, он растерялся. Но, заметив лошадей у базарной привязи, почти успокоился. И вдруг услышал знакомое ржание, Рыжик, завертев головой, заржал в ответ, тут же увидел серую кобылицу в яблоках, свою любимую, и мерина Каштана. То, что они запряжены в телегу, для него необычным не было, после того как они расстались, представление жеребца о жизни лошадей сильно изменилось, и он уже ничему не удивлялся. На телеге он заметил своих друзей, судьба с которыми его связывала с детства.

Рыжик дернул удила, ослабив натянутый повод уздечки, рванулся в сторону, к телеге. Седок наверху, опомнившись, что есть силы натянул повод, раздирая губы жеребца железными удилами. Преодолевая боль, Рыжик взвился на дыбы, пытаясь сбросить седока из седла, но это ему не удалось, вновь вздымаясь вверх, он увидел, как с телеги соскочил Добрый и бросился в их сторону. Затем, чувствуя, что прыжками наездника не сбросить, Рыжик изменил тактику, упал на бок и придавил седоку ногу к земле. В этот момент к ним подбежал Добрый...

– Рыжик! – воскликнул Аким, посмотрев в ту сторону, куда повернула голову Зорька.

– Где? – выдохнул возбуждённо Михаил Алексеевич.

– Вон, цыган на нём сидит.

Оба, устремив взгляд в направлении верхового цыгана, увидели, как взвился на дыбы, пытаясь освободиться, жеребец. Аким соскочил с телеги и кинулся в ту сторону, подбежав к упавшему на бок жеребцу, схватил за шиворот придавленного цыгана. Рыжик, вскочив на ноги, радостно гарцевал на месте.

– Ты где, цыганская твоя морда, взял коня?

– Мро грай (*Мой конь*), – злобно выпалил цыган.

– По-русски говори, гадёныш, не то рёбра поломаю.

В это время подскочили ещё два цыгана и набросились на Акима. Видя такой поворот событий, на выручку прибежал бригадир, и они вдвоём с Акимом так начали отделявать черномазых, что те, бросив своего товарища, быстро ретировались. К месту потасовки уже бежали милиционеры, дежурившие на базарной площади. И вскоре возбудители спокойствия вместе с лошадьми отправились в ближайшее отделение районной милиции.

Там выяснилась принадлежность жеребца, подняли заявление от руководства Орловского колхоза о его пропаже, с описанием всех примет. Жеребец Рыжик был торжественно передан представителям колхоза в лицах бригадира Бажкова и конюха Бычкова. О чём был составлен акт в двух экземплярах.

Цыган же Аурел был подвергнут тщательному допросу.

На вопрос следователя: «Один ли чужой конь находился в вашем таборе?» – Аурел, потрясённый случившимся, ответил:

– Пока один.

– Что значит «пока»? – насторожился следователь.

Поняв, что сболтнул лишнего, цыган начал выкручиваться, но опытный следователь, применив не совсем дозволенные методы, оброненного намёка не упустил. И, прижатый к стене изолятора, Аурел

выложил всё о планах ограбления колхозной конюшни, который задумал Иона Чорбу.

Цыган Аурел был оставлен в изоляторе до поры. Следователь хотел взять главаря табора с поличным.

– Баре тысенцы хасинэ, нэ! (*Даром тысячи пропали*) – бормотал цыганёнок, сидя на холодных нарах.

А орловские мужики, обрадованные находкой, возвращались в родную деревню. И Михаил Алексеевич немало был удивлён изменившимся поведением Акима, тот всю дорогу разговаривал с ним, с Рыжиком, Каштаном и Зорькой. Он за эту дорогу произнёс столько слов, сколько не высказывал с самого рождения. Рыжик тоже от радости не знал, куда себя девать, то он подбегал к Зорьке и тыкался своими губами в её широкий нос, то отставал и пытался схватить шапку с головы Акима, тот радостно что-то гудел, пытаясь поддерживать эту игру. Жеребца не стали привязывать к телеге, он и сам спокойно бежал рядом, довольно сверкая глазами.

16

На другой день вся деревня знала о возвращении жеребца Рыжика домой, в колхоз. Посмотреть на него приходили все, и даже те, кто раньше не знал о его существовании. По деревне распространялись слухи об удивительном спасении коня, обрастая всё новыми подробностями, и в конечном итоге родилась версия о том, что план по освобождению жеребца из цыганского плена был заранее разработан бригадиром Бажковым и конюхом Бычковым. После этих событий односельчане стали называть Акима Бычкова не иначе, как Аким Фролович, а Михаил Алексеевич заслужил ещё большего уважения. Сначала они пытались растолковать людям, что плана никакого не было и всё произошло случайно, но колхозники не верили, списав их отказ от «героического подвига» на излишнюю скромность.

– Ладно, Аким Фролыч, поговорят-поговорят да и забудут, – сказал конюху Бажков.

Сам он считал, что Аким давно заслужил в деревне обращения по имени-отчеству.

В связи с произведённым фурором по поводу возвращения Рыжика о его кастрации, а тем более о сдаче на мясокомбинат не могло быть и речи. Но в колхозе без дела никого содержать не собирались: ни людей, ни лошадей, поэтому нужно было придумать в ближайшее время, где использовать красавца жеребца.

– Вот что, Аким Фролыч, – обратился к конюху бригадир, – давай-ка мы сделаем лёгкие дрожки для жеребца, да я буду на нём объезжать колхозные поля, всё быстрее будет, чем на тяжеловозе.

Так и сделали, дрожки помог изготовить местный мастер по тележно-санным экипажам Иван Кириллович, на дрожки приспособили кошёвку и, снабдив деревянными рессорами, поставили на колёса.

– Красота-то какая! – восхитился бригадир.

– Красота-то красота, да как воспримет эту красоту Рыжик, – засомневался Аким, – под седлом-то ходить его цыгане научили, а в упряжке он, по-моему, ещё ни разу не ходил.

Рыжик, вернувшись на родной конный двор, не находил себе места от радости. Его поместили опять всё в тот же загон, вместе с Каштаном, он дружелюбно тыкался носом в морду мерину. Тот миролюбиво всхрапывал и довольно качал головой. Напротив, в другом загоне, размещались кобылицы, и в их числе находилась серая кобыла Зорька. Рыжик, подходя к ограждению, призывно ржал, кидая любовные взгляды на неё, но она отвечала сдержанно, без любовного порыва, так как была беременна и ей было не до любви.

Его друг и хозяин Добрый, как и прежде, ухаживал за Рыжиком, чистил его, кормил и поил вдоволь. Но вот однажды жеребец увидел, как хозяин направляется к нему, держа в руке уздечку. Накинутые на голову ремни и засунутые в рот удила Рыжик воспринял спокойно, так же, без сопротивления, пошёл за натянутым хозяином поводом. А дальше произошло что-то непривычное для него, вызвавшее сначала испуг, а затем негодование. Хозяин подвёл его к сооружению на колёсах и, поставив задом к этому предмету, накинул на шею кожаное колесо. Рыжик вспомнил, что они, эти колёса, в большом количестве висели в избушке, где он жил когда-то вместе с хозяином. Испытывая уважение к нему, жеребец с большим трудом сдерживал желание вырваться и скинуть это колесо со своей шеи. Но дальше произошло ещё более неприятное действие, подняв длинные палки, лежащие с двух сторон от коня, хозяин прикрутил их к этому колесу, затем зацепив длинные ремни, взял их в руки и дёрнул, давая понять тем самым, что пора идти вперёд. И Рыжик пошёл, но вместе с ним двинулось сзади это приспособление на колёсах. Этого он стерпеть не мог и, вырвав вожжи из рук хозяина, понёсся к воротам конного двора. Ворота были открыты. Жеребец, летя без всякого управления, зацепился за столб. Он видел, как сзади разлетелась вдребезги коробка с оглоблями, в разные стороны покатались колёса. Затем, одумавшись, он остановился, ожидая, что сейчас последует какое-то наказание. Но этого не произошло. Добрый, догнав коня, молча взял его за повод, привёл в загон, снял уздечку и, кинув ему сена, ушёл.

На другой день хозяин пришёл опять с уздечкой и с тем же кожаным колесом, то есть с хомутом, накиннул его на шею Рыжика, виновато опустившего голову, и оставил это приспособление на целый день. Сначала жеребец мотал головой, пытаясь освободиться, но

затем, проголодавшись, начал есть с хомутом на шее. Насытившись, заснул, проснувшись, забыл о том, что болталось у него на шее. На ночь хомут снимать тоже не стали. На следующий день хозяин вывел Рыжика из загона, прикрутил к хомуту длинные палки – оглобли и, оседлав его, проездил целый день в таком снаряжении по полям. В общем, когда отремонтировали экипаж, жеребец уже научился ходить в оглоблях. Через несколько дней Рыжик научился и этому делу – ходить в упряжке.

И они вдвоём с бригадиром Михаилом Алексеевичем стали ежедневно объезжать колхозные поля и луга. Со временем Рыжик привык к этой работе, она ему не только не была в тягость, но и пришлась по нраву. Мало того, иногда его допускали к прямым своим обязанностям – любить кобылиц, что жеребец делал с большим удовольствием. Возможно, так бы он и провёл остаток своей лошадиной жизни, но обстоятельства сложились иначе, внеся в его жизнь некоторые коррективы.

17

Бригадир Михаил Алексеевич заочно учился на зоотехника, то есть на специалиста по научному содержанию сельскохозяйственных животных.

И вот в то время, когда Рыжик стал принадлежать ему, как бригадиру, срок обучения подошёл к концу. Тогда на селе произошли перемены: мелкие колхозы стали объединяться в крупные совместные хозяйства. Зарплату крестьянам стали платить деньгами. Колхозникам, наконец-то, выдали паспорта, чего раньше не было. Образовавшемуся из четырёх колхозов соседнего района совхозу понадобились специалисты, и Михаила Алексеевича направили туда главным зоотехником, с Рыжиком пришлось расстаться.

Рыжик был переведён на исполнение прямых жеребячьих обязанностей, но от выездных работ

не освобождался, так как рысаком в колхозе пока был единственным.

Первым на владение жеребцом заявил права ветеринар Семён Терентьевич. Так как бригадиром никто назначен пока не был, лошадей распределял по распоряжению председателя старший конюх Аким.

– Аким Фролыч, – заискивающе-льстиво подкатил к нему ветеринар, – скот угнали на выпаса, в летний лагерь, мне пешком ходить далеко, закрепи за мной Рыжика, а я тебе спирта бутылочку уделю.

– Терентич, ты же знаешь, я не пью. И на хрена тебе жеребец? Он же убьёт тебя. Вон Каштан стоит, свободен, запрягай – да и вперёд.

– Акимка, – вспылил ветеринар, – ты нос сильно не задирай, подумаешь, бригадир нашёлся. Гуртов в колхозе три, пока я от одного до другого на Каштане дотяну, весь скот перемерёт, отвечать тебе придётся, – сгустил до предела краски Терентьевич.

– Ну ладно, я тебя предупредил, – согласился, махнув рукой, Аким, – но не забывай, Рыжик запаха крови и перегара не переносит. Почует – ничем его не удержишь.

– Ты меня ещё учить будешь! Разберусь как-нибудь сам.

Увидев ветеринара с уздечкой, приближающегося к нему, жеребец нервно заходил, видимо, не забыл попытку кастрации. Как ни старался Терентьевич ласково заговорить его, Рыжик ни на какие ухищрения не поддавался.

В конце концов, Акиму надоел этот цирк, он сам запряг для ветеринара экипаж и, передавая вожжи, ещё раз попытался отговорить его от этой поездки:

– Семён Терентьевич, зря ты польстился на Рыжика, он злопамятный, не забыл, наверное, как ты хотел

его кастрировать, будь с ним осторожен, не обижай, разнесёт вдребезги и дрожки, и тебя.

– Хватит каркать, ничего со мной не случится. Ду-маю, удила его сдержат, – отмахнулся ветеринар, складывая свои сумки с инструментами на дрожки.

Рыжик с места припустил бегом и, миновав благопо-лучно ворота конного двора, перешёл на крупную рысь.

Как будто понимая то, что в дорогу его благосло-вил Добрый, Рыжик безупречно подчинялся нелюби-мому человеку, который способен был наносить боль его сородичам. Он ведь не мог знать того, что ветери-нар исправно пытался исполнять свои обязанности.

Семён же Терентьевич ощущал себя ангелом с де-вятого неба. А как иначе мог чувствовать себя чело-век, управляющий таким красавцем-жеребцом, да ещё запряжённым в расписную кошёву, экипаж руко-водящего состава.

Несколько дней Рыжик, получив с утра ласковое напутственное слово от Акима, спокойно исполнял свои услуги по доставке ветеринарной помощи и поч-ти уже начал привыкать к Семёну Терентьевичу. Не то чтобы он его полюбил или зауважал – нет, скорее, понял необходимость своей работы, равнодушно от-носясь к новому владельцу, исправно выполнял свои обязанности.

Но заносчивый характер ветеринарного эскула-па нарушил тонкую нить налаживающихся взаимо-отношений, навсегда положил конец сосуществова-нию двух, как оказалось, несовместимых индивидов животного мира.

Настало время весенней обработки коров. И од-ним из видов этой обработки являлось кровавое дело, то есть забор крови у животных для исследования на заболевание бруцеллёзом.

Заметив, как ветеринар начал загружать в кошёвку пробирки для этой самой крови, Аким забеспокоился.

– Послушай, Семён Терентьевич, запряги сегодня Каштана, с пробирками тебе спешить некуда, наберёшь ты эту кровь и потихоньку доставишь в аптеку, – попытался он уговорить эскулапа, – жеребец не переносит запаха крови, он уже несколько раз был напуган им. Оставь Рыжика сегодня на конюшне.

– Акимка, ты опять за своё, чё ты лезешь не в свои сани? Командир нашёлся, – отбрил Терентьевич конюха, – я всю жизнь с животными, сам разберусь, кого мне запрягать.

Он, может быть, и прислушался бы к словам Акима, но внутренний голос упорно твердил своё: «Оставишь коня на конном дворе, а его кто-нибудь присвоит, и будешь остаток жизни кондылять на мерине Каштане».

И, как назло, всё в этот день пошло шиворот-навыворот. Благополучно добравшись до летнего коровьего стойбища, ветеринар разнуздал жеребца, привязал его к столбу недалеко от площадки, где стояли фляги с надоенным молоком. Заботливо насыпав в ящик комбикорма, он приступил к исполнению намеченного плана. Рядом с площадкой был вкопан второй столб, к которому скотники подводили очередную корову. Семён Терентьевич смазывал ватным тампоном, намоченным в спирте, вену и толстой иглой забирал в пробирку кровь.

Так как это находилось в трёх метрах от Рыжика, он, чуя запах крови, начал волноваться, но вкусный комбикорм всё-таки отвлекал его от принятия каких-то решительных мер. Процесс забора крови подошёл к концу, можно бы считать, что всё кончилось благополучно, пробирки с их содержимым были уже погружены в кошёвку. Но в это самое время отпущенная на волю после экзекуции корова подошла к ящи-

ку с комбикормом и, нагло отодвинув морду жеребца, начала поедать его остатки. Рыжик сначала от такого хамства опешил, затем попытался оттолкнуть непрошеную гостью плечом – ничего не получалось. Тогда он цапнул наглую корову острыми зубами за шею. Коровы взревела и кинулась прочь, но, видимо, от неожиданности и боли, залетев на площадку, перевернула две фляги с молоком. Молоко, естественно, вылилось, образовав большую лужу под ногами Рыжика.

Семён Терентьевич в данный момент, несмотря на предупреждение Акима, зайдя в вагончик для отдыха скотников, набулькал себе полстакана спирта, закрыв глаза от удовольствия, залпом опрокинул содержимое стакана в широко раскрытый рот. И только по телу начало разливаться приятное тепло, как с улицы донеслись громкие крики.

Выскочив на улицу и увидев большую лужу молока под ногами жеребца, захмелевший эскулап, не разобравшись, сунул в морду Рыжика свой пропахший кровью кулак, одновременно дыхнув ему в нос незакуренным спиртовым перегаром.

Жеребец озверел, порвав повод уздечки, которым был привязан к столбу, взлетев на дыбы, попятился. Развернув дрожки, с ходу перешёл на крупную рысь, устремляясь в родные пенаты.

Семёну Терентьевичу при такой ярости животного не нужно было цепляться за экипаж. Дьявол с ней, с этой кровью, раз уж такое случилось. Но он каким-то образом зацепившись за бортик кошёвки, в последний момент забросил своё брненное тело на её дно. Схватив вожжи, привязанные к поручням экипажа, ветеринар пытался остепенить коня, но тот только увеличивал порывы ярости и, вскоре перейдя на галоп, готов был разбить дрожки и сидящего в них ненавистного человека. На пути к селу протекала небольшая, но глубокая речушка, преодолевать её при-

ходило вброд в определённом месте, вода там доходила до ступиц колёс любой телеги.

Но Рыжик, не раз пересекавший её в нужном месте, на сей раз ринулся в воду без разбору. Вода доходила ему до высоко поднятой головы, он слышал, как сзади орал этот мерзкий человечиска, как зазвенели стекляшки пробирок, уносимые водой, и как забулькал свалившийся в воду это «коровий кровосос».

Аким издали заметил стремительно несущегося к конному двору Рыжика и, не увидев в кошёвке Семёна Терентьевича, встревожился. Поймав за порванный повод жеребца, конюх с большим трудом успокоил его, распряг и запустил в загон. Оседлав Рыжуху, поехал на поиски ветеринара.

Долго искать его не пришлось, отъехав примерно с километр, Аким увидел бредущего по просёлку Семёна Терентьевича, мокрого, грязного и без сапог – утонули в речке. По его лицу катились крупные слёзы.

Он всхлипывал, а увидев Акима, жалобно заскулил:

– Вся работа коту под хвост, утопил пробирки и инструменты, сволочь! И меня чуть не угробил! Всё, я добыюсь, чтобы мне разрешили его кастрировать.

Спешившийся Аким, уловив запах спиртного, понял всё:

– Самого тебя надо кастрировать, Терентич. Я тебя предупреждал. Как же ты лечишь животных и не понимаешь их? Тебе бы на мясокомбинате работать, хорошим живодёром стал бы.

На второй день ветеринар Семён Терентьевич запряг в большую телегу Каштана и двинулся исправлять вчерашнюю оплошность. Больше он к Рыжику не подходил.

гими в большое совместное хозяйство, и, не зная структуры совхозного управления, члены правления колхоза с назначениями руководящего состава не спешили.

Поэтому обязанности бригадира по их решению исполнял пока совхозный учётчик Василий Петрович. Это был особенный человек: никто другой так хорошо, как он, не знал колхозные полевые и луговые земельные наделы. Только он один точно, даже с закрытыми глазами, мог определить расположение и принадлежность сенокосных угодий каждого колхозника, входящих в колхозный реестр, и запасных, о которых никто другой не догадывался.

Казалось бы, такому деятелю цены нет. Но свои знания Василий Петрович употреблял не только в пользу колхоза. Он так ловко мог закрутить разум контролирующих органов, что они о большей части сенокосных угодий, расположенных за околками и оврагами, даже не догадывались.

А вот эти потаённые сенокосы хитрый учётчик потихоньку сплавлял жителям посёлка Лесозаводского. Никакого отношения к колхозной жизни они не имели, но зато имели собственных коров, которые тоже хотели кушать сено. И нужно сказать, что афера Василием Петровичем проворачивалась так ловко, что в деревне никто об этом не догадывался, а может, и не хотел. У каждого был свой сенокос, а откуда поселковые везли сено домой, какое кому дело. Имелось бы желание, а вывести на чистую воду учётчика можно было без затруднений.

Понятно, что сенокосы эти выделялись Василием Петровичем не из жалости к поселковым коровам. По окончании полевых работ то у одних, то у других ворот видели подолгу стоящую Рыжуху, на которой разезжал учётчик. Ближе к вечеру хозяева этих ворот, где куковала Рыжуха, выносили Василия Петровича

за ноги и за руки, укладывали на телегу или сани, разворачивали Рыжуху в сторону деревни Орловки и, хлопнув её по крупу, отправляли домой. Рыжуха, привыкшая к такой процедуре, благополучно доставляла недвижимое тело учётчика домой. Этот процесс осуществлялся строго поочерёдно – сегодня у одного должника, завтра у другого, и продолжался до самых новогодних праздников, после которых Василий Петрович переключался на местных жителей. Так как самогона для нужного человека не жаль, одумывался он к весне, началу полевых работ, и тогда исправно выполнял свои обязанности до самой глубокой осени.

Той порой учётчик Василий Петрович как раз занимался кипучей полеводческой деятельностью. И бог его знает, что пришло в голову хитроумного полевода. Конюх Аким Бычков, как всегда, рано утром, сняв со стены сбрую Рыжухи, протянул её Василию Петровичу, но он отодвинул протянутые принадлежности и выдвинул неожиданное требование:

– Аким Фролыч, а где же бригадирский конь и кошёвка? Я ведь как-никак выполняю его обязанности.

– А чем же тебе, Петрович, Рыжуха не угодила? – опешил от такого неожиданного заявления Аким.

– Ничем, но я хочу разъезжать на красивом жеребчике и в кошёвке, чем я хуже Бажкова.

«Да, дьявол с ним, пусть ездит, – подумал Аким, – по полям да по лугам – работёнка нетяжёлая, да и Петрович мужик незлой. До осени далеко, может, ещё одумается». Он не мог себе представить Рыжика, часами стоящего у чужих ворот.

– Ладно, Василий Петрович, раз ты бригадир, так и быть, сам сейчас запрягу тебе Рыжика, только ты с ним аккуратней обращайся.

– Ну, спасибо, уважил, – растаял учётчик, – не бойся, я твоего любимца не обижу, в лугах травы полно, благодать для него.

Рыжик сначала недоверчиво посмотрел на человека, принявшего вожжи от его друга Доброго, но приняв их и не уловив никаких посторонних запахов, успокоился. Однако, когда новый владелец взял в руки вожжи, жеребец почувствовал, что этот человек испытывает беспричинный страх перед ним, Рыжиком. Ему сразу же вспомнился второй конюх – Равнодушный (Серёга), который тоже с опаской относился к жеребцу. Рыжику захотелось сделать что-нибудь неприятное новому хозяину: разбежаться и опрокинуть кошёвку, например, или зацепить её за столб. Но, вспомнив о том, что вожжи этот человек получил из рук его друга, Рыжик передумал.

Луга и поля, по которым придётся теперь возить учёточка Василия Петровича, Рыжику были хорошо знакомы, так как бывший его хозяин бригадир Михаил Алексеевич когда-то ездил по этим самым местам. Только функции их деятельности были разными. Бригадир объезжал поля и луга в ту пору, когда на них кипели полевые работы: посевная, заготовка кормов, уборочная, подвозил подручный сельскохозяйственный инвентарь, иногда развозил обеды, распрягал Рыжика, пускал его на вольную пастьбу, а сам помогал вершить стога либо таскал мешки с семенами, заправляя сеялки. В общем, не только руководил процессом производства, но и сам активно участвовал в нём. Жеребец, пощипывая траву, краем глаза наблюдал за тем, как ловко управляется с делами его хозяин, забрасывая на стог навильники сена размером с хорошую копну, или играючи закидывает на плечо пятидесятикилограммовые мешки. Нароботавшись в этом звене, он, смахнув пот с разгорячённого лба, запрягал снова Рыжика и переезжал к людям другого звена. Затем опять запрягал наевшегося влать сочной травы жеребца и отправлялся на другие произ-

водственные объекты либо домой, если рабочее время заканчивалось.

Уверенность и сила рук Михаила Алексеевича каким-то образом передавались Рыжику, возможно, через вожжи либо через его обличие. Двухметровый мускулистый бригадир всегда сохранял спокойствие, он знал, что делает, и был удовлетворён совершаемыми им деяниями. Жеребец, управляемый крепкой рукой, подняв гордо голову и выпятив красивую мускулистую грудь, широко раскидывал стройные ноги, казалось, не бежал, а летел над дорогой, распластавшись соколом в неуправляемой рыси.

Совершенно иначе выглядело общение Рыжика с новым хозяином – учётчиком Василием Петровичем. Неуверенность хозяина передалась лошади. Выбжав за ворота конного двора, Рыжик ощутил лёгкие подёргивания вожжей, передававшиеся от рук сидящего в кошёвке человека, сначала вправо, затем влево. Такое управление было похоже на то, что новый хозяин сам не знает, куда ему нужно ехать. И жеребец по привычке направился в поле, постепенно прибавляя шаги и переходя на рысь. Однако новый хозяин, видимо, испугавшись большой скорости, резко натянул вожжи, из-за чего Рыжик сбился с ритма отработанной рыси, неуклюже подскочил козлом и вылетел с полевой дороги в ржаное поле. И так повторялось несколько раз, стоило только жеребцу перейти на рысь и увеличить скорость, как он тут же чувствовал, как впивались металлические удила в губы. В конце концов Рыжику это надоело, и он, преодолевая боль во рту, рванулся вперёд, сначала переходя на рысь, а затем и на бешеный галоп. Но летел он не по полю, а домой.

– Что случилось? – бросился к возбуждённому коню Аким, раздававший в это время сено молодняку. – Кто тебя так напугал? Василий Петрович, в чём дело?

– Этот... этот подлец чуть... чуть не убил ме... меня, – заикаясь, промямлил белый от страха учётчик, – лезет, сволоочь, как угорелый, невозможно удержать.

– Я ж тебе говорил, что самая лучшая для тебя лошадь – Рыжуха, – распрягая жеребца, гудел Аким, – а тебе приспичило – Рыжика подавай. Это рысак, он ходить шагом не умеет. Основная его задача – показать красивую пробежку рысью, чтобы скорость была, – назидательно бубнил он.

– Сволоочь он, а не рысак. Вот распорядюсь, чтобы ему овса не выписывали, посмотрим, как он забегает, – не унимался Василий Петрович.

– Сам ты сволоочь. Посмотри, ты ему все губы порвал, задёргал совсем жеребца. Хотя ты и за бригадира сейчас, но Рыжика больше не получишь, я до председателя дойду, если будешь над ним издеваться! – вконец разозлился Аким. – А ещё гнусавил: «Я твоего любимца не обижу».

– Да пошёл ты вместе со своим Рыжиком... – выругался отошедший от страха Василий Петрович и, махнув рукой, двинулся к воротам конного двора.

Больше желающих владеть Рыжиком не находилось.

19

Время летело стремительно. Прошло лето, промелькнула осень, медленно проползла лютая сибирская зима. Всё это время единственным хозяином Рыжика был конюх Аким Бычков. В обязанности Рыжика теперь входили его непосредственные жеребячьи дела. После того как колхоз стал приобретать новые трактора и машины, нужда в лошадях тяжеловозной породы отпадала. Лошади использовались в основном для пастьбы колхозного скота, выезда младшего и среднего руководящего состава и личных нужд членов колхоза. Поэтому потомство Рыжика и серой кобылицы Зорьки постепенно занимало конный двор.

Чтобы жеребец не застаивался, Аким каждый день запрягал его в кошёвку и делал пробежку по селу. Лихо подкатывал к местной начальной школе, сажал в кошёву по несколько смелых ребятешек. Они с замиранием сердца стремительно летели по улицам Орловки. Вскоре Аким Фролыч Бычков и жеребец Рыжик стали любимцами местной детворы. Дети стали приходить на конный двор. Аким позволял им кормить маленьких жеребят, чистить щёткой взрослых лошадей, в общем, всячески стремился привить любовь детишек к животным. Нравилась ли такая жизнь Рыжику? Наверное, да!

Весной, наконец, произошло объединение трёх колхозов в один совхоз – «Орловский», который в свою очередь был разбит на два крупных отделения, и на каждое из них был назначен свой управляющий. Отделение, в которое теперь входили две деревни, Орловка и Суженка, возглавил Трофим Николаевич Найда, ранее работавший бригадиром животноводства Суженского колхоза. Это был высокий худощавый человек, как говорят на деревне, поджарый, как голодный волк. Чувство голода на его физиономии, правда, заметно не было, но решительность, не терпящая никаких возражений, просматривалась явно. К тому же заметно было, что улыбка этот облик посещает нечасто и возникает с большим затруднением, может, потому, что с правого виска и до нижней части подбородка лицо пересекал глубокий шрам, придавая некоторую трагическую угрюмость.

Первый же свой рабочий день новый управляющий начал с орловского конного двора. Осмотрев лошадей, он ткнул в сторону Рыжика пальцем, хорошо поставленным командным голосом спросил:

– Красивый жеребец. Как его звать?

– Рыжик, – быстро ответил Аким, довольный тем, что жеребца похвалили.

– С сего дня этот Рыжик будет моим, – заявил новый хозяин, – дрожки для него есть?

– Да, две кошёвки, летняя и зимняя.

– Вот и хорошо, – остался довольный ответом он. – Тебя-то как звать?

– Аким Фролыч Бычков я.

– А я Найда Трофим Николаевич, – представился управляющий и, посмотрев в глаза конюха, вдруг спросил: – Лошадей-то любишь?

– Всю жизнь с ними в обнимку провёл.

– Вот и хорошо. Я тоже их люблю, значит, с сего дня будем их любить вместе, – заключил он, в упор глядя на Акима.

Со стороны казалось, что сошлись два угрюмых человека и каждый из них отстаивает в разговоре своё. Но на самом деле с первой же встречи в них обнаружилось что-то родственное. Возможно, они понравились один другому настолько, насколько могут это почувствовать два неулыбчивых человека. И как позже выяснится, управляющий Найда так же, как и Аким, лошадей любил больше, чем людей.

– Ну что же, Аким Фролыч, неси сбрую, будем запрягать Рыжика.

Аким быстро принёс жеребьячью амуницию и протянул новому хозяину.

«Посмотрим, как ты справишься с жеребцом», – промелькнула лукавая мысль в голове конюха.

Но всё произошло так, что просто можно было только удивляться. Трофим Николаевич решительно приблизился к Рыжику, тот и сообразить ничего не успел, и положил руку на голову коня. Жеребец замер, хозяин спокойно накинул ему узду на голову, завёл в оглобли кошёвки и быстро, умело запряг лошадь.

Когда Рыжик увидел входящего в загон нового человека, он не придал этому факту особого значения. Но когда рука Найды оказалась на голове жеребца,

он почувствовал, как всё тело пронизала непонятная волна, сковавшая волю коня, точно так же, как когда-то на него подействовал цыган.

«Я твой хозяин, ты принадлежишь мне и будешь подчиняться безоговорочно» – примерно такой посыл получил жеребчик. Но в отличие от воздействия цыган никакой угрозы для себя Рыжик не почувствовал и покорно последовал за новым хозяином.

Ещё большее удивление у Акима вызвала манера езды нового управляющего. Он не сел в запряжённую кошёвку, а быстро и крепко схватив вожжи, стоя, как в колеснице, с ходу рысью погнал жеребца. Как бы не изменяла своих позиций кошёва на ухабах, ни один мускул не дрогнул на теле Трофима Николаевича, будто каменная статуя, а не человек стремительно и неподвижно удалялась от конного двора в сторону колхозных полей. Рыжику тоже никогда раньше не доводилось видеть подобного, и он тревожно, боковым зрением улавливая странно возвышающуюся фигуру, ожидал, что хозяин рухнет на дорогу. Но ничего не происходило, и жеребец прибавил ходу, стараясь как можно ровнее удерживать кошёву на дороге.

В тридцатые годы двадцатого века в молодом государстве СССР проходила так называемая коллективизация крестьянства, все единоличные хозяйства села должны были добровольно объединиться в коллективные. Но более-менее зажиточные крестьяне и середняки не захотели вливаться в ряды объединяющейся бедноты, за что немедленно были отнесены к классу кулачества и, естественно, к врагам крестьянского народа. Да, некоторые из них, наиболее зажиточные, действительно использовали труд беднейших крестьян на своём подворье. Но кто знает, может быть, тем самым они и спасали этих нищих от голодной смерти.

27 ноября 1929 года И. Сталин объявил о переходе от ограничений эксплуататорских тенденций кулаков к полной ликвидации кулачества как класса. Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга должны были стать зоной сплошной коллективизации осенью 1930 года. Специальная комиссия Политбюро по ликвидации кулачества под председательством Молотова определила три категории кулаков. Первые – это те, кто принимал участие в контрреволюционной деятельности, они должны быть арестованы и отправлены на исправительные работы в лагеря ОГПУ или расстреляны, в случае оказания сопротивления семье их должны быть высланы, а имущество конфисковано. Кулаки второй категории, не проявившие себя как контрреволюционеры, но всё-таки являющиеся сверхэксплуататорами должны быть арестованы и сосланы вместе со своими семьями в отдалённые регионы страны. Наконец, кулаки третьей категории, определённые как «в принципе лояльные к режиму», должны быть выселены с прежних мест обитания и устроены на жительство вне зон коллективных хозяйств, на худородных землях, требующих возделывания.

В каждом округе действовала тройка активистов по раскулачиванию. Кто были эти активисты? Один из близких соратников Сталина Серго Орджоникидзе так говорил о них: «Поскольку в деревне нет партийных борцов, мы туда направим по одному молодому коммунисту, у него будут двое или трое помощников из бедных крестьян. И вот этот актив и решит все деревенские вопросы: коллективизацию, раскулачивание». Главной задачей было обобществление как можно большего количества хозяйств и арест сопротивляющихся кулаков.

Я не ставлю перед собой задачу описания того, что из этого получилось, просто хочу уведомить тебя, уважаемый читатель, о том, что одним из таких

молодых коммунистов, направленных на село в тридцатом году в Нижнем Поволжье, являлся Трофим Николаевич Найда.

Можно себе представить, с какой «любовью» встречали настоящие крестьяне, умеющие с умом использовать пашню, активистов этой тройки. Когда у человека отбирают тяжёлым трудом нажитое хозяйство, а после ещё и ссылают из родного дома в неизвестном направлении вместе с маленькими детьми, этот человек теряет терпение и, как загнанный в угол зверь, начинает сопротивляться. К тому же терпеливым крестьянам Поволжья показали пример соседи, донские казаки, поднявшие восстание в тридцатом году, которое в конечном итоге было жестоко подавлено.

Но вернёмся к тройке активистов, возглавляемых Трофимом Найдой. Её состав, начав свою деятельность по раскулачиванию пешком, вскоре уже гарцевал на отобранных у кулаков лошадях. На самом красивом жеребце ахалтекинской породы, неизвестным путём попавшем к местному крестьянину (кроме этого жеребца, он имел ещё и две коровы), разъезжал Трофим, предварительно отправив владельца с семьёй по этапу. В основном в Поволжье репрессиям подвергалось немецкое население, но попадались и казачьи семьи, они-то чаще всего оказывали сопротивление разгулявшимся активистам.

Однажды днём, просмотрев списки потенциальных кулаков, тройка двинулась на хутор Малая Енотаевка раскулачивать, согласно списку, самого богатого кулака Анисима Храмцова. Ходили слухи, что его сын Семён потихоньку собирает банду для оказания сопротивления незванным гостям. Трофиму следовало бы усилить свой отряд красноармейцами, но молодость беспечна и самонадеянна. Появившись, казалось бы, неожиданно на храмцовском подворье, помощники Трофима спешили, а сам Найда, не слезая

с коня, начал зачитывать постановление вышедшему на крыльцо Анисиму. Вдруг с улицы послышались крики и топот копыт. Не успел Трофим заткнуть за пазуху указ и схватиться за винтовку, как во двор въехали вооружённые люди. Впереди, размахивая саблей, летел на вороном коне хлопчик с перекошенным от злости лицом и широко раскрытыми синими глазами. Эти глаза Трофим Найда запомнил на всю жизнь. Впившись этой синевой в лицо незваного активиста, Семён Храмцов широко размахнулся клинком и опустил его изо всех сил на шею Трофима. В этот миг ахалтекинский жеребец неожиданно отпрянул в сторону, и удар сабли, рассекая лицо Найды, пришёлся вскользь, на всю жизнь оставив память о трагической встрече. Спешившиеся активисты тройки были зарублены сразу, а Трофима унёс от смерти резвый ахалтекинский жеребец. Вот почему новый управляющий так любил резвых жеребцов.

Пока Найда находился в больнице, Анисим Храмцов всю вину за содеянное взял на себя и был расстрелян. А Семён, сын его, вместе с другими членами семьи был отправлен в Сибирь, в Томскую губернию, осваивать целину.

Сейчас, уважаемый читатель, мы вернёмся к резво бегущему рысью Рыжику, уносящему Трофима Найду в совхозные поля. Всю весну и начало лета проносился широкой рысью жеребец со странным наездником, стоящим, как каменная статуя, неподвижно в лёгкой кошёвке. Путь Рыжик изучил хорошо и мог доставить своего нового хозяина в данном направлении с закрытыми глазами: с обширных полей к животноводческим помещениям либо на летние выпаса, оттуда – к конторе и поздним вечером – девять вёрст до села Суженка. Трофим Николаевич продолжал жить там. И где бы

ни появлялся управляющий, работа там кипела с особым энтузиазмом, Найда был строгим руководителем, это чувствовал и Рыжик. Пока же все предъявляемые жеребцу требования за рамки сверхестественного не заходили. Одно только угнетало его сильно: увидеться с Добрым практически не получалось.

К середине июня совхозные поля покрылись густыми зелёными всходами зерновых культур, вытянулись по самую лошадиную грудь луговые травы, на взгорках появилась земляника. Рыжик знал, что это такое, когда вместе с травой он прихватывал ягоду, во рту ощущался сладкий привкус и бесподобно приятный запах.

В поведении хозяина произошли резкие изменения, появились непонятные мерзкие требования к нему, Рыжику. В руках его хозяина появилась хорошо сделанная плётка, но она, видимо, предназначалась не для него, так как ни разу не опустилась на жеребячий круп и даже ни один замах этой плётки Рыжик не видел.

Однажды Рыжик выскочил на пригорок, где несколько человек собирали ягоды. Подгоняемый вожжами, жеребец стрелой намеревался пролететь мимо этого сборища, но вдруг почувствовал, что хозяин, изо всех сил натянув удила, направляет его прямо в самую гущу столпившихся и застывших от неожиданности людей. Рыжик заметался в растерянности, он никогда в своих лошадиных мыслях даже не предполагал, что сможет так вот, без всякой на то причины, кинуться на людей. Он попытался отскочить в сторону, но получил хлёсткий болезненный удар плётки по крупу. Однако на людей кинуться не посмел и, резко затормозив, встал на дыбы. Тогда хозяин, соскочив с дрозжек, начал этой плетью избивать людей, выхватывая из их рук кошёлки и яростно растаптывая ягоды кирзовыми сапогами. Рыжик, не зная, как себя

вести в таком случае, топтался на месте и тревожно ржал. Но вот люди одумались и все вместе завалили обидчика на землю, стали колотить его чем придётся. Хозяин, кое-как вырвавшись из разъярённой толпы, плашмя хлопнулся в кошёвку и дёрнул вожжи. Рыжик рванулся с места и в одну секунду был уже недосыгаем для обиженных людей.

Так повторялось ещё несколько раз, только теперь хозяин налетал на одиноких ягодников, сначала пытаясь направить на них Рыжика, но жеребец до такой низости не опускался.

– Сволочь! – был выдвинут окончательный вердикт Найдой в отношении поведения Рыжика, на этом попытке сделать жеребца скотиной жандармерии прекратились.

Узнав о таком странном поведении управляющего, директор Медведев пригласил его к себе в кабинет.

– Трофим Николаевич, тут до меня дошли слухи, что ты чужих баб плёткой охаживаешь, ты смотри, соберутся их мужики и вышибут тебе мозги! Поведай мне, зачем ты так поступаешь?

– А как мне ещё с ними поступать-то, они же топчут посевы и многолетние травы, работников мне развращают, те тоже хватают лукошки – и по ягоды! Кроме того, требуют выходные дни такие же, как в посёлке.

– Намерения твои хозяйские я понимаю, но ты эти ежовские* замашки брось. Можно ведь с людьми просто поговорить, они ж не совсем тупые, наверное, поймут.

Но слова директора не нашли положительного отклика в голове управляющего, и он продолжал применять крайние меры к так нелюбимым им поселковым жителям.

* Н. Ежов возглавлял НКВД в 1936–1938 годах и прославился беспрецедентными репрессиями.

Рыжик, завидя родной конный двор, радостно заржал и прибавил ходу. Из сторожки выскочил обрадованный встречей Аким и бросился распрягать жеребца. Всё это время довольный конюх что-то ласковое гудел в ухо Рыжика, и тот в ответ восторженно гоготал, похрапывая и хлопая большими губами.

– Сегодня буду ночевать в Орловке, – сообщил управляющий, – ты, Аким, осмотри жеребца, почишь, проверь подковы, может, заменить надо будет.

– Ды эт мы с превеликим удовольствием, – выдохнул счастливый Аким.

– Послушай, Бычков, ты луга-то хорошо знаешь? – вдруг спросил Найда.

– Да вроде неплохо, всю жисть тут прожил. А чё?

– Да вот, сдаётся мне, что учётчик Василий Петрович пытается меня обмануть. Он говорит, за Змеиным логом не луга, а непроходимые болота.

«Брешет он», – чуть не вырвалось у Акима, но он вовремя сообразил, что лучше в эти дела не соваться и уклончиво ответил:

– Ты уж, Николаич, сам его путём расспроси.

– Значит, брешет! – сделал правильный вывод Найда. – Вот я завтра-то с утра сам всё проверю. Сенокос начался, чую я, сена для совхозных коров будет маловато.

– Трофим Николаич, можно тебе задать один личный вопрос? – вдруг спросил осмелевший от доверительной беседы Аким. – Почему ты едешь стоя? Это же невозможно удержаться. Я бы сразу ахнулся головой об землю.

– Ну, ты видишь, я же держусь. Сидеть-то мне нет возможности, я на фронте был ранен в спину, пуля застряла рядом с позвоночником, на стуле-то я приму нужную позу и сижусь неподвижно, а на дрожках неподвижно не посидишь – боль страшная. Вот и научился так ездить – стоя.

– Прости, дурной вопрос задал, – смутился Аким.

– Да ничего, хоть правду знать будешь и другим скажешь, а то в Суженке поначалу пустили слух, что мне осколком задницу вырвало.

Выйдя за ворота конного двора, он обернулся, увидел, как радуются встрече конюх и жеребец, усмехнулся в усы.

– Два придурка, как дети, – и пожалел, что к нему такой привязанности не имеет никто.

Рано утром управляющий с плёткой в руке появился на конном дворе.

– Ну как жеребец? В порядке?

– В порядке, – ответил угрюмый Аким, ему было жаль вновь расставаться с Рыжиком, – Николаич, я сам запрягу коня, – вынося сбрую из «конюховки», прогудел Аким.

Запрягая Рыжика, он гладил его по морде, холке, по округлым лоснящимся бокам, что-то нашёптывал на ухо жеребцу, видимо, свою молитву, словно чувствовал что-то неладное.

– Ты вот что, управляющий, будь поосторожней в этом проклятом Змеином логу, он ведь не напрасно так называется, там действительно скопище гадюк. Дорожка-то, заметил, туда с наших полей узенькая и ненаезженная. А если в объезд ехать, так это целых пятнадцать вёрст лишка отмахивать. По логу-то – всего три, но страшных, поэтому гони не останавливаясь. Там, за логом, Васьки-учётчика хозяйство, – наконец открытым текстом сообщил Аким.

– Ладно, и не такое видели, – отрезал Найда и, заскочив в кошёвку, с ходу пустил Рыжика рысью.

Жеребец, вылетев на знакомую полевую дорогу, распластавшись в привычной рыси, летел быстрее ветра, но вдруг у самой кромки глубокого лога хозяин

резко повернул его на еле заметную травянистую дорожку, которая не была знакома Рыжику. Он в таких случаях несколько укрощал свою прыть. Но на этот раз хозяин не давал ему замедлиться, а наоборот, подстёгивая вожами, ускорял бег жеребца.

Дорожка, круто падая в овраг, из травянистой превращалась в каменистую. Иногда при соприкосновении подковы с камнем из-под ног вылетали искры. На каменистом склоне Рыжик заметил какие-то пёстрые ленты. Их движение при быстром беге ему было не заметно, однако злое шипение он слышал. В один момент пёстрая лента стремительно метнулась к нему, но прикоснуться не успела, так быстро летел Рыжик. Он услышал, как хрястнуло что-то под колесом. И в это время они вылетели на другую сторону Змеиного лога.

Глазам их открылся огромных размеров луг, на котором работали люди. Они метали сено, вернее, дометывали, так как по всему лугу стояли уже завершённые стога и скирды готового душистого сена. Не сбавляя хода, Рыжик, направляемый хозяином, подлетел к группе стоящих людей и, остановленный крепкой рукой, замер на месте. Между людьми завязался разговор, голос хозяина постепенно накалялся и вдруг перешёл в яростный крик. Затем хозяин взмахнул хлыстом и ударил с оттяжкой по лицу одного из стоящих у стога мужиков. Человек, схватившись за рану, застонал. Хозяин размахнулся ещё раз, но всполошившиеся люди с вилами в руках стали медленно приближаться к дрожкам. Хозяин, видимо, почуввав перевес сил не в свою пользу, изрыгая проклятия, быстро развернул Рыжика, и они понеслись обратно.

Трофим Николаевич Найда, преодолев Змеиный лог, увидел огромный плодородный луг, уставленный стогами отличного сена, так необходимого совхоз-

ным коровам, но, как он сразу же понял, оно заготавливалось коровам жителей посёлка Лесозаводского.

«Ах, проклятая тварь! – мелькнуло в голове управляющего. – Вот так, учёточник Петрович, продал, гад, лучшие сенокосы? А мне всё докладывал, что за логом сплошные болота».

Подлетев к стоящим у стога мужикам, он с ходу стальным тоном спросил:

– Кто разрешил вам обкашивать государственные луга?!

– А ты что за гусь? – спросил высокий широкоплечий мужик, лет за пятьдесят, уставившись бесстрашно в злые глаза управляющего синевой своих глаз.

Глаза Трофима Николаевича вылупились до предела, он всю жизнь не мог забыть этой синевы.

– Неужели это ты, Иуда? Сёмка Храмцов? Ты как попал, кулацкая тварь, сюда?! И при советской власти хозяином стал! Но нет, пока я живой – этому не бывать!

– Пока живой... Но можешь и подохнуть!

– Ты ещё мне будешь угрожать! – не сдержался Трофим и резанул по ненавистному лицу плёткой, как когда-то это сделал Семён с его лицом.

Замахнулся ещё раз, но поселковые мужики, схватившись за вилы, двинулись к дрожкам. Найда рванул Рыжика, тот, развернувшись почти на месте, с ходу ринулся в обратный путь.

– Запомни, гад, этого сена тебе не видать как своих ушей! Завтра пригоню трактора и всё конфискую в совхоз, – обернувшись, крикнул управляющий.

– Смотри, ты уже однажды пытался конфисковать моё хозяйство – отделался шрамом. Как бы сейчас голы не лишиться! – услышал он в ответ.

Вот так неожиданно судьба свела в Сибири двух смертельных врагов. Депортированный в тридцатые

годы Семён Храмцов оказался жителем Лесозаводского посёлка.

Чтоб иметь представление о том, что такое депортация кулацкого элемента да и вообще «социально чуждых элементов», мы опять обратимся к истории.

Неизвестно, сколько человек из 1 803 392 официально сосланных по графе «раскулачивание» в 1930–1932 годах погибли в первые месяцы «новой жизни» от холода и голода. Новосибирские архивы сохранили душераздирающий документ, посланный в мае 1933 года инструктором горкома партии Нарыма в Западно-Сибирский крайком. Он касается двух эшелонов, в которых прибыли из Москвы и Ленинграда более шести тысяч ссыльных.

«29 и 30 апреля 1932 года из Москвы и Ленинграда были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированного элемента. Прибывши в Томск, этот контингент был пересажен на баржи. 18 мая первый и 26 мая второй эшелоны были высажены на реке Оби у устья реки Назина на острове Назино.

В двух эшелонах находилось 6 114 человек. В пути люди находились в крайне тяжёлом состоянии: скверное питание, скученность, недостаток воздуха, массовые расправы над самыми слабыми. В результате – высокая смертность, порядка 35–40 человек в день.

Сам остров оказался совершенно девственным, без каких бы то ни было построек. При этом на острове не оказалось никаких инструментов, ни семян, ни крошки продовольствия.

Жизнь на острове началась. На второй день прибытия эшелона, 19 мая, выпал снег, поднялся ветер, а затем мороз. Голодные, истощённые люди без кровли, не имея никаких инструментов, очутились в безвыходном положении. Обледеневшие, они были способны только жечь костры, сидеть, лежать, спать у

костра. Люди начали умирать. В первые сутки бригада могильщиков смогла закопать 295 трупов.

И только на четвёртый день на остров прибыла ржаная мука, которую и начали раздавать трудпоселенцам по несколько сот граммов.

В начале июня началась отправка людей на так называемые участки, то есть места, отведённые под посёлки.

Участки были расположены под рекой Назиной, за 200 километров от устья. Участки оказались в глухой необитаемой тайге. Здесь впервые стали выпекать хлеб в наспех сооружённой пекарне. Продолжалось то же ничегонеделание, как и на острове. Истощение продолжало косить людей. На пятый участок с острова пришла лодка, в ней было 78 человек. Из них живыми доехали только 12.

Участки были признаны негодными, и люди стали перемещаться на новые участки, вниз по этой же реке, ближе к устью. Бегство приняло массовые размеры...

В результате всего из 6 100 человек, выбывших из Томска (и плюс 500–700 человек, переброшенных из других комендатур), на 20 августа осталось в живых 2 200 человек».

Подобным образом в Сибирь, в Томскую губернию, был доставлен и Семён Храмцов. Везли их в вагонах, предназначавшихся для скота, по ходу постоянно подсаживали всё новых пассажиров. В вагоне была грязь и духота, люди начали болеть. Умерла мать Семёна и шестнадцатилетняя сестра, их трупы изъяли где-то на Урале. Храмцова из вагона не выпустили, поэтому о том, где расположены их могилы, он не знает и до сих пор, да и вообще – похоронены ли они.

По прибытии в Томск их вагон расформировали. Тех, кто более-менее крепче держался на ногах, отправили на строительство железной дороги Томск – Енисейск. Попал в эту группу и Семён. Жили в вагоне-

теплушке, сначала кормили плохо. Через несколько недель, видимо, убедившись в их пользе, паёк увеличили. Можно считать, что по сравнению с другими переселенцами, прибывшими в Томск, ему повезло. Но неумный характер сыграл с Семёном злую шутку. Проработав на строительстве железной дороги полтора года, он вдруг надумал бежать назад, на Волгу, не имея никаких документов. На четвёртый день побега он был арестован на станции Мариинск и помещён в тюрьму, которая находилась рядом со станцией.

Выяснив, кто он такой, следователь, ведущий его дело, направил запрос по месту жительства. Полученная справка гласила о том, что ранее Семён Анисимович Храмцов подозревался в организации сопротивления властям путём формирования кулацкой банды.

Получив десятилетний срок по статье 58, пункт 2 (захват власти на местах), Семён был направлен в тайгу, на вырубку леса. На фронт, естественно, по этой причине не попал.

Лес сплавлился по реке Яе на завод посёлка Лесозаводского. Ко второй половине срока Семёна за безупречный труд перевели туда на распиловку кругляка.

Отбыв срок от звонка до звонка, Храмцов с завода не ушёл. Жил сначала в общежитии с такими же бездомными мужиками. Затем присмотрел себе женщину – вдову. Война год назад закончилась, а муж в дом не вернулся, сложил голову в чужом краю. К тому времени Семёну стукнуло тридцать с небольшим, мужик он был видный, крепкий, а у Зинаиды была большая усадьба на краю посёлка, за огородами последней улицы. Сохранилась и корова, как Зинаида готовила для неё корма, известно было только ей. Семёну понравилось месторасположение усадьбы (вдали от шумных поселковых улиц), большой двор, да и огород не

маленький. Сошлись не сразу, Зинаида была недоверчивой женщиной, и только после того, как он отремонтировал заборы на усадьбе и в огороде, привёз с лесозавода две машины дров, она сдалась. По правде сказать, сердце бабёнки дрогнуло при первой встрече с Семёном, но её останавливало то, что он отбывал срок как враг народа.

Сошлись не зря, стали сразу жить душа в душу. Через десять месяцев совместной жизни на свет божий появилась дочка, назвали её Лизой, в честь умершей сестры Семёна. Через год купили ещё одну корову, через два – во дворе появилась крепкая лошадь. Вопрос с заготовкой сена предприимчивый Семён порешал быстро. Заметив часто стоящую у ворот жителей соседней улицы лошадь, он узнал причину этого явления, пригласил к себе орловского учётника Василия Петровича. Напоив его хорошей водкой (другие подносили только самогон) и дав малость деньжат (чего раньше никто не делал), Храмцов сразу же стал лучшим другом учётника. Вот почему большая часть лугов за Змеиным логом стала принадлежать Семёну. Объединив других ранее назначенных «друзей» Василия Петровича, Храмцов как бы стал у них бригадиром, и они все вместе быстро справлялись с сенозаготовкой на этих лугах вот уже более пятнадцати лет.

И тут, на тебе, неожиданно прошлое вдруг стегануло плетью. Вроде бы пострадало лицо, а острая боль поселилась в сердце.

«Мало я настрадался в жизни? – думал Семён. – Наверное, уже с лихвой рассчитался за всё: и за этот шрам на его морде, и за убиенных активистов. Нет, видно, Бог не удовлетворён такими расчётами».

Зинаида, когда увидела красный рубец на лице мужа, взмахнув руками, запричитала:

– Это кто же тебя так, Семён Анисимович? Чтоб ему ни дна ни покрывки!

– Тише, тише... Это меня веткой так хлестануло, не шуми, – успокоил он жену.

Всю ночь Храмцов пролежал, засунув руки под голову и глядя в ночной потолок. «Всё, кончилась спокойная жизнь, – вертелась неотвязная мысль в гудевшей голове, – да, видно, и совсем придётся её кончать. Этот сталинский активист от своего не отступится, сведёт меня со свету и мою семью тоже. Уничтожил, гад, одну мою семью, добирается и до второй. Ну нет, не бывает этому!»

Утром с тяжёлой от невыносимых дум головой Семён запряг лошадь, поцеловал в лоб спящую уже почти взрослую дочь, обнял Зинаиду. Она окончательно поняла: случилось непоправимое. Припав к плечу мужа, неудержимо зарыдала.

– Прости, если что не так, – убитым голосом произнёс Семён и, отвернувшись, быстро вышел на крыльцо.

Зинаида, приоткрыв дверь, хотела выйти вслед за ним, но он, махнув рукой, вернул её в дом. Зашёл в амбар, открыл старый сундук и, вытащив двуствольное ружьё, загнал в оба ствола патроны, заряженные картечью.

Трофим Николаевич Найда тоже не спал всю ночь, внутри всё кипело от обуявшей его ярости. Отступив с «поля боя», он вдруг обрушил несколько ударов плети на спину и так резво бегущего Рыжика. Жеребец, увеличив скорость до предела, в считанные минуты проскочил Змеиный лог. Жёстко направляемый рукой хозяина, Рыжик подлетел к совхозной конторе и первый раз в жизни заметил, как с его боков сваливаются хлопья белой пены. Хозяин, сходу соскочив с дрожек, кинулся в конторскую дверь, угрожающе размахивая плетью. Через минуту из конторы выскочил этот хлюпик, который однажды попытался управ-

лять им, Рыжиком, за ним летел озверевший хозяин и что есть силы хлестал плетью.

– Аааа... за што?! – орал тот на всю деревню.

– За то, что ты продажная тварь! – ревел Найда. – Пригрел кулаков на нашем поле. Чтоб ты подавился своим самогоном, сволочь!

Рыжик, конечно, слов не понимал, но чувствовал, что назревает что-то ужасное, даже, наверное, непоправимое.

Отхлестав как следует учёточка Василия Петровича, Найда погнал Рыжика к совхозному гаражу.

Найдя бригадира тракторной бригады Алексея Афанасьевича, распорядился:

– Завтра все трактора – за Змеиный лог, вывозить сено!

– Так ещё рано! Что ж таскать зароды по сухой земле, трактора рвать? – попытался возразить бригадир.

– Ничего не рано, как раз! Ни хрена с твоими тракторами не сделается, – ехидно ухмыльнулся управляющий.

Почувствовав, как хозяин взял в руки вожжи, Рыжик выдвинулся в сторону конного двора, надеясь увидеться с Акимом. Но хозяин, озлобленно рванув удила, направил его в сторону Суженки. Там он нашёл суженского бригадира тракторной бригады и распорядился рано утром отправить трактора тоже за Змеиный лог на луга.

Ночевать Трофим Найда остался в Суженке, дома. Но уснуть ему так и не удалось. Он так же, как и Семён Храмцов, лежал, подоткнув руки под голову и шарил взглядом по ночному потолку.

«Надо же, гадюка, живой ещё! – металось у него в голове бешенство. – Мало того, он ещё и живёт припеваючи. Морда, как у буржуя, гладкая. Ну подожди, сволочь, я из тебя все соки выжму!»

Еле забрезжил рассвет, Найда вскочил, запряг Рыжика и рысью махнул в сторону Орловки.

Семёну Храмцову не нужно было пересекать Змеиный лог, дорога от посёлка, хоть и была длиннее, но зато безопасна. Приехал он на луг рано, ещё только забрезжил рассвет. Привязал коня в лесочке, кинул ему охапку свежего сена. Сам, взяв ружьё, зашёл за ближайший к дороге, идущей через лог, стог сена и стал дожидаться. Вскоре с двух сторон загудели трактора, перекрывая их рокот, из лога послышался топот быстро бегущего коня. Красавец конь, вылетев на луг, поравнялся со стогом, за которым стоял Семён. На дрожках, как монолит, с непроницаемым выражением лица застыл Трофим Найда. Упряжка уже почти пролетела мимо стога.

– Эй! – громко крикнул Семён.

Трофим резко обернулся, и Рыжик услышал, как грохнул раскатистый гром, отдаваясь эхом по лугу, затем второй. Что-то острое хлестануло его по крупу. Жеребец повернул голову назад и увидел, как возвышающийся над дрожками монолит хозяина медленно осел и развалился поперёк кошёвки. Не чувствуя в горячке боли, Рыжик развернулся и стремительно понёсся к конному двору...

Аким, издавелека заметивший Рыжика, открыв ворота, кинулся к кошёвке. Глаза его в ужасе широко раскрылись и застыли на несколько секунд. В кошёвке, подвернув неловко под себя ногу, вниз лицом лежал Трофим Николаевич Найда. Спина его в районе сердца была разворочена картечью, половина левого бока вырвана и болталась, придерживаемая плащом.

Подняв глаза на Рыжика, Аким увидел, как по его крупу стекает кровь.

– Ты что, ранен? – испугался он. – Серёга, иди сюда.

Тот, протирая заспанные глаза, подбежал к упряжке и, заглянув в кошёвку, завопил благим матом:

– Ай, што творится! Убили! Убили, начальника угробили!

– Заткнись, хватит орать, дуй в контору, вызывай милицию! А я Рыжиком займись, он тоже ранен.

Да, действительно, одна из картечин, пролетев мимо основной цели, вошла в ляжку жеребца. Аким, приняв рану за глубокую царапину, обмыл сверху марганцовкой, засыпал стрептоцидом, однако картечь осталась в ноге Рыжика.

На третий день управляющего Орловского отделения Трофима Николаевича Найдю похоронили с почестями.

Семёна Храмцова найти не удалось, как сквозь землю провалился. Сибирь огромная, потайных мест полно...

Чужое сено трактористы вывозить в совхоз отказались.

20

Напуганное таким ужасающим событием село притихло, как бы затаилось, в ожидании новых трагических событий. На несколько дней о существовании Рыжика все позабыли. Аким, узнав все подробности случившегося и пожалев о том, что принял нового управляющего за близкого по характеру человека, стал ещё угрюмее. Ему вдруг стало за это стыдно перед Рыжиком. Аким три дня не выводил жеребца на прогулку и даже на несколько минут не оставался в его станке. Наливал ведро воды, высыпал полведра овса и тут же уходил, поэтому не сразу заметил беспокойство коня. Лишь на четвёртый день обратил внимание на то, что заданный прошлым днём овёс остался почти не тронутым, заволновался и попытался вывести Рыжика в загон. Но жеребец, жалобно заржав, застонал и с места не двинулся.

– Рыжик, что с тобой? – испуганно воскликнул конюх.

Открыв дверь станка и запустив немного света, Аким увидел, что Рыжик стоит, опираясь лишь на три ноги, заднюю правую держит на весу, чуть-чуть прикасаясь копытом к полу.

– Ах, какой же я дурень старый!.. – начал осыпать себя бранью конюх, приложив руку к месту ранения и почувствовав жар. – Не разглядел путём рану. Я-то думал, что это царапина, а здесь, видимо, пуля сидит.

Он опять развёл в ведре марганцовку, обмыл сверху ногу, осыпал уже начавшую отекать рану стрептоцидом. Сам при этом догадывался, что все эти процедуры, как говорится, мёртвому припарки. Аким, как помешанный, метался по загону, то и дело забегая в станок, гладил Рыжика по всему телу, что-то шептал ему ласковое, утешительное. По заросшему щетиной лицу текли крупные слезинки, но конюх их не замечал.

Немного успокоившись, запряг Зорьку и поехал за ветеринаром Семёном Терентьевичем. На дворе уже начало смеркаться.

Тот, недовольно ворча: «Не дают покоя ни днём, ни ночью», при свете зажжённого фонаря внимательно осмотрел и ощупал рану, безнадёжно махнул рукой:

– Картечь застряла в мышцах ляжки, до кости, видимо, не достала, но расположилась глубоко, надо делать операцию. Я такие процедуры не делал, да и старый я уже стал, руки трясутся. Рана начала загнивать, ещё дня три-четыре – и Рыжика твоего на колбасу.

– Ну спасибо тебе, старый хрен, ты только и знаешь всех коней на колбасу отправлять, – рассердился Аким за такое пророчество, – ты хотя бы шприц с собой прихватил да укол хоть какой-то поставил.

– Ну на счёт коней, Акимка, ты не прав, вспомни, скольким я помощь оказал. А по поводу шприцов и медикаментов... Вы тут на этом конном дворе живёте, как в глухом лесу, и ни хрена не слышите и не знаете. Я теперь отстранён от обязанностей ветеринара,

поэтому нет у меня ничего. Теперь коновал у вас новый – Колька Бажков, сын Афанасьевича – бригадир тракторной бригады. Он уже неделю как принят к нам в совхоз, окончил техникум – и в родные края. А я – на пенсию, говорят, методы у меня старые, знаний маловато. Вот так-то, Аким, теперь к нему иди, хотя, я думаю, он ещё не созрел для таких операций.

«Что может сделать пацан, – проводив Семёна Терентьевича, думал Аким, – правильно Терентич говорит – он ещё зелёный, поди и научился только клизмы ставить».

Всю ночь конюх не спал, он то и дело забегал в станок к Рыжику, обглаживал его, чувствуя, что жеребец горит от высокой температуры, сокрушённо мотал головой, осыпая себя нецензурной бранью. От этого коню лучше не становилось, к утру его шея и бока покрылись крупным потом, ноги задрожали, он опустился всем телом на пол, вытянув больную ногу перед собой.

Аким, окончательно убитый состоянием жеребца, сел на бревно около станка и, обхватив голову руками, замер как истукан. Он не замечал ничего: ни того, что давно рассвело, ни того, как рабочие запрягали лошадей, разъезжаясь по своим делам, ни того, как к конному двору быстрой лёгкой походкой приблизился паренёк, худобой и шустростью своей больше напоминающий школьника из девятого-десятого класса.

– Дядя Аким, – увидев конюха, сидящего в странной позе, обратился к нему паренёк, – я теперь у вас буду работать ветврачом. Мне директор обещал выделить коня для служебного пользования.

– Какого коня? – очнувшись от тяжких дум, спросил Аким. – А ты кто такой? – не узнавая парня, снова спросил Аким. Да и как мог узнать: во-первых, он его и раньше почти не видел, во-вторых, парень учился в городе четыре года.

– Я Бажков Николай, – представился паренёк, – а коня мне нужно хорошего, чтобы я мог на нём ездить верхом.

«Значит, вот он какой, этот новый ветеринар. Больно уж, мне кажется, шустрый, – подумал Аким, – доверить ему Рыжика или нет? Деваться всё равно некуда. Будь что будет».

– Бажков, значит, ветеринар, – сказал он вслух, – Алексея Афанасьевича сын, отец-то у тебя надёжный мужик. А ты как?

– Пока ещё не знаю. Да и как я могу сам о себе сказать, надёжный я или нет, – смутившись, ответил паренёк.

«Молодец, правильно ответил», – одобрительно подумал Аким.

– Вот что, Николай, лошадь для тебя есть отличная, жеребец, Рыжиком кличут. Да вот беда – больной он. Вылечишь – будешь ездить, а я буду за ним ухаживать и кормить. Никому более не дам прикоснуться к нему.

– Где он, Рыжик этот? Показывайте.

– Да вот он здесь, далеко ходить не надо, – открыл дверь станка Аким.

Паренёк быстро зашёл в станок, смело пробежался по всему телу жеребца цепкими пальцами, подавил ладонью вокруг раны, поднял возмущённый взгляд на конюха:

– Дядя Аким, он же ранен из огнестрельного оружия, и притом давно. Что ж вы дотянули до такой степени? Там уже образовался абсцесс, немедленно нужно делать операцию.

«Вот тебе и зелёный, – подумал Аким, – видимо, пацан разбирается в своих делах».

– Да, это моя вина. Я, полоротый, сразу не определил всей серьёзности ранения. Этот жеребец принадлежал убитому управляющему. Слышал, наверное, о том, что у нас произошло?

– Конечно, меня как раз, за день до этого, приняли в ваш совхоз. Вот что, дядя Аким, я сейчас схожу за инструментами и медикаментами, а ты найди хороший фонарь, а то здесь, в этой клетушке, темновато.

Николай Бажков с детства мечтал водить железнодорожные составы, так как видел их почти каждый день. Его путь в школу пролегал через станцию посёлка Лесозаводского. Частенько он останавливался и замирал, сопровождая восхищённым взглядом убегающий товарный состав или пассажирский поезд до тех пор, пока они не превращались в точку и не исчезали с ровных блестящих стальных рельсов, так заманчиво зовущих в неизвестную даль.

Но желания не всегда совпадают с действительностью, и, окончив восемь классов поселковой школы, он оказался студентом ветеринарного отделения сельскохозяйственного техникума города Мариинска. Учился с удовольствием, любил практические занятия, особенно по хирургии и акушерству. Будучи ещё студентом, проводил операции на животных в учебном хозяйстве техникума, иногда сложные, естественно, заслужил уважение преподавательского состава.

Аким, отыскав керосиновый фонарь, взволнованно прохаживался по загону в ожидании так неожиданно появившегося спасителя.

«Кто его знает, чем всё это закончится? – лихорадочно думал он. – Спасителя ли бог послал или практиканта, которому всё равно? Будет жеребец жить или нет? Надо же ему на ком-то руку набивать».

Примерно через полчаса новоявленный ветеринар, раскрасневшись от быстрой ходьбы, перепрыгнул через забор загона, сходу распорядился:

– Так, дядя Аким, хватит стонать, открывай станок, зажигай фонарь, – и, разложив на чистой простыне инструменты и медикаменты, приступил к делу.

Аким, почувствовав решительность в тоне Николая, немного успокоился, исполнил приказание и приготовился внимательно следить за его действиями.

– Дядя Аким, ты чего замер? Стоять некогда, будешь исполнять обязанности санитаря, то есть помогать мне.

От такого обращения Аким окончательно уверовал в положительный исход операции. Облегчённо выдохнув, он превратился в послушного «санитаря».

Произведя обеззараживание операционного поля этиловым спиртом, Николай обезболит рану, обколол новокаином, внутривенно тоже ввёл новокаин. Подождав несколько минут, острым скальпелем рассёк вдоль волокон повреждённую мышечную ткань. Брызнула кровь, и из раны стала вытекать скопившаяся дрянь. Углубил рану, почувствовав, как скальпель задел за металл, пинцетом извлёк крупную дробицу с неровными краями.

Глядя на все безжалостно производимые манипуляции, Аким хотел крикнуть: «Что ты делаешь, пацан, ему же больно!», но, видя сосредоточенное лицо ветврача, он не посмел открыть рта. А тот, увлечённый своим делом, скорее всего, и не услышал бы конюха.

Промыв рану и обработав её соответствующими медикаментами, Николай начал зашивать разрез послойно кривой хирургической иглой. Оставив несколько сантиметров разреза незашитыми (книзу ноги), вставил кусок стерильного бинта.

Вот тут уж конюх не выдержал:

– А это зачем? Что же, он теперь так и будет ходить с тряпкой в ноге?

– А это называется дренаж, он не позволит всякой дряни скапливаться в ране, дорогой мой санитар! –

довольный хорошо проведённой операцией, улыбнулся Бажков. – А позже мы и его удалим.

– Я, конечно, не знаю, што дальше будет с Рыжиком, но ты, парень, далеко пойдёшь! Страху в тебе нет!

– В нашем деле страх – последнее дело. Кто боялся, того ещё с первого курса отчислили. Вот что, дядя Аким, к вечеру дашь коню полведёрка тёплой воды, завтра к вечеру – килограммов пять хорошего овса, он к тому времени должен подняться. Я буду приходить два раза в день, вводить антибиотики.

– А это что за хренота, анти... эти самые?

– Антибиотики разные плохие микробы убивают, ты теперь должен знать, санитар всё-таки, – пошутил Николай.

«Да, парень надёжный, как отец!» – подумал Аким и, взяв чистую тряпку, начал стирать с жеребца пот.

Рыжик, ослабленный болезнью и парализованный обезболиванием, ни разу за всё время операции не сделал резкого движения, в глазах его стояла мутная плёнка, всё происходящее он видел как во сне.

Услышав первый выстрел, Рыжик от неожиданности вздрогнул, прогремевший второй выстрел и пронзительная боль в ноге заставили испуганного жеребца обернуться. Его жестокий хозяин, истуканом возвышающийся над дрожками при любой езде, лёг на дно кошёвки. Почувствовав, как ослабли всегда натянутые вожжи, Рыжик, преодолевая боль, галопом ринулся на конный двор, к своему другу Акиму, надеясь получить там необходимую помощь и облегчение от усиливающейся боли в ноге.

Выбежавшие навстречу ему конюхи Добрый и Равнодушный, заглянув в кошёвку, начали что-то тревожно обсуждать. Затем Равнодушный быстро удалился в сторону деревни, а Добрый наконец-то обратил вни-

мание на рану Рыжика, быстро распряг дрожки, отвёл его в станок и начал чем-то промывать ногу. Затем обсыпал белым порошком и ушёл. Боль не утихла. Рыжик стал волноваться, нет, не от боли, а оттого, что Добрый так быстро оставил его в таком положении, чего раньше никогда не происходило, он всегда был внимателен к своему питомцу.

Прошла ночь, боль усиливалась и стала опускаться к колену. Утром в станок заглянул Добрый, насыпав овса и поставив ведро с водой, удалился. Рыжик, ожидая, что он вернётся, постоянно оглядывался на дверь станка, но конюх больше не появился. Попив воды и пожевав овса, жеребец попытался заснуть, но ноющая боль не дала ему это сделать.

Прошла ещё одна ночь, боль усиливалась и уже овладела полностью задней ногой. Добрый опять занёс ведро воды и овса и быстро ушёл. Жеребец вслед ему жалобно и призывно заржал. Всё бесполезно. Мучила жажда, Рыжик жадно, большими глотками выпил воду, овса есть не стал.

Следующей ночью боль окончательно завладела всем телом Рыжика, на ногу он уже наступить не мог. Липкий пот покрывал его лоснящуюся шкуру. Вошедший в станок Добрый, вдруг замахав руками и что-то причитая, начал бегать вокруг коня. Жеребец почувствовал, наконец, проявленное к нему сочувствие, потеряв последние силы к сопротивлению боли, упал на пол, вытянув вперёд болевшую ногу.

Конюх куда-то исчез. Через некоторое время он вернулся в сопровождении того человека, который кастрировал жеребчиков и от которого вечно исходил химический запах. Рыжик не испугался, в таком состоянии ему было всё равно, кто и зачем заходит в станок. Химик походил вокруг, потрогал его руками, подавил на рану, но боль была такая, что жеребец усиления её от прикосновения не почувствовал.

Затем люди начали что-то говорить. Голос Химика звучал безнадежно-растерянно. В голосе Доброго слышалось сначала возмущение, затем – просьба. Но в конечном итоге они разошлись. Добрый, обхватив голову руками, уселся на пороге станка и застыл в форме каменного изваяния.

Утром состояние Рыжика стало совсем безнадежным. Боли он почти уже не чувствовал, ныло всё тело, его колотил озноб, глаза застилала дымчатая плёнка. Сквозь бредовое наваждение он вдруг услышал, как его друг и хозяин Добрый разговаривает с каким-то тонкоголосым человеком. Затем сквозь туманную плёнку он увидел, как этот человек, худенький, высокий, зашёл в станок и начал осматривать его, Рыжика, быстро бегая по телу пальцами. Вышел.

Через некоторое время он появился снова, почему-то весь в белом. Затем Рыжик почувствовал, как его несколько раз укололи вокруг раны и в шею. Чувствительность тела пропала совсем. Голову жеребца Аким уложил на свою фуфайку, настелив сена. Боковым зрением, плохо соображая, Рыжик видел, как этот паренёк быстро орудует руками в его ране. Вот мелькнул блестящий маленький нож. Он-то хорошо знал, что это такое, и, если бы был здоров, обязательно лягнул бы этого пришельца. Послышался треск разрезаемой ткани, но боли не было. Вдруг нож задел за что-то внутри раны. Пронзительная боль ударила в ногу до самого копыта, но сделать что-нибудь в ответ силы не было. Паренёк ещё долго возился вокруг его раны, но Рыжик ничего не чувствовал. Инстинктивно он догадывался, что этот худосочный человеческий жеребёнок пытается ему помочь. Вскоре, закончив процедуру, он ушёл.

Через определённое время боль начала возвращаться, она захватила полностью ногу до самого копыта, разливаясь по всему телу и выжимая липкий обильный пот.

Добрый теперь уже никуда не уходил, вытирая тряпкой пот с тела Рыжика, он постоянно что-то гудел себе под нос, то ли слова утешения, то ли молитву. Преданно заглядывал в затуманенные глаза своего любимца, гладил его по голове и иногда стонал вместе с ним.

Вечером пришёл тот худенький, достал блестящую коробку, вытащил из неё стеклянный цилиндр и несколько раз уколол его в ногу вокруг раны, затем проколол вену на шее и что-то влил из другого цилиндра. Боль чувствовалась, но ослабевший Рыжик в ответ на эти уколы не мог даже вздрогнуть. К утру боль начала ослабевать и жеребец заснул.

Утром худенький пришёл снова и снова повторил все вчерашние процедуры. Сознание Рыжика стало проясняться, он уже мог определить для себя, кем же является паренёк по отношению к нему, Рыжику. И в его голове твёрдо укрепилось определение – Спаситель. Вечером, получив те же процедуры, Рыжик попытался встать, и ему это удалось с помощью Доброго и Спасителя.

Постепенно он начал есть овёс, сначала малыми порциями, затем перешёл и на постоянные, которые получал до болезни. Аккуратно начал наступать на ногу. И, прихрамывая, гулял по загону, под наблюдением своего друга Доброго. Их дружба стала ещё теснее и крепче.

Но странное дело, Рыжик всё чаще стал заглядывать на дорогу, ведущую к конному двору, как будто с нетерпением кого-то ждал. Аким с ревностью стал замечать, как радуется жеребец при появлении Спасителя, нового ветврача.

21

Прошло время... Рыжик окончательно поправился и окреп. Уколы, к которым он уже привык, Спаситель делать перестал, но и сам куда-то исчез. Вот уже несколько дней его не было видно, и Рыжик затоско-

вал. Нет, он не разлюбил своего друга Доброго, но ему явно не доставало присутствия Спасителя. Когда Добрый, напоив его и задав корма, удалялся, Рыжик, прохаживаясь вдоль загона, высоко задрав голову, внимательно смотрел на дорогу. И вот однажды его ожидание наконец-то было удовлетворено.

Ранним утром Рыжик, поедая насыпанный в кормушку овёс, уловил шум знакомых лёгких шагов. Он перестал жевать и прислушался: «Не ошибся? Нет!». Шаги быстро приближались. Рыжик выбежал из-под навеса в загон. Перепрыгнув через забор загона, к нему спешил Спаситель. Жеребец, радостно заржав, кинулся навстречу, сунулся неловко мягкими губами в лицо пришельца, затем, как бы засмутившись, опустил голову и упёрся в грудь долгожданного гостя лбом. В ответ Спаситель обхватил обеими руками эту повинную голову и, поглаживая её, что-то шептал на ухо ласковое, приятное.

– Ну вот, встретились наконец-то болезный с лекарем, – раздался за спиной голос Акима, в котором чувствовалась глубоко запавшая ревность.

– А, дядя Аким, привет, – обернулся Николай, – а я за Рыжиком пришёл, надоело на перекладных до гуртов добираться. Их в совхозе уже больше десятка да и расположены далеко один от другого. Помнишь наш уговор? Я лечу Рыжика, ты его закрепляешь за мной. Или забыл?

– За кого ж ты меня держишь, Николай? – обиделся Аким. – Не только не забыл, я рад, что хозяином у него будешь ты. Теперь Рыжик в надёжных руках. Надевай на него узду и... Подожди, я сейчас вернусь.

Аким быстро скрылся в «конюховке», через минуту вышел, держа в руках новенькое красивое мягкое седло.

– А это тебе мой подарок, – застенчиво опустив к земле глаза, прогудел Аким, – сам шил, от чистого сердца, ездил на здоровье. Только помни и вторую часть нашего уговора – никому Рыжика больше не давай. Будет принадлежать нам с тобой. Ты используешь его по своим делам, я же – чищу, кормлю и пою его.

Рыжик спокойно отнёсся к методу езды своего нового хозяина. Он уже ходил под седлом у цыган и довольно быстро привык к этому, с детства ненавидел телеги, дроги и брички, но поневоле приходилось их таскать. А тут седло – почти что полная свобода от упряжки. Подумаешь – седло да в нём паренёк. Приняв на спину эту «тяжесть», Рыжик встрепенулся и, управляемый уздечкой, за воротами конного двора сразу перешёл на рысь, широко выбрасывая красивые стройные ноги. Полетел, почти не касаясь земли.

Дружба жеребца Рыжика и ветврача Николая Бажкова длилась ни много ни мало – около пяти лет.

В первый же рабочий день Рыжик понял, что подолгу стоять ему на месте, поедая сочную траву, не придётся. Они постоянно переезжали от одного скопления коров к другому. То тут, то там требовалась какая-то помощь: Спаситель способствовал появлению на свет божий телятам, оказывал помощь обожравшимся коровам, которые в порыве жадности заглывая килограммами траву, поедали вместе с полезной и ядовитую. В общем, если описывать всю ветеринарную деятельность, то никакой бумаги не хватит.

Между лошадью и человеком царили полное взаимопонимание и уважение. Конечно, от ветврача Бажкова, так же как и от любого другого его коллеги, невыносимо пахло различными медикаментами, что Рыжику очень не нравилось, но, уважая своего хозяина и понимая данную необходимость, он неко-

торое время стоически терпел эти запахи, а затем постепенно привык и вскоре сам пропитался ими. Зато Рыжик ни разу не уловил химического запаха изо рта своего хозяина, того самого, которым дышали конюх Серёга, учётчик Василий Петрович и ветфельдшер Семён Терентьевич.

Жизнь Рыжика текла теперь спокойно: днём – пробежка по гуртам и фермам, вечером – встреча с Добрым, который, радостно принимая жеребца из рук Спасителя, начинал его чистить, гладить, кормить и поить уже капитально, а не наскоками, как это удавалось делать днём.

Но бывали и некоторые неожиданные происшествия, удивляющие Рыжика, а иногда и пугающие.

Одним днём поздней осенью, когда болота и мелкие озёрца покрылись крепким льдом, хозяин с утра изменил привычный маршрут. Они двинулись в соседнее село, по предположению Рыжика, расположенное в девяти-десяти километрах от Орловки. Чтобы сократить путь, решили ехать через озеро. Рыжик твёрдой рукой был направлен на лёд. Не сбавляя обычной рыси, он вылетел на скользкий лёд и тут понял, что чего-то не хватает, что-то происходит не так – его хозяин Спаситель не умеет управлять им, жеребцом, в данном случае. Вместо того чтобы натянуть повод и задрать голову жеребца, он его отпустил. Рыжик, увидев под ногами необычную скользкую твердь, растерялся, сбился с ритма и, заскользив, упал на колени, продолжая катиться по льду. Хозяин, вылетев из седла и оказавшись у передних ног жеребца, катился вместе с ним. Всё бы ничего, но, докатившись до противоположного берега (он был не так далёк), Рыжик всей тяжестью придавил хозяина к откосу. Перепугавшись, вскочил на ноги и устоялся

широко открытыми глазами на Спасителя. Тот, кряхтя и постанывая, медленно поднялся, протянул руку к жеребцу и стал его поглаживать, успокаивая. Спасли хозяина ивовые кустарники, росшие на берегу, смягчили удар. В общем, всё обошлось.

Прошла зима, по дорогам текли ручьи, рабочий день уже закончился, и Рыжик, обласканный Акимом, поедал выданный ему овёс. Вдруг двери станка открылись. На пороге стоял с уздой в руках взволнованный Спаситель.

– Ну, Рыжик, давай скорее, – выпалил он, надевая узду на голову жеребца.

Рыжик, спешно выйдя в загон, ждал, когда на него наденут седло. Но, к удивлению, хозяин подвёл его к зимней кошёвке. И они вдвоём с Добрым быстро запрягли жеребца.

– Давай скорее, милый, – хлестнул его вожжами хозяин.

Почувя передавшуюся ему тревогу, Рыжик рванулся крупной рысью по обочине дороги, на которой сохранился ещё снег.

Подлетели к дому, у которого Рыжику часто приходилось бывать, как он догадывался, здесь жил его хозяин. Спаситель забежал в дом и быстро вышел, держа под руку стонущую женщину, непривычно толстую в области живота.

Усадив её в кошёвку, хозяин хлопнул жеребца по крупу вожжами:

– Ну, дружище, давай не подведи!

В несколько минут они долетели до посёлка Лесозаводского и остановились у большого длинного деревянного здания. Выскочили люди в белых халатах, подхватили под руки стонущую женщину и скрылись за дверью. Рыжик долго стоял, переминаясь с ноги на

ногу, у забора этого здания. Часа через два вышел хозяин, глаза его сияли ярким радостным светом:

– Ну, Рыжик, поздравь меня, у меня сын родился! – и он чмокнул в нос ничего не понимающего жеребца. – Погнали домой!

Через две недели, когда они с хозяином забирали его жену из того большого здания, Рыжик, увидев свёрток в её руках, а позже услышав кошачий писк из этого свёртка, догадался, что в доме хозяина появилось ещё одно существо – человеческий жеребёнок.

Ещё один случай произошёл у злосчастного Змеино-го лога. Давно уже земли, находящиеся за этим логом, стали принадлежать совхозу, да и частники по-сёлка не остались в накладе, они честно брали луговые земли в аренду. Как оказалось, сена хватало всем. Взяточника Василия Петровича из учётчиков перевели скотником на молочную ферму.

Гурт дойных коров в этот день пасся на поле у Змеино-го лога со стороны Орловки, переходить на другую сторону, пересекая лог, не было необходимости. Видимо, заболела какая-то животина, потому что хозяин, прихватив сумку с медикаментами, направил Рыжика в ту сторону. Управились быстро и поехали вдоль лога по еле заметной тропинке домой. Вдруг впереди на тропе Рыжик выхватил взглядом пёструю верёвку, которая, извиваясь, быстро пыталась убраться из-под ног. Хозяин, видимо, тоже заметил гадюку и резко натянул поводья, но было уже поздно, жеребец наступил этому обрубку верёвки на хвост. Обрубок взметнулся, и Рыжик почувствовал резкий укол в голень. Секунда – и змея исчезла в траве на склоне лога. По тому, как соскочивший с седла хозяин схватил его ногу, Рыжик понял, произошло что-то неприятное. Спаситель быстро вытащил блестящий нож из сумки и, сделав раз-

рез в том месте, где произошёл укол, выпустил небольшое количество крови, после чего достал бинт и туго перебинтовал ногу выше разреза. Затем, вскочив в седло, погнал коня галопом к конному двору.

Навстречу выбежал Добрый, они завели Рыжика в его станок, и тут жеребца начал колотить озноб, глаза застилала мутная пелена. Напуганный конюх бегал вокруг жеребца, хлопая по своим бокам руками, и что-то гудел. Хозяин, поймав его на очередном взмахе за руку, выпроводил за дверь, что-то наказав ему. Через несколько минут тот снова вернулся с сумкой, из которой хозяин достал блестящую коробку, из неё – несколько стеклянных цилиндров и начал обкалывать Рыжика, как два года назад.

Через сутки жеребец, пошатываясь, вышел в загон и стал медленно прохаживаться вдоль забора, к великой радости ветврача и конюха.

Опять Спаситель сделал своё доброе дело.

Но и Рыжик, как оказалось, тоже не остался в долгу перед своим хозяином. Дело было на четвёртом году их дружбы, поздней осенью. Спаситель пришёл утром на конный двор, оседлал жеребца, насыпал два ведра овса в мешок и закрепил его за седлом на спине коня. «Значит, путь будет неблизким», – догадался Рыжик, потому что хозяин всегда так делал в подобных случаях. Да и поведение Доброго подтверждало эту догадку. Он, провожая путешественников, вышел за ворота конного двора и долго махал им вслед.

Выехали за село и догнали большой гурт откормленных бычков, который медленно продвигался по полевой дороге в сторону Шахтёрска. Рыжику не раз уже приходилось сопровождать этих несчастных, в городе их загоняли за большие железные ворота, откуда они никогда уже не возвращались.

Сопровождать их пришлось трое суток в одну сторону, так как по дороге быков подкармливали, давая передохнуть часа два-три. Добрались благополучно, никаких эксцессов по дороге не произошло. Открылись огромные ворота, поглотив в несколько минут огромное стадо прощально мычащих быков.

Нет, Рыжику не было жаль их, так как он не понимал этого необходимого товарно-денежного отношения предприятий. Ему было всё равно, раз так нужно хозяину, значит, так тому и быть. Поэтому, посмотрев на эти ворота, он, управляемый Спасителем, развернулся и направился назад, домой в Орловку. Налегке преодолеть это расстояние можно было за шесть-семь часов, не напрягаясь и не расходуя лишних сил.

Выехали на окраину города, и вдруг повалил первый настоящий зимний снег. Он падал большими лохматыми хлопьями настолько густо, что в двух шагах ничего не было видно. С рыси пришлось перейти на шаг. Хозяин, подёргивая повод, пытался дать определённое направление, но уверенности в его посылках не чувствовалось. И Рыжик начал догадываться о том, что направление тот выбрал неверное. Он точно определил под ногами склон того лога, где когда-то был пленён смуглыми каркающими людьми. Путникам нужно было резко повернуть направо. Но так как жеребец говорить не умел, он несколько раз резко дёрнул повод на себя. И Спаситель понял, что требовал от него умный Рыжик. Он отпустил повод.

Путешественники долго петляли по полям, уже стемнело. Снег стал падать вроде реже, но совсем не прекращался. Однако, несмотря ни на что, Рыжик твёрдо знал, куда им нужно было двигаться. Маршрут этот он запомнил на всю оставшуюся жизнь. Вот та поляна, где Соловуха поломала преграду и освободила его от неминуемой гибели. Вот дорожка, огибающая село Суженское. Оставалось часа два ходу.

Скоро под ногами оказались родные орловские поля, и Рыжик перешёл на рысь.

За всё время пути хозяин ни разу не дёрнул жеребца за повод, полностью доверяя ему, и лишь похлопывал его по бокам и говорил ободряюще-хвалебные слова. Вдруг на пути уставших путников возникли ворота. Ворота их собственного конного двора. Оба облегчённо вздохнули. За воротами показался обрадованный конюх Добрый, взял под уздцы Рыжика, помог слезть Николаю.

– Я вас ждал к вечеру, а сейчас уже четыре утра. Подумал, что вы заплутали, хотел ехать навстречу, да куда там – ни черта не видно.

– Да, если бы не Рыжик, ты бы, дядя Аким, и к завтрашнему обеду нас не дождался. Этот жеребец порою бывает намного умнее человека.

– Это точно! – подтвердил Аким.

Рыжик, словно понимая, что его хвалят, довольно махал головой, поедая овёс из кормушки.

Вспомнился Рыжику и тот отвратительный случай, который был последним совместным со Спасителем происшествием.

Однажды глубокой осенью, когда деревенская липкая грязь покрывает все полевые дороги и тропы и достигает колена, его хозяин Спаситель рано утром, как обычно, на конном дворе не появился. Рыжик, привыкший к каждодневному распорядку, прохаживался по загону вдоль забора, поглядывая на раскисшую дорогу. Осеннее выцветшее солнце, почти не отрываясь от горизонта, проползло уже половину своего пути, когда Рыжик заметил приближающегося к конному двору хозяина. Что-то новое, непривычное и странное в его походке удивило и озадачило жеребца. Хозяин шёл, громко чавкая сапогами, не разбирая

дороги, наступал в самые глубокие лужи, размахивая руками и шатаясь из стороны в сторону.

Вышедший навстречу ему Добрый схватился за голову и замер, широко открыв рот. Затем встрепенувшись, начал размахивать руками и произносить громкие каркающие слова. Рыжик хорошо научился разбираться в интонациях человеческой речи и понял, что конюх возмущён и выражает крайнее недовольство появлением Спасителя. Но тот, оттолкнув Доброго, зашёл в «конюховку» и вскоре вышел с уздечкой в руках, нетвёрдой походкой направляясь в сторону жеребца. Приблизившись, он сходу накинул уздечку на голову коня и загнал удила ему в рот.

И тут Рыжика обуял ужас, от его хозяина исходил удушливый, невыносимый «химический» запах. Горькая обида легла на сердце жеребца, произошло какое-то невообразимое подлое предательство – столько лет он радовался, что хозяин не такой, как те «химики», которые ранее пытались им завладеть, и вот – на тебе.

Пока опешивший Рыжик растерянно размышлял, как ему поступить, хозяин, без седла, забрался на его спину и двинул ногами в бока, погоняя вперёд. Жеребец пошёл к воротам конного двора, однако наперез ему забежал Добрый и, широко размахнув руки, преградил дорогу. Но Спаситель наверху больно хлестнул жеребца поводом и пнул в бока ногами. Рыжик, ловко обогнув конюха, вылетел за ворота. Разбрызгивая грязь, он припустил по дороге, ведущей к молочной ферме. Наезднику, видимо, было всё равно, куда бежит жеребец, он постоянно толкал в бока коня ногами и постёгивал поводом.

И когда в душе Рыжика стала назревать обида, растаяв каждую минуту и требуя принятия каких-то ответных мер, на их пути, недалеко от фермы, оказалась огромная лужа – результат непрекращающихся

осенних дождей. Жеребец метров за сто перед ней резко увеличил скорость и, залетев на середину, выкинув вперёд ноги, стал как вкопанный. Сверху кубарем скатился хозяин и растянулся во весь свой рост в грязной воде. Побарахтавшись, он медленно поднялся, выловил соскочившую шапку и, опустив голову, пешком двинулся в сторону деревни. Рыжик, развернувшись, тоже не спеша побрёл к конному двору.

Откуда коню было знать, что его хозяину предложили место работы в области, но районное партийное руководство наотрез отказалось согласовывать этот перевод, выдав ветврачу отрицательную характеристику, не соответствующую действительности. И тот во что бы то ни стало решил уехать, даже если ему это будет стоить потери партийного билета. В те времена это был невероятно большой риск в развитии карьерного роста. А обиду свою решил погасить вот таким мерзким образом.

Утром следующего дня Рыжик ещё спал, вдруг дверка станка открылась, на пороге стоял Спаситель, он робко протянул руку к губам жеребца, на ладони лежал большой кусок сахара. Рыжик сначала недоверчиво отдёрнул голову, но, почувствовав, как хозяин гладит его по спине и холке, и услышав ласковые слова, взял сахар, коротко им похрустел, примирительно всхрапнув пару раз, положил голову на плечо хозяина.

Пришли конюхи Добрый и Равнодушный, они долго о чём-то толковали со Спасителем, уговаривали его, кого-то ругали. Хозяин извиняющимся тоном обращался к Доброму, тот в конце концов махнул рукой, улыбнулся, что с ним бывало очень редко, и, видимо, всё поняв, простил вчерашнюю выходку. Затем конюхи вышли из станка, прикрыв за собой дверь, хозяин обнял за голову Рыжика, что-то долго говорил ему на ухо, вытащил ещё кусок сахара, но жеребец выронил

его под ноги, почувствовав какую-то надвигающуюся непоправимую тоску.

– Ну всё, Рыжик, прости за то, что я вчера натворил, – чуть слышно шептал Спаситель, – не думал, что ты увидишь меня таким дураком. Спасибо тебе за всё, что мы с тобой пережили за пять лет. И прощай. Может быть, ещё и увидимся! – Он чмокнул жеребца в нос и быстро вышел из станка.

Вечером, засыпав в кормушку Рыжика овса, Аким, положив руку на голову жеребца, горестно произнёс:

– Ну вот и всё. Остались мы с тобой сиротами. Тебе он был спасителем и другом, а мне вроде как родной племянник. Уехал Николай сегодня из деревни.

22

Несколько дней Рыжик с нетерпением ожидал, что вот сейчас откроется дверка его станка и на пороге появится долгожданный хозяин Спаситель. Но ожидания не сбывались. Дверь открывалась, жеребец радостно оборачивался, но на пороге стояли либо Аким, либо Серёга. Они задавали жеребцу корм, поили его, чистили, пытаясь разговорами и лаской утешить. За несколько лет совместного проживания Серёга и Рыжик подружились, конюх во время дежурства перестал употреблять «химию».

Всё усилия были напрасны, и даже Аким чувствовал, как любовь жеребца охладела и к нему.

Рыжику не давала покоя одна мысль: «Неужели хозяин обиделся на него за ту выходку с лужей? Но они же вроде помирились на следующий день».

Рыжик стал плохо есть, похудел. Он тосковал. Что касается исполнения каких-то работ, никого, кроме Акима и Серёги, к себе не подпускал, иногда выполнял мелкую работу по обслуживанию конного двора. И совсем уж странно – Рыжик стал необычайно пуглив, вздрагивал на всякий громкий стук или

скрип. Бывало, во время выезда с конного двора, стоило через дорогу пролететь какой-либо бумажке, он взвизывался на дыбы и нёсся сломя голову, не разбирая дороги.

На кобылиц не обращал никакого внимания, даже любимая в яблоках Зорька не прельщала больше его своей красотой.

Так прошла зима, наступила долгожданная весна. Одним ясным, солнечным днём Аким и Серёга решили напилить в близлежащей ложбинке осинника. Навес над загоном совсем обветшал и требовал скорого ремонта. Запрягли Рыжика в дрожки, положили в них верёвку, пилу и топоры и двинулись к намеченному месту. Управились быстро – навалили осинника, обрубили сучья, оставалось только стянуть готовые брёвна в одну кучу. Делалось это просто, к хомуту привязывалась верёвка, за другой её конец бревно, волоком это бревно доставлялось на поляну, где позже укладывалось на дрожки.

Аким привязал к хомуту верёвку. Для того чтобы спуститься в ложбину, нужно было обогнуть три берёзы, стоящие на пути. Обогнули, и теперь верёвка, зацепившаяся за берёзы, свободным концом начала двигаться навстречу жеребцу.

Рыжик сделал несколько шагов. Вдруг перед ним зашуршали прошлогодние листья, он вздрогнул и уставился широко открытыми глазами в сторону звука. В траве что-то зашевелилось и двинулось, извиваясь навстречу. И в этот миг Рыжик увидел верёвку. «Змея!!!» – промелькнуло в его голове, он хотел встать на дыбы, но в груди вдруг резанула острая боль, что-то оборвалось, прокатившись звоном в голове. Жеребец медленно осел на траву.

– Рыжик! Что с тобой?! – бросился к нему Аким, схватился за уздечку, пытаясь поднять голову жеребца. Но голова безжизненно опустилась на землю.

– Всё, конец, умер, – подытожил Серёга, – куда его теперь?

Но Аким не отвечал, он, отвернувшись, прижался головой к берёзе, плечи его лихорадочно вздрагивали.

Через некоторое время мужики вернулись на конный двор, взяли с собой Зорьку, прихватив две лопаты. Долго рыли здесь же, в лесочке, у этих злополучных берёз, обширную яму. Затем аккуратно перевернули в неё Рыжика, засыпали землёй, обложили могилу дёрном, Аким нашел маленькую рябину, выкопал её и посадил на образовавшийся холмик.

Серая кобыла в яблоках Зорька недоумённо хлопала глазами, глядя на всю эту похоронную процедуру, словно хотела спросить: «Зачем это всё?».

Аким больше не проронил ни слова. Мужики молча запрягли Зорьку в дрожки, погрузили осинник, привезли на конный двор, разгрузили. Смахнув пот со лба, Аким вдруг развернулся и, закрыв за собой ворота, побрёл в сторону деревни, тяжело переставляя ступни. На другой день он на работу не вышел. Заболел. У Акима отнялись ноги.

23

Прошло три года. Осенней порой, когда природа, расплескав яркие красно-жёлтые краски, наполняет душу приятно-щемящей прощальной тоской, ласкает последним солнечным теплом, от орловского конного двора в сторону леса, опираясь на палку, медленно переставляя ноги, двигался старик. Большая узловатая рука, крепко сжимающая палку, напоминала о его былой мощи и силе. Время и болезни отняли эти достоинства у человека, оставив ему исхудавшую согбенную фигуру с низко опущенными костлявыми плечами, длинные седые лохмы на трясущейся голове и такую же бороду, разметавшуюся метёлкой по груди до самого пояса. Старик часто

останавливался, всматриваясь в медленно приближающуюся опушку леса, шумно втягивал носом чистый воздух и, убедившись в правильности выбранного маршрута, двигался дальше.

Вот он вошёл в лесочек, пробежав глазами по деревьям, сделал ещё несколько шагов и остановился у росших на краю ложбины трёх мощных берёз. Взгляд его отыскал рябиновый куст, выросший уже в два человеческих роста, и еле заметный холмик, покрытый пожухшей травой и жёлто-красными листьями. Постояв немного и отдышавшись, он опустился перед холмиком на колени.

– Ну вот и я, Аким. Прости, Рыжик, не приходил я к тебе, не мог, болел. Ноги отказались носить меня. Если бы не наш друг Николай Бажков, я бы и сегодня к тебе не пришёл. Он теперь в области большой человек, приехал в прошлом году на машине и забрал меня в областную больницу. Я не хотел, ни к чему уже, жисть прожита. Но он почти насильно усадил меня в машину, будто я родственник какой. Привёз и врачам наказал, чтоб меня лечили как начальника. И сам часто приходил ко мне. Нет для меня теперь человека роднее его. Вот вроде ходить начал. Хотя, что толку, сердчишко некудышнее, колотится как заячий хвост, задыхаюсь – воздуху не хватает.

Аким глубоко вздохнул, наклонился вперёд и погладил дрожащей рукой могильный холмик.

– О тебе он тоже спрашивал, горевал сильно, что тебя не стало. Мы тебя часто вместе вспоминали. Жисть нас связала и развела...

Старик смахнул набежавшую слезу широкой ладонью и, что-то вспомнив, продолжал:

– Да, Михаил Алексеевич, бригадир бывший, вернулся в деревню. На пенсию вышел, но дома сидеть не стал. Конюхом вместо нас с Серёгой работает, всю жисть коней любил. А Серёга-то помер в прошлом

годе, на старости лет решил с пьянкой завязать, и, видно, зря. Сердце привыкло самогон по жилам гонять, а тут раз нет этой гадости, оно и остановилось.

Он неумело перекрестился, посмотрел вокруг, взгляд его упёрся в разросшуюся рябину.

– Рябинка-то как вытянулась. Сколь лет-то прошло с ептова дня, как мы с Серёгой и Зорькой её посадили? – подумал немного и вдруг перескочил на другое: – Да, Зорьку-то нашу недавно свезли. Куда? Сам знаешь куда, занемогла, болезная, вот её и того... А Битюка и Каштана ещё в позатом годе отправили туда же. Счас на конном дворе лошадёнки так себе, дрянненькие. Никому они не нужны. Всё трактора да машины, весь белый свет закоптили.

Он снова глубоко вздохнул, помолчал немного, взялся рукой за тощую грудь, словно пытаясь утихомирить вновь разыгравшееся сердце:

– Ну, кажется, ничего не забыл...

– А Соловуха как же? – слышалось ему.

Аким, медленно поворачивая голову, огляделся вокруг: «Кто же это спросил? Неужели Рыжик?».

– Соловуха... – тихо начал он.

И вдруг ему показалось, что вокруг разыгралась метель, на расстоянии вытянутой руки ничего не видно. Аким испуганно раскрыл глаза, и в это время из снежной пурги показалась конская голова.

– Соловуха, – обрадовался он, – Соло... – замолкнув на полуслове, Аким медленно завалился навзничь, глядя широко открытыми очами в осеннее небо.

Вскоре облетающие с деревьев в последнем танце жёлто-красные листья плотно прикрыли эти глаза.

Хоронили Акима всей деревней.

Как оказалось, он был не прав, когда думал, что не любит людей, а они платят ему тем же. Он, сам того

не подозревая, добросовестно исполнял свою работу, любовь передавал людям через лошадей, которые благодаря его стараниям всегда были сыты и ухожены. А эти лошади исправно помогали односельчанам содержать своё личное подворье.

На прибитой к кресту дощечке местный художник Мишка Котов вывел красивыми крупными буквами: «Здесь покоится Аким Фролыч Бычков – хороший человек».

Какой-то сельский шутник позже подписал ниже карандашом: «Приёмный сын Соловухи».

События 1950–1970 годов

ЛЕТЯТ УТКИ...

Рассказ бывшего
партийно-хозяйственного руководителя

Господа ссорятся, а у холопов чубы трещат

1

Случай этот произошёл в период рассвета развитого социализма, когда главенствующую роль в стране занимала Коммунистическая партия Советского Союза и ни одно более-менее значимое событие без её контроля и указующего перста не обходилось... Иногда эта роль использовалась в личных интересах руководящего партийного эшелона, в целях отмщения, сведения счётов либо поощрения нижестоящего руководящего состава, но это происходило редко, а может, и нет...

Случилось это так! Директор птицефабрики «Голосистый петух» Иван Иванович Петухов ожидал гостей. Из Москвы в трест птицепрома «Ни пуха, ни пера» Энской области ехал завождем «Утки-селезни» республиканского министерства птицеводческой продукции Игнат Игнатович Уткин. Они вместе с директором треста Титом Владимировичем Диким должны были посетить птицефабрику «Голосистый петух» с целью увеличения птицеводческой продукции в области и стране в целом. Птицефабрика располагалась в Цементно-Шиферном районе Энской области.

Иван Иванович, как и положено руководителю местного значения, доложил об этой встрече секретарю райкома партии Цементно-Шиферного района Петру Сергеевичу Устинову. Пётр Сергеевич был

представительный мужчина преклонного возраста, но крепкого телосложения и крутого нрава. Работал секретарём райкома много лет. Имел большой авторитет не только в своём районе, но и в области, как говорили: «Пинком открывал двери в обком». На этом основании возомнил себя богом и не терпел никаких возражений в отношении принимаемых решений и постановлений возглавляемого им райкома.

Все вышеперечисленные представители власти встретились в кабинете Петра Сергеевича в райкоме партии, горячо поприветствовали друг друга рукопожатиями, но секретарь райкома, как бы в общей суматохе, руку директору треста Титу Владимировичу Дикому не подал. Между ними давно, как говорится, пробежала чёрная кошка. Причин было две.

Первая – это неразделённая власть над птицефабриками, которые располагались на территории Цементно-Шиферного района. По хозяйственной деятельности они принадлежали тресту птицепрома «Ни пуха, ни пера» и были выведены из подчинения районного управления сельского хозяйства. А по партийной линии – парткомы этих птицефабрик подчинялись райкому. Директор треста Тит Владимирович Дикий был не менее принципиальным человеком, чем секретарь райкома, и категорически препятствовал вмешательству во внутренние дела этих хозяйств работников райкома.

Вторая – сын Петра Сергеевича Степан Петрович работал ранее на птицефабрике «Голосистый петух» заместителем у Ивана Ивановича, но отличался необычайной гордыней. Презируя свою должность, требовал вмешательства отца для того, чтоб помог стать директором. И так настоятельно это делал, что Пётр Сергеевич преодолел неприязненное отношение к директору треста, обратился к нему с просьбой о повышении статуса своего сына. И, к удивлению,

Тит Владимирович немедленно удовлетворил эту просьбу, отправив Степана Петровича директорствовать на птицефабрику «Куриный задохлик». Птицефабрика оправдывала своё название, многие годы не выполняла план, отстала в своём развитии от других хозяйств. Нужен был хороший директор, но предложения возглавить это хозяйство никто не принимал даже под угрозой изгнания из партийных рядов. И вот нашёлся претендент в лице сына секретаря райкома Степана Петровича.

«Пусть идёт, может, обломает рога, самолюбивый выскочка, – думал директор треста Тит Владимирович, – и просьбу вроде удовлетворил, и хозяйства того не жалко. Всё равно оно нерентабельное, уже хуже не будет».

Но Петра Сергеевича трудно было провести, он обо всём догадался и ждал случая сделать ответный ход.

Поговорили о том, о сём, попили чайку, определили ход дальнейших действий. Затем, оседлав служебные машины, высокопоставленные деятели двинулись на птицефабрику «Голосистый петух».

Завотдела республиканского министерства Игнат Игнатович Уткин, ознакомившись с производственными показателями хозяйства, восхищённо поднял очи в потолок. Ежегодная прибыль в несколько миллионов рублей (в те времена это были приличные деньги) окончательно расположила его по неизвестной причине в большей степени к директору треста Дикому, к недовольству секретаря райкома. Затем московский гость предложил осмотреть производство, так сказать, в действии. Иван Иванович пригласил для сопровождения на птицефабрику своего заместителя А. Н. Бажкова. И это опять не понравилось секретарю райкома, тот не любил Бажкова, который был назначен директором треста Диким на должность, занимаемую ранее его сыном. Сначала Пётр

Сергеевич, ложно убеждённый особыми способностями своего чада, думал, что при появлении Бажкова хозяйство резко ухудшит свои показатели, поскольку от заместителя директора по производству зависело многое, он ведь был и главным технологом в хозяйстве. Но произошло обратное, уже через полгода показатели на птицефабрике улучшились. Секретаря райкома обуяла ревность.

Московского гостя производство поразило своей слаженностью в работе, чистотой помещений, опрятностью птичников, в общем, придраться было не к чему. И опять столичный гость рассыпался хвалебными речами в адрес местного руководства, особенно хвалил так не угодного секретарю райкома директора треста Тита Владимировича Дикого.

«За что же он хвалит эту сволочь, этот Тит-то и в район приехал, по-моему, первый раз!» – возмущённо думал Пётр Сергеевич.

– Я даже не могу себе представить, где на этом производстве можно найти неиспользованные резервы. Думаю, что всё задействовано до предела, – сказал в конце обхода Игнат Игнатович Уткин.

– Мы ещё подумаем, что можно предпринять для увеличения производства продукции, – пообещал Иван Иванович Петухов.

– Мы тоже рассмотрим этот вопрос на бюро райкома, – презрительно посмотрев на директора треста, ехидно произнёс секретарь райкома. И, неожиданно похлопав по плечу заместителя директора Бажкова, спросил: – Значит, всё у вас хорошо?

– Да вроде бы жить можно, – несколько смутившись, ответил Бажков.

– Ну-ну, желаю всего хорошего, – произнёс секретарь райкома и направился к своей машине.

И вот от этого, казалось бы, ничего незначущего «ну-ну» у заместителя директора Бажкова внутри, в

районе сердца, вдруг возникла тревога, которую он после отъезда гостей никак не мог унять.

2

А гости тем временем приступили к основному этапу рабочей поездки, то есть к окончательному подведению итогов деловой встречи. На поляне на берегу ручья был сооружён большой стол, на котором красовались своими яркими наклейками коньяки, скромно поблёскивала в солнечных лучах водочка, рядом варились в котле шурпа. Распространяя с ног сшибающий запах, жарился бараний шашлык, а уж из продуктов птицеводства столько было наворочено закусок, что хватило бы накормить роту солдат.

Первый тост, конечно, был провозглашён за встречу. Выпили залпом и, нахваливая повара, стали закусывать. Поваром на сегодняшний день был назначен шофёр Ивана Ивановича Толик. Когда чокались, секретарь райкома опять как бы ненароком обошёл стакан директора треста и налитый коньяк допивать не стал, сделал только глоток.

«Пусть надерутся, а я послушаю, что они пьяными языками будут чесать», – думал он. В общей суматохе приподнятого настроения никто на это не обратил внимания.

Дальше – больше, подогреваемые крепкими качественными напитками, собеседники всё больше пропитывались уважением друг к другу и всё более откровенными были возникающие дебаты, перемежающиеся смачными анекдотами и взрывами задорного хохота. И лишь секретарь райкома особого восторга не выражал, пропуская через раз спиртное. Иван Иванович, директор птицефабрики, побаивался Петра Сергеевича и потому стеснялся спросить, чем тот не доволен. Кроме того, Ивану Ивановичу не нравилось то, что между секретарём и директором треста

пробежала чёрная кошка. Директор треста побудет да уедет, до него далеко, а он, Иван Иванович, рядом с райкомом, дьявол его знает, чем всё это может кончиться. Игнату Игнатовичу Уткину было глубоко наплевать на отношения местной руководящей номенклатуры. И лишь Тит Владимирович Дикий заметил пасмурное настроение и комбинации со спиртным Петра Сергеевича, но меньше от этого пить не стал. Он обладал необычным спиртоустойчивым качеством: пил сколько влезет и вроде бы пьянел до безумия, но в последний момент накидывал ещё сто граммов на выпитое сверху и становился совершенно трезвым. Поэтому подвоха в свой адрес под пьяную лавочку не опасался.

Выпили ещё по одной, какой по счёту, неизвестно, в данном случае и счетовод с него бы сбился. И тут стало проясняться, почему так дружелюбно, даже, можно сказать, ласково, заводителом «Утки-селезни» республиканского министерства Игнат Игнатович Уткин относился к директору треста «Ни пуха, ни пера» Энской области Титу Владимировичу Дикому.

– Уважаемый Тит Владимирович! – несколько заплетающимся языком, начал Игнат Игнатович. – Судя по тому, как работает птицефабрика «Голосистый петух», будет трудно выявить резервы повышения производства продукции в вашем тресте, а мне это необходимо. Ты должен подписать отчёт о моей поездке с положительным результатом, то есть подтвердить найденные мной резервы, иначе мой отдел прикроют за ненадобностью.

– Не волнуйся, Игнат Игнатович, я тебя отвезу на птицефабрику «Куриный задохлик» соседнего района, там ты нароешь столько неиспользованных резервов, что под их описания тебе придётся покупать чемодан, и твой отдел не только не сократят, а ещё расширят в два раза.

При этих словах секретарь райкома Устинов побледнел и, злобно посмотрев в наглую морду директора треста, хотел выплеснуть остатки коньяка в направлении оной, но сдержался в последний момент – вот что значит партийная выдержка. Оскорблённый намёком на недоброкачественную работу своего отрока, даже хотел уехать, но в надежде на отмщение остался. Предложение выпить за обещанный отчёт не поддержал.

Остальные же участники диспута ахнули ещё по одной, и хотя взгляд их несколько затуманился, а слух притупился появившимся в ушах лёгким шумом, но все они (как выяснится позже, к несчастью) увидели и услышали, как в протекающий рядом ручеек опустилась дикая утка. Иван Иванович Петухов вдруг, театрально вытянув руки и выпучив от напряжения глаза, скрипучим голосом затянул русскую народную песню: «Летят утки и два гуся...».

Но допеть до конца ему эту песню не удалось – слов он, кроме первой строки, не знал. Лицо секретаря райкома вдруг озарила какая-то идея, возникшая в связи с появлением этого маленького существа – утки, божьей твари.

– Вот вы тут всё ведёте разговоры о дополнительных резервах птицеводческой продукции. Игнат Игнатович возглавляет отдел «Утки-селезни», да и фамилия у него подходящая – Уткин, – с просветлевшим лицом, хитро улыбаясь, сказал Пётр Сергеевич, – в моём районе две птицефабрики, а утятины на нашем столе нет. А почему бы вам не развести уток, товарищи? Вот вам и резервы, да и райком партии поддержит такое предложение.

Директор треста Тит Владимирович сразу почувствовал подвох в словах секретаря, понял, что тот пытается развести не только уток, но и его. Он неплохо знал Цементно-Шиферный район и отлично пом-

нил, что на сорок километров вокруг от птицефабрики «Голосистый петух» не было ни одного более-менее стоящего водоёма, а без водоёма уток содержать почти невозможно. В клетке, как куры, утки сидеть не могут. Им перепончатыми лапами больно ходить по проволочному полу. Хотел директор треста категорически возразить, но было поздно.

Директор птицефабрики Иван Иванович Петухов, чтобы как-то сгладить наметившийся окончательный разрыв между трестом и райкомом и хоть как-то реабилитировать себя в глазах секретаря, выпалил:

– Сделаем, Пётр Сергеевич! Утки будут! – И хотел выпить за это, но пронёс стакан мимо рта и облил московского гостя.

Тот вздрогнул и радостно завопил:

– Вот они резервы! Утки будут, будут! Я завтра же позвоню в Москву и доложу об этом.

– Вот и хорошо! – заключил бравурные вопли секретарь райкома. – Завтра принятое решение утвердим на бюро райкома. Ты согласен, Петухов?

– Конечно, Пётр Сергеевич, поддерживаю! – радостно закричал тот, он был членом бюро райкома.

Тит Владимирович хватил нужные сто граммов, совсем протрезвел, но понял, что сделать уже ничего нельзя. Московского гостя можно ещё уговорить отыграть назад сложившуюся ситуацию, он хоть и из министерства, но, наверное, ещё помнит, как учился в институте, и должен знать, что каждой птице – своё место. Да и скорей всего, после такого возлияния он завтра и не вспомнит, о чём шла дискуссия за трапезой. Ещё проще было с директором птицефабрики: приказал забыть – и дело в шляпе. А вот с партией шутки были плохи – завтра на бюро райкома утвердят данное предложение – и всё. Это закон, никому и ничего не докажешь, не будешь же в обкоме партии говорить о том, что это решение принято по пьянке.

А послезавтра оно уж точно будет в обкоме. Просить и доказывать секретарю райкома Устинову Тит Владимирович не хотел, да и по выражению лица Петра Сергеевича было видно, что это бесполезно.

«Ну и чёрт с тобой, – подумал он о директоре Петухове, – будешь в этом деле козлом отпущения. Хотя эти новшества и для треста даром не пройдут».

Выпили ещё по сто граммов, уже за уток, правда, проглочены эти граммы были с большим трудом. Иван Иванович и Игнат Игнатович самостоятельно встать уже не смогли и были доставлены в машины шофёрами, как мешки с картошкой, на плече. Хлопнули дверки машин – диспут закончен.

Дикая утка взлетела с водной глади ручья и понеслась искать водоём пообширнее.

3

Ночью Иван Иванович спал вроде бы беспробудным сном, находясь под воздействием выпитого. Однако жена его Вероника Прокопьевна спала плохо, часто просыпалась от громких восклицаний своего супруга. А он то протяжно и жалобно вскрикивал: «Утки, утки!», то затягивал сильным басом песню: «Летят утки...». Но более двух слов, видимо, и во сне вспомнить не мог.

Утром Петухов с большим трудом открыл тяжёлые веки, тело всё ныло, как будто ему пришлось ночью таскать тяжёлые мешки. Голова раскалывалась, про внутренние органы не хотелось и думать. Он попытался вспомнить события вчерашнего дня, но распухший мозг проверить прошедшие события не смог. Смутно выпадали отдельные части проведённой встречи, но конкретного в голову ничего не поступало, как он ни старался. Про уток Иван Иванович забыл напрочь. Вероника Прокопьевна хотела спросить мужа, какие утки тревожили его во сне, но видя,

в каком плачевном состоянии он находится, вопрос отложила до лучших времён.

– На работу я сегодня не пойду, – слабым голосом заявил Петухов, – сейчас позвоню Бажкову, пусть он покомандует.

И только взялся за кружку с чаем, которую ему протянула жена, как тишину в доме расколол телефонный звонок. Кряхтя и постанывая, он подошёл к столу и трясущимися руками взял телефонную трубку.

– Аллё, – пропела трубка голосом райкомовской секретарши Лидочки, – Иван Иванович, сегодня в четырнадцать часов состоится заседание бюро райкома, Пётр Сергеевич сказал, чтобы вы явились обязательно.

«Какое, к чёрту, бюро!» – хотел воскликнуть Петухов, но вспомнив, чья это секретарша, лишь недовольно засопел и, сказав: «Ладно», положил трубку.

«Чтоб ты провалился со своим бюро! – медленно провернулось в голове директора. – Ничего его не берёт, неужто после вчерашнего у него не болит голова?»

Но тут сознание Петухова слегка прояснилось, и он вспомнил, что во вчерашнем застолье секретарь райкома Пётр Сергеевич Устинов, будучи чем-то не доволен, спиртное в отличие от остальной компании употреблял умеренно, можно сказать, мало.

«Неужели я чего-нибудь натворил? – подумал Иван Иванович, и холодный пот заструился по его широкой спине. – Вот пьяная свинья! – запаниковал он. – Видимо, и бюро собирается по этому поводу».

До четырнадцати часов ещё было время, и Петухов начал приводить себя в порядок. Набрал ванну, полежа в тёплой ласкающей воде, выпил несколько кружек чая, но улучшения состояния не наступало. Голова гудела, как пустой медный котёл, липкий пот струился с высокого лба и застилал глаза, ноги были как ватные и слегка дрожали, никаких путных мыслей в

голову не приходило. Вышел на улицу, хотел прогуляться, но ноги вдруг затряслись, и он опустился на лавочку, стоявшую во дворе.

«Сейчас позвоню в райком, скажу, что заболел», – подумал Петухов, но, вспомнив крутой нрав секретаря, от этой мысли отказался.

Вспомнился случай, произошедший с директором соседнего с птицефабрикой совхоза Медведевым, который однажды из-за поломки автомобиля по пути в райком не смог явиться на бюро.

Секретарь райкома, заканчивая заседание, так и не дождавшись Медведева, в заключительном слове вдруг неожиданно для членов бюро заявил:

– А этот Медведев, как видно, опять надрался и наплевал на то, что нами принимаются серьёзные постановления, так необходимые для нашего района в свете решений двадцать второго съезда КПСС.

И хотя все члены знали, что Медведев – ответственный член партии и пьёт нисколько не больше других членов, но с тех пор у всех приближённых к секретарю райкома родилось далеко запрятавшееся чувство недоверия: «А этот Медведев, сволочь, оказывается, может врезать втихаря, не испросив на то разрешения членов бюро. А ещё член...».

Итак, неумолимо приближались тринадцать часов, время, на которое Иван Иванович вызвал шофёра для поездки в райком. Внутреннее состояние его к этому часу вроде бы немного урегулировалось, но мозг никак не хотел включаться в работу и напрочь отказывался воспроизводить какие-либо мысли.

Подъехала машина. Петухов прихватил портфель с бумагами. Какими? В данный момент особого значения не имело. Усевшись на сиденье, внимательно посмотрел на шофёра, пытаясь по его взгляду определить степень своей виновности во вчерашних событиях. Но лицо Толика никакой информации на эту

тому не выдало. Спросить напрямую о вчерашнем дне Иван Иванович постеснялся, представив себе, как Толик корячился, затаскивая его вчера в машину, а затем домой. Но в принципе для шоферов руководящего состава это дело было привычным, изредка их хозяевам приходилось решать партийно-хозяйственные вопросы таким вот образом.

Приехав в райком и поднявшись на второй этаж, где располагался зал заседаний и уже присутствовали большинство членов бюро райкома, Иван Иванович виновато-внимательно заглянул каждому в лицо, ожидая увидеть отрицательное отношение этого лица к своей персоне, но не увидел и несколько успокоился. Ровно в четырнадцать часов в зал вошёл секретарь райкома Пётр Сергеевич Устинов, поздоровался с каждым членом персонально пожатием руки. Не обошёл и Петухова, при этом даже удовлетворённо хмыкнул. У Ивана Ивановича, как говорится, – гора с плеч, от радости даже дышать легче стало.

Заседание бюро началось. Обсуждались различные вопросы: проведения хлебоуборочной кампании, выполнения плана по надою молока и прочее и прочее. Петухов слушал в пол-уха, голова так и не хотела принимать нужную информацию. При голосовании, одобряя принятые решения, он автоматически поднимал руку. Но спроси его, за что голосует, вразумительного ответа он дать бы не смог. Размеренные голоса выступающих действовали убаюкивающе, и Иван Иванович начал уже дремать, но вдруг в полусне услышав свою фамилию, очнулся и, подскочив, замер по стойке «смирно».

– Да? – выдохнул он, растерянно поведив по сторонам воловатым взглядом.

– Вот директор птицефабрики «Голосистый петух» Иван Иванович Петухов вчера внёс дельное предложение, – метнув строгий взгляд на застывшего в стой-

ке члена бюро, произнёс секретарь райкома, – давай, Петухов, мы тебя слушаем.

«Какое предложение? – лихорадочно попытался пройтись по полочкам памяти воспалённый мозг. Он начал вспоминать все переговоры с секретарём райкома за последнюю неделю, телефонные и личные, но ничего соответствующего данному моменту на ум не приходило. – Что же я ему обещал? Неужели он говорит о той договорённости, что они обсуждали два дня назад. Секретарь райкома предложил (не приказал, а предложил, но твёрдо, то есть отказать было невозможно) обеспечивать всех работников райкома куриным мясом к ноябрьским праздникам по сниженным ценам. Но эта договорённости не для общего обсуждения», – туго раскручивал директор. Но так как ничего в его извилины другого не поступало, Петухов заикаясь от волнения промямлил:

– Если вы о тех ку-ку-рах, Пётр Сергеевич, то с ними всё в по-полном порядке.

– Ты что, Петухов, пьяный, что ли? О каких ку-рах?! – прорычал секретарь. – Я как раз не о курах, а об утках, которых вы с директором треста Диким пообещали развести в нашем районе. Или у тебя память отшибло?

И вдруг память Ивана Ивановича с точностью до последнего слова, видимо, от страха стала воспроизводить вчерашние события. Он вспомнил, как кричал вчера: «Утки будут!» и как после его вскриков покраснел от злости директор треста Тит Владимирович Дикий. А сейчас он понял то, что если согласится разводить уток, то попадёт в почти безвыходное положение.

Петухов, покраснев под строгим взглядом секретаря, промямлил:

– Но ведь это невозможно – разводить уток без водоёма и в клетках.

– Значит, вчера было возможно, а сегодня нет! – стукнул кулаком об стол Пётр Сергеевич. – Ничего, справитесь, у тебя там Бажков сильно умный, даже чересчур. А мы, члены бюро, проследим за выполнением данного новшества. Кто за данное предложение, прошу голосовать!

Члены бюро в предвкушении вкусной утятины на своём праздничном столе проголосовали почти единогласно. Петухов под пристальным взглядом секретаря тоже медленно поднял руку. Воздержался только Медведев, директор соседнего с птицефабрикой совхоза.

На том заседании бюро райкома Цементно-Шиферного района было закончено.

4

Игнат Игнатович Уткин проснулся поздно, почти к обеду, сказалась разница в часовых поясах. В Москве в это время было около восьми утра. Как попал в эту мягкую белоснежную постель, он не помнил. События прошедшего дня в голове постепенно проявлялись, ему частенько приходилось путешествовать по стране, по различным областным трестам, и к последствиям заключительных застолий его организм привык. Поэтому основную часть вчерашнего консилиума по увеличению продукции птицеводства он помнил. И лишь заключительная выпала из головы, выбитая последней рюмкой водки.

Директор треста птицепрома «Ни пуха, ни пера» Тит Владимирович Дикий затащил вчера вместе с шофёром московского гостя в гостиничный номер, а приехав домой, долго не мог заснуть, обдумывал сложившуюся ситуацию. Это на первый неопытный взгляд утиный вопрос казался пустяком. Развёл уток – и дьявол с ними, пусть живут. А если подойти к вопросу с научной, зоотехнической точки зрения, то ути-

ный приварок, несомненно, поставит птицефабрику в сложное положение, возможно, даже приведёт к финансовым убыткам и в конечном итоге понизит хорошие показатели треста в целом.

К тому же Тит Владимирович не без умысла направил на птицефабрику Алексея Николаевича Бажкова. Ему не нравился директор Петухов, всегда пляшет под райкомовскую дудку, собственного мнения не имеет. И птицефабрика уже начала снижать показатели, да, вовремя сынок секретаря ушёл в директора. И с Бажковым он, Дикий, не просчитался, с приходом которого в хозяйство дела быстро пошли в гору. Вот он – будущий директор.

Знал ли об этом секретарь райкома или нет, но он точно ударил в самое больное место всех замыслов Тита Владимировича.

«Нужно завтра вовремя остановить Уткина, чтобы он не успел позвонить о найденных резервах в Москву, – засыпая подумал Тит Владимирович, – а здесь, в обкоме, я постараюсь доказать несостоятельность данного предложения».

Но исполнить задуманное ему не удалось, помешало выпитое спиртное и долгие ночные рассуждения. Обременённый этими причинами, Тит Владимирович проспал и пробудился одновременно с московским гостем. Пока он одевался и вызывал машину, прошло немало для такого ответственного вопроса времени.

Игнат Игнатович тем временем, поднявшись с гостиничной постели, слегка ещё одурманенный, направился в душ и, стоя под струями тёплой воды, обдумывал произошедшие накануне события. «Вот как хорошо всё складывается, резервы обнаружил да ещё и новшество с утками преподнесу своему руководству», – ликовал он, и так же, как вчера Петухов кричал: «Уткам быть!», душа Игната Игнатовича завопила: «Отделу «Утки-селезни» бы-ы-ыть!». Уткин,

контролируя тресты птицепрома, сам в хозяйствах никогда не работал, устроился по блату сразу в министерство, поэтому представления не имел, какую птицу куда можно размещать.

Выйдя из душевой, Уткин заметил на столике телефонный аппарат, посмотрел на часы, было девять утра по московскому времени. Министерство уже работало.

«Чего томиться, позвоню-ка я министру, отчитаюсь за проделанную в короткие сроки плодотворную работу», – решил Игнат Игнатович.

Подожёл к телефону, набрал номер оператора. В то время ещё не было прямых телефонных линий и все звонки шли через оператора.

– Слушаю вас, – произнёс ленивый голос с того конца провода.

Уткин представился и назвал номер московского министерства, голос на том конце провода при упоминании Москвы и министерства вдруг проснулся и приобрёл металлический оттенок робота, он отчеканил:

– Немедленно соединяю!

В трубке пощёлкало, поскрипело и с той стороны, надо полагать из самой Москвы, донёсся начальственный бас министра:

– Слушаю.

– Здравсти, Василий Петрович! – преданно-льстиво залепетал Уткин.

– А, это ты, Уткин? – несколько разочарованно пробасил министр. – Ну как ты там с резервами? Обнаружил или опять пьянствуешь с местным начальством?

– Ну что вы, Василий Петрович, обнаружил! Да ещё какие! На птицефабрике Энской области, треста «Ни пуха, ни пера», будут выращивать уток, прямо в клетках, как кур, вот мяса-то будет – тьма!

Василий Петрович в отличие от Уткина, прежде чем стать министром, прошёл все ступени руководи-

теля в данной отрасли, начиная с простого зоотехника цеха, и в содержании птицы разбирался хорошо.

– Послушай, Уткин, а вы случайно вчера с директором этой птицефабрики водку не жрали? – возмущённо спросил он.

– Что вы, Василий Петрович, это предложение одобрил даже секретарь местного райкома партии, – выпалил Игнат Игнатович.

От этой новости в мозгах министра что-то оборвалось.

«Ну раз вмешался секретарь райкома, пиши пропало», – горестно подумал Василий Петрович, он вспомнил, что вот так же в районе Крайнего Севера руководители птицепрома и партийное руководство района под пьяную лавочку решили разводить страусов. И сколько он не протестовал, было бесполезно, так как это предложение было утверждено на бюро райкома. Страусы же в лютый мороз решили спрятать свои головы в снег, видимо, подумав своими птичьими мозгами, что это песок, да так и околели все до единого, стоя. И сейчас представив себе уток, сидящих в клетках, он зябко поёжился и молча положил трубку.

Игнат Игнатович этот поступок руководства принял как молчаливое согласие и, довольно потирая ладони, двинулся к выходу, но до двери дойти не успел. Она резко открылась, и в комнату ввалился директор треста Тит Владимирович Дикий.

– В Москву звонил?! – с порога прокричал он, тяжело дыша от быстрой ходьбы и подъёма по лестнице, комната размещалась на третьем этаже.

– Да, уже доложил! – ничего не понимая, выпучил глаза Уткин.

– Ах, твою мать, что же ты натворил!!!

– А чего особенного произошло? Министр со мной согласен.

– Это ты как определил? – спросил ехидно Тит Владимирович. Он хорошо знал министра и не мог себе представить, как тот согласился с такой аферой. – Ну-ка набирай снова Москву!

В считанные минуты телефонные провода соединили столицу с далёкой Сибирью.

– Аллё, – проямлил Игнат Игнатович

– Это опять ты? – пробасила трубка и уже хотела послать Уткина куда подальше, но дальше Сибири ехать было некуда.

В это время аппаратом завладел Тит Владимирович, поздоровавшись, изложил всё произошедшее подробно и в конце с надеждой спросил:

– Что же теперь делать?

– Не знаю, выкручивайтесь сами, я с партийными органами ссориться не намерен, – трубка щёлкнула и замолчала.

Тит Владимирович ещё раз крепко выругался и, глядя на Уткина так, как глядит виноградарь на слизняка, процедил сквозь зубы:

– Всё, хватит. Никуда мы больше не поедem, – имея большие заслуги в сфере птицеводства, он мог себе позволить так разговаривать с начальником отдела министерства, кроме того, почувствовал из разговора с министром, что отделу этому, а также его начальнику скоро, как говорится, наступит каюк.

– А как же птицефабрика «Куриный задохлик»? – ещё на что-то надеясь, пролепетал Игнат Игнатович.

– Хватит нам резервов, с этими хоть бы удалось справиться, – Тит Владимирович осознал, что с секретарём Цементно-Шиферного района он промахнулся и усугублять сложившиеся враждебные отношения, подставляя его сына, не нужно.

Посадил он московского гостя в свою машину и отправил в аэропорт. А сам направился в контору треста искать какой-то выход из сложившегося положения.

До вечера совещался со специалистами треста, подготовил документы, доказывающие невозможность осуществления поступившего предложения, и со словами: «Утро вечера мудренее» отправился домой отдыхать (с твёрдым намерением пойти утром в обком к секретарю, курирующему сельское хозяйство области).

Но было поздно. Наутро его к десяти часам вызвал САМ, первый секретарь обкома. Он ранее занимался угольной промышленностью области и в сельском хозяйстве разбирался плохо. Ему было всё равно, где и кого разводить: уток ли гусей, главное, чтобы было мясо. Тит Владимирович хотел заручиться поддержкой секретаря по сельскому хозяйству, но тот уехал в Москву по неотложным делам.

5

Время секретаря обкома коммунистической партии Владимира Никитовича Вяземского ценилось дорого, он сам не любил разводить бесполезные дебаты и от подчинённых требовал в своих докладах излагать только суть.

День его был расписан по минутам, и все, кого он приглашал на приём, минута в минуту к назначенному времени должны были заходить в кабинет. Ровно в десять часов перед директором треста «Ни пуха, ни пера» Титом Владимировичем Диким секретарша со словами: «Проходите, пожалуйста» распахнула дверь.

Тит Владимирович по делам птицеводства в основном встречался с секретарём обкома по сельскому хозяйству, с первым же ему приходилось видеться изредка: на каких-нибудь общих обкомовских мероприятиях да один раз в год – при объезде работниками обкома хозяйств области. Тем не менее Владимир Никитович вышел из-за стола и по расстеленному мягкому ковру двинулся навстречу директору треста (секретарь по сельскому хозяйству докладывал о ста-

бильной, хорошей работе треста), пожал руку и, после того как они уселись, каждый на положенное ему место, сразу приступил к делу.

– Тит Владимирович, я наслышан о ваших успешных делах. Конечно, мне некогда заниматься в упор делами сельского хозяйства, область всё же промышленная, мне хватает угольщиков и металлургов, но в обкоме есть кому уделять вам внимание, сельхозотдел свою работу знает, – начал свою речь первый.

«Что-то не совсем понятно: заниматься нами некогда, а таким пустяком, как эти проклятые утки, заниматься нашёл время», – думал про себя Тит Владимирович, но он ошибся.

– Я наслышан, – продолжал секретарь, – что вы внедряете в своём производстве автоматику и электронику, и очень поддерживаю такие новшества, надо как можно скорее искоренить во всех производствах тяжёлый труд. Мы сейчас начали торговать углём и металлом с капиталистическими странами, и я договорился с германскими партнёрами о том, чтобы они изыскали возможность продать нам своё птицеводческое оборудование. Поэтому, не откладывая этого дела, как говорится, в долгий ящик, передавайте свои дела заместителям и завтра утречком – на Москву. А оттуда – напрямик в Германию, доводите партнёрские дела с немецкими производителями до ума, – заключил свою речь секретарь.

Тит Владимирович в душе ликовал! А как же иначе – не было ни гроша, да вдруг алтын.

Разговор был окончен, Дикий собрался уже уходить, как вдруг на столе секретаря обкома зазвонил один из множества телефон. Владимир Никитович не всегда поднимал трубку звонившего телефона, за него это делала секретарша и, определив, что с данным абонентом разговор необходим, соединяла его с секретарём, а необязательные переговоры направля-

ла в отделы по назначению. Звонивший телефон осуществлял прямую связь обкома с первыми секретарями райкомов партии, и Владимир Никитович поднял трубку.

– Добрый день, Пётр Сергеевич! – произнёс секретарь обкома.

Услышав это имя, Дикий догадался, что звонит секретарь Цементно-Шиферного района, и у него похолодело в животе.

«Вот тварь, сейчас всё испортит, как же я не успел во время выйти из кабинета, – лихорадочно застучало в голове директора треста, – так всё хорошо началось».

– Предложение? Какое? – продолжал разговор Вяземский. – С Диким? Он как раз у меня. Сейчас включу громкую связь, и обговорим совместно это предложение. Докладывай. – И он нажал клавишу громкой связи.

– Это хорошо, что он у вас, – полилось из репродуктора громкой связи, – Дикий, привет, – как бы издеваясь, произнёс Пётр Сергеевич и продолжал: – Мы позавчера встречались в моём районе с представителем республиканского министерства Уткиным, директором треста Титом Владимировичем и директором нашей птицефабрики и решили: хватит кормить шахтёров одним куриным мясом. Уже приелось. Пора развести в области уток. Вот и начнём с нашей птицефабрики. Вчера на бюро райкома утвердили это предложение. Я хотел доложить секретарю по сельскому хозяйству, но его на месте не оказалось, вот докладываю вам.

«Вот подлец, бьёт со знанием дела, всё продумал, – застучало в голове Тита Владимировича, – знает, как относится секретарь обкома к шахтёрам (сам бывший директор треста угольной промышленности, он к шахтёрам и их труду относился с благоговением,

готов был каждого посадить в президиум любого съезда КПСС. Рассказывали такой случай: однажды в области произошла страшная беда, на одной шахте обвалилась порода, в завал попали тридцать горняков. Когда Вяземскому сообщили об этом, он бросил все дела и помчался на эту шахту, за двести километров. Прилетев туда, сам готов был кинуться на спасение горняков, ели удержали. А когда их извлекли, семеро шахтёров оказались мёртвыми, Владимир Никитович ездил к семьям погибших, плакал вместе с ними и просил у них прощения)».

– А что же ты, Тит Владимирович, ничего мне не сказал? – спросил с укором Вяземский.

– Так он у нас скромный, – подначивал Пётр Сергеевич.

– Ну, скромность тут ни к чему, молодцы, хорошо придумали. Будет хоть какое-то разнообразие в питании нашего трудового народа.

Тит Владимирович хотел возразить. Потянулся уже к портфелю с приготовленными по данному вопросу бумагами, но рука сама по себе опустилась, не достигнув ручки портфеля. А зря, Вяземский хоть и плохо разбирался в вопросах птицеводства (ему в принципе это было ни к чему), но был разумным человеком и, скорее всего, понял бы тревогу директора треста. Но Дикий, ничего больше не сказав, распрощался с секретарём обкома. Приехав в свою контору, он забросил эти бумаги в мусорную урну.

6

На другой день после заседания бюро райкома партии директор птицефабрики «Голосистый петух» Иван Иванович Петухов проснулся рано, голова ещё побаливала после позавчерашней встречи, а при упоминании о вчерашнем бюро в животе становилось холодно и ноги начинала сводить судорога.

«Что же теперь делать?» – билась в голове тревожная мысль. Петухов по натуре был консерватор и всё новое воспринимал с огромным трудом, чаще вообще не воспринимал. Он особенно не вникал в тонкости производственного процесса и не совсем представлял себе, какая беда его ждёт с нововведением на птицефабрике, но в голове постепенно нарастала тревожная мысль о том, что разведение этих паршивых уток вылезет для экономических показателей многие годы работающей хорошо птицефабрики боком.

«Что я скажу своим специалистам? – лихорадочно звучало у него в мозгах, – что подумает главный технолог Бажков обо мне? Скажет, директор выжил из ума».

Петухову нравился его новый заместитель, и в то же время он его побаивался за его способности управлять производством: зам настолько разбирался в делах хозяйства, что порой на совещаниях партийно-хозяйственного актива многие руководители принимали Бажкова за директора, а Петухова за его заместителя.

«Хорошо, что секретарь райкома Устинов – на моей стороне, а то бы директор треста Дикий быстро поменял нас местами, – думал Иван Иванович, – да к тому же очень заметно, что секретарь невзлюбил Бажкова. Вот и дьявол с ним, с этим технологом, пусть выкручивается из создавшегося положения, раз он такой умный. В конце концов, это его проблемы – разрабатывать технологию хозяйства. Но в то же время директор-то я, в конечном итоге за все показатели спросят с меня тоже».

Так и не успокоившись, Петухов наспех оделся, не стал завтракать и двинулся в контору, в свой кабинет. Там, сидя за дубовым столом, директор чувствовал себя в безопасности, как танкист в своём танке.

– Нина, – позвал он секретаршу по громкой связи, – пригласи ко мне всех главных специалистов на совещание, немедленно.

В душе Иван Иванович был трусоват, перед всеми вышестоящими руководителями был, как говорится, ниже травы, тише воды. А вот своим подчинённым умел закрутить гайки, как он любил выражаться. Не стеснялся напомнить, что он давно работает и что он член бюро райкома партии, а секретарь райкома – его приятель.

Не подозревавшие крамольного, главные специалисты быстро заняли свои места в кабинете директора, дружно обсуждали всякие пустяки, откалывая различные шутки в адрес друг друга.

Собрались. Собрание началось.

– Ну, вот что, товарищи. Позавчера у нас состоялось производственное совещание совместно с секретарём райкома Петром Сергеевичем, директором треста Титом Владимировичем и заведующим отделом республиканского министерства Игнатом Игнатовичем Уткиным. На нём было принято деловое предложение по дальнейшему наращиванию продуктов птицеводства и развитию нашей птицефабрики.

После произнесённых слов главные специалисты насторожились.

– И какое же это предложение? – вспомнив секретарское похлопывание по плечу и загадочное «ну-ну», произнесённое им, встревоженно спросил технолог Бажков.

– Мы теперь будем разводить с вами уток! – твёрдо заявил директор.

– Куда разводить, по углам, что ли? – не совсем удачно пошутил прораб Поддубняк. Он это произнёс тихонько, для сидящих рядом, но Петухов услышал.

– Не по углам, Поддубняк, а на птицефабрике, на мясо. Шахтёрам курятина надоела.

– А где же мы возьмём озеро? – озабоченно спросил главный ветеринарный врач Козлевич. – Или с завтрашнего дня будем рыть пруд.

– Нет, озера и пруда у нас не будет, будем уток разводить в клетках, как кур.

– Всё, накрылся годовой план медным тазом! – констатировал последствия этих новшеств главный экономист Дудкин.

– Это какой же умник внёс это предложение? – раздражённо спросил Бажков. – Наверное, долго думал и, скорее всего, не на трезвую голову.

– Я бы попросил! – строго отчеканил Петухов. – Предложение внёс секретарь райкома Пётр Сергеевич Устинов. И я не позволю всякие пошлые выражения в его адрес!

– Ну тогда всё понятно, – обречённо протянул технолог Бажков, – уж если партия решила реки развернуть вспять, то вырастить уток в клетках для неё – раз плюнуть.

– Не нужно ёрничать и в адрес коммунистической партии, товарищ Бажков, вы ведь являетесь её членом тоже, – назидательно, как член бюро, увещевал Иван Иванович.

– Я, может быть, и член её, с ваших слов, но такие тупо-безграмотные предложения ещё ни разу к исполнению не приводил.

– Ничего, приведёшь, ты ведь у нас в сфере птицеводства дока.

– Скажите, Иван Иванович, неужели и директор треста Тит Владимирович поддержал это безумие? – не отступался технолог Бажков.

– А какое это теперь имеет значение? Вчера данное предложение было утверждено на бюро райкома партии. Так что, уважаемый Алексей Николаевич, приложи все свои знания и умения и иди выполнять поставленные нашей партией задачи. Всё, совещание окончено! – заключил Петухов. – И никаких возражений по данному вопросу я больше слышать не намерен!

Директор треста Тит Владимирович, приехав в Москву, тут же направился в республиканское министерство птицеводства. Василий Петрович, министр, принял его сразу, он уже был в курсе связей секретаря обкома Энской области с иностранными фирмами и несколько унижен тем, что связи эти шли не через него, пожав Дикому руку, смущённо сказал:

– Вот, видишь, что уголь и металл делают! Любые вопросы можно решать. Тебе повезло, скоро выведешь все птицефабрики на высшей уровень автоматизации, к тебе учиться будем ездить. Пойдём в столовую пообедаем, через четыре часа у тебя самолёт, билет до Берлина я тебе заказал.

И сидя за столом министерской столовой, Василий Петрович с иронией спросил:

– Это ты придумал в клетках выращивать уток?

– Да ты что! – опешил Дикий. – Ты ж меня давно знаешь, неужели я, в твоём понимании, совсем одурел!

– Ладно, успокойся, я пошутил. Мне Уткин всё рассказал, чую, насолил ты местному секретарю райкома. Теперь что делать-то будешь?

– Пока не знаю, на той птицефабрике специалисты хорошие, что-нибудь придумают. Но достанется им, как говорится, на орехи, под главного технолога секретарь райкома яму роет, а я хотел его директором сделать. Если выдержит эту утиную эпопею, обязательно сделаю.

– Ладно, чем могу, помогать буду. Но ты на меня сильно не рассчитывай. Сам понимаешь, что я с Центральным комитетом рядом сижу, им меня скинуть особого труда не представляет. Хотел я Уткина выкинуть из министерства, но подумал: «Не буду, пусть курирует утиный вопрос. Нужно же кому-то отвечать в конечном итоге». Если бы он был в своём уме, сумел

бы возразить секретарю, – и, сделав паузу, спросил, глядя в глаза Дикому: – Водку, наверное, жрали?

– Как всегда в таких случаях, – не стал отпираться тот.

– Ну вот, похмеляться теперь долго будете. Ты вот что, позвони этому технологу с птицефабрики, пусть едет в Москву. Я дал поручение Уткину, чтобы он помог найти в стране племенное утиное яйцо, он поможет. Как там его?

– Бажков Алексей Николаевич.

– Вот-вот, этому Бажкову. Приедет – посмотрю, если он мне понравится, заберу в министерство.

– Не нужно этого делать, только испортишь. С него получится отличный директор.

– Ладно, посмотрим. Иди, тебе пора уже, утковод несчастный. – И он залился басовитым смехом.

Через два дня после этого разговора Бажков был в Москве, в кабинете Игната Игнатовича Уткина. Правда, в этом кабинете сидели ещё две дамы с умными, похожими на мраморные маски лицами. Их столы стояли впрытык, и, если протянуть руки, можно свободно через эти столы пожать их друг другу.

– Это специалисты отдела «Утки-селезни» Мария Филипповна и Евгения Степановна, – представил Уткин своих коллег.

Коллеги, как говорится, и бровью не повели, для них Бажков был обычный абориген с периферии, приехавший бить челом к высокому начальству. Они и представить себе не могли того, что если бы не было этих аборигенов, то и министерства бы не было как такового. В их представлении всё, что находилось не в Москве, возникало по их милости, и не иначе. Вот так, вышел министр на балкон, махнул рукой, как сеятель, и родились тысячи периферийных хозяйств, а он, затаившись сигарой, милостиво разрешил им существовать.

Уткин обзвонил все тресты птицепрома Советского Союза и в конечном итоге нашёл племенные яйца для выведения утят. Эти яйца находились в хозяйстве Эстонии, и для окончательного согласования по их стоимости и количеству ожидался звонок из эстонского треста. В то время, когда звонки осуществлялись через оператора, связь между республиками производилась довольно долго, оператору приходилось добиваться этой связи часами.

И вот он, долгожданный звонок! Телефон зазвонил на столе Марии Филипповны, она подняла трубку, голос из которой в напряжённом ожиданием тишине был хорошо слышен всем.

– Аллё, эт-то Евгения Степ-пан-новна? – вопрошал с той стороны прибалтийский говорок.

И хотя все находившиеся в кабинете поняли, что звонит нужный им человек, Мария Филипповна, не меняя маски фараона на своём каменном лице, отрубала:

– Нет, это не Евгения Степановна, вы ошиблись, – и движением железнодорожного шлагбаума опустила трубку на телефон.

Бажков, вылупив глаза, некоторое время не мог сообразить, что же произошло. Затем вскочил со стула и, размахивая руками, возмущённо гаркнул:

– Вы что наделали?!

Реакция на его возмущение имела обратный от желаемого эффект.

– Вы что здесь разорались? – возмутилась Анна Филипповна. – Здесь вам не колхозная ферма. Вы у себя на конюшне будете кричать на конюха.

Бажков обратил свой взор на Игната Игнатовича в надежде на поддержку и немедленную выволочку своей подчинённой, но тот, опустив глаза в лежащие на столе бумаги, сделал вид, что он очень занят и ему не до разборок телефонных звонков.

В кабинете снова повисла тишина напряжённого ожидания. Наконец, примерно через полтора часа, а столько, видимо, эстонский абонент пытался пробиться, на столе Евгении Степановны зазвонил телефон. Та степенно отложила ручку и журнал, в котором она ставила какие-то закорючки, в сторону и так же, как Мария Филипповна, повторяя движение железнодорожного шлагбаума, произвела манипуляцию с телефонной трубкой, только теперь в обратную сторону.

– Эт-то Евгения Степановна? – снова осторожно спросил мягкий прибалтийский голос.

– Да, это специалист республиканского треста Евгения Степановна, – как бы переплюнула через губу Степановна. – А вы из эстонского треста? – дипломатично спросила она, хотя всем сидящим в кабинете это давно стало ясно.

– Т-та-а, – ответила трубка и тут же перешла к делу, называя количество яиц и их цену.

Услышав последнее, Бажков поёжился, стоимость превышала все предварительные расчёты в четыре раза. К тому же нужно будет оплатить стоимость самолёта, осуществляющего доставку этих яиц в далёкую Сибирь.

«Прав был экономист Дудкин, – думал Бажков, – если так пойдёт дальше, о прибыли в текущем году нужно будут забыть». Он ещё не совсем догадывался, каким боком выйдут ему эти утки. Пока это были цветочки – ягодки впереди.

Оформив все нужные бумаги в министерстве, Алексей Николаевич собрался уже ехать в аэропорт, как вдруг Уткин сообщил ему, что Бажкова к себе приглашает министр Василий Петрович.

«Зачем я ему понадобился? – думал он, шагая по коридору в направлении кабинета министра. – Делать ему нечего, что ли? Кто он такой, Бажков, чтобы министр тратил на него, простого технолога, время».

А дело всё было в том, что Василий Петрович был сибиряк, который своим умом и умением работать добился такого высокого положения. И когда он слышал, что кто-то приехал в министерство из Сибири, сердце его таяло, он тут же представлял себе, что прибыла, наконец, в эту высокомерную Москву родственная душа. И он не упускал случая повстречаться, поговорить с этой душой, как бы погреться теплом родного края.

Бажков никогда не бывал в столь высоких министерских палатах и не разговаривал ранее не только с министрами, но и с представителями областной знати высшего эшелона. И чем ближе подходил к кабинету министра, тем сильнее у него холодело под ложечкой. Симпатичная секретарша средних лет, приветливо улыбнувшись, проводила его до двери кабинета, и ободряюще махнув головой, открыла её.

Алексей Николаевич, ожидавший увидеть толстобрюхого, угрюмого индивида, сам нахмурившись, ссутулившись перевалил порог кабинета, но, подняв глаза на шедшего навстречу министра, тут же выпрямился и неожиданно для себя заулыбался. Навстречу ему, протянув руки для приветствия, шёл спортивного телосложения человек, с широкой ясной улыбкой, которая бывает только при встрече с самыми близкими родственниками.

– Ну, проходи, садись, – сразу на «ты» басил Василий Петрович, – немного о тебе наслышан, мне тут Дикий кое-что изложил о ваших делах.

Поговорили, министр больше задавал вопросы, а Бажков отвечал на них, секретарша принесла кофе, попили, и вдруг Василий Петрович доверительно спросил:

– Слышал, попал ты, брат, в жернова между райкомом и трестом? – и, сделав паузу, предложил: – Хочешь, я одним росчерком пера вытащу тебя из этой

ситуации. Иди работать в министерство на место Уткина. Иначе ничем вам не помогу, против партии не попрёшь.

– Нет, не могу, мне ещё рано о министерствах думать, да и не смогу я здесь: странные у вас какие-то люди работают. – И он прямо по простоте душевной рассказал о случившемся инциденте с телефонным разговором. – Это же надо, на расстоянии вытянутой руки не подать трубку сидящему рядом специалисту, которого спрашивают бог его знает из какой дали.

Но к его недоумению, данный рассказ не вызвал на лице министра удивления.

– Я поначалу сам очень возмущался такому отношению в кабинетах министерства, но потом понял, что таким образом министерские московские клерки пытаются показать свою значимость периферийным республикам и трестам. Передай трубку сразу – сложится впечатление, что набились здесь все в одном кабинете, как селёдка в бочке. А так представляется, что каждый, даже незначительный специалист, сидит в отдельном кабинете, – изложил он свою версию происходящего.

– Ну так как, пойдёшь ко мне работать или нет? – помолчав, снова спросил Василий Петрович.

– Нет! – твёрдо поставил точку на этом вопросе Бажков.

– Ну, наверное, ты прав. Давай, брат, будем прощаться, время – деньги. Удачи тебе во всём! Туго будет – приезжай, место тебе найду всегда.

8

И вот, наконец, заплатив крупную сумму за племенные яйца и за самолёт, доставивший их на сибирский аэродром, Бажков вместе с ними прибыл на родную птицефабрику.

Все специалисты собрались в инкубаторе, чтобы взглянуть на эти драгоценные, по цене соответству-

ющие золотым, утиные яйца. Не обнаружив ничего сверхъестественного в них, разочарованно вздохнув, хотели уже расходиться.

Но всех остановил заданный главным технологом вопрос:

– А что же будем дальше делать с намеченной на год производственной технологией? Придётся в связи с возникшей ситуацией её полностью ломать? Сейчас нужно будет вне очереди заложить в инкубационные шкафы утиные яйца, значит из технологии выпадает целый птичник, тридцать тысяч кур-несушек, а с ними и прибыль, которую должны были получить за реализацию яиц.

От этих слов экономисту Дудкину стало плохо, он, схватившись за грудь в области сердца, медленно опустился на пол, ветврач Козлевич схватил стоявший на столе графин с водой, окатил Дудкина в расстройстве с головы до пят, тот очнулся, но с пола подыматься не стал.

– Кроме того, – продолжал развивать тему Бажков, – утят нужно будет посадить в корпус, в котором по технологии должны размещаться цыплята, выращиваемые на мясо, значит, это мясо не будет реализовано по ранее заключённым договорам.

После этих слов плохо стало заместителю директора по реализации продукции Мясоедову, и он оказался рядом с экономистом Дудкиным, на полу.

В общем, до всех начинало доходить, во что выльется содержание этих якобы безобидных уток. Надо сказать, что люди испытывали сильные эмоции, потому что при выполнении птицефабрикой плана по прибыли каждый из них получал премию в размере двенадцати месячных окладов. Не выполнишь – останешься с пустым карманом.

Через двадцать один день в инкубаторе вывелись наконец-то утятки. Жёлтенькие комочки, с серыми

полосками вдоль спины, с чёрненькими широкими носиками, они вызвали необычайный восторг у операторов инкубатора и специалистов, вновь собравшихся, чтобы посмотреть на чудо, пока ещё не в перьях, а в пуху.

Надо сразу сказать, что восторг на этом и закончился, утят попытались занести в корпус, чтобы разместить в трёхярусных клетках, предназначенных для цыплят, и с этого момента восторг сменился кошмаром.

Цыплята приспособлены сидеть в клетках, пол которых изготовлен из проволоки. Они обвивают лапами эти прутья и, как все птицы, не испытывают неудобств. А у уточек на ножках перепонки, как у лягушек, и они не могут переносить жёсткие прутья.

У входа в корпус, который предназначался для расселения утят, неожиданно возникло препятствие в образе птичницы, работающей в нём. Регина Войцеховна Брадаускайте по национальности была эстонка. И хотя большую половину своей жизни провела в России, но прибалтийскую педантичность сохранила и скрупулёзно выполняла все правила по уходу за животными и птицей. Кроме того, ей оставался один год до выхода на пенсию, она не хотела потерять репутацию передового производственника, звание которого было зафиксировано на особом дипломе, вручённого ей недавно профсоюзным председателем со словами: «Дай бог вам, Регина Войцеховна, здоровья и хорошей пенсии в будущем».

После этих слов Регина Войцеховна хотела приложиться к его руке, но он руку отдёнул и чуть слышно пролепетал: «Ну-ну, не до такой же степени будет хороша пенсия».

Так вот, умудрённая опытом и обременённая регалиями передовика производства, эта трудяга, руки которой от тяжёлого многолетнего труда опустились

ниже колен, встала на пути процессии, пытавшейся занести злополучных утят в её корпус.

– Куда? Не пущу! Я что буду делать с ними?! У меня дома утки, и я им корм даю вместе с водой, они же от рождения достают пищу из воды. А что они будут делать в клетках, корма сухие, кормушка – впереди клетки, а поилка – сзади. Пока они развернутся к воде, подавятся комбикормом. А потом, как они будут ходить по проволочному полу? У них же нежные перепонки. Нет и нет! Что хотите со мной делайте.

Конечно, можно было поменять птичницу, найти такую, которой всё равно, как будут есть и ходить утята, но расчёт-то как раз и был на опыт и добросовестность именно этой птичницы.

Все специалисты принялись уговаривать Регину Войцеховну, обещая ей в дальнейшем помощь в работе и золотые горы в личной жизни. Всё было бесполезно, не держать же её силой. Положение спасла любовь к подопечным и большая ответственность в выполнении своих обязанностей трудолюбивой птичницы.

– Регина Войцеховна, – обратился к ней главный зоотехник, он же технолог, Бажков, – а утятки-то есть хотят. Если их не покормить, они начнут того...

– Чего того? – насторожилась Войцеховна.

– Умирать!

– Ах, чтоб вас... – махнула зло длинной рукой Регина. – Заносите скорее, – и уже к утятам: – Ах вы мои милые, какой же болван вас сюда приволок на погибель? – Знала бы она, в каких крутых кабинетах сидят эти болваны... Хотя ей на них было наплевать.

– Так, Николаевич, – обратилась она к Бажкову, – везите со склада ко мне в корпус большой рулон бумаги, и поскорее.

– Это ещё зачем? – удивился тот.

– Буду её резать и стелить в клетки. Везите скорей, а то выпущу утят на пол.

Бажков, прихватив с собой в помощь ветврача Козлевича и главного экономиста Дудкина, на машине ветеринарной помощи быстро метнулись на склад. Загрузили рулон бумаги в пятьдесят килограммов, не снижая темпов, доставили в корпус, где Регина начала ножницами вырезать из неё прокладки и стелить в клетки под ножки утят. Видя, что этот процесс может затянуться надолго, Бажков поехал в контору и мобилизовал весь бухгалтерский и планово-экономический отделы на помощь принципиальной птичнице. В общем, в воспитательный утиный процесс втягивалось всё большее число специалистов. Через пару часов утята наконец-то были размещены на предназначенные для них места. Все облегчённо вздохнули и покинули это, не внушающее доверия, поле трудовой деятельности.

Ночью Бажкову снились утята, которые мирно плавали почему-то на волнах широких морских просторов, а они с ветврачом Козлевичем искали лодку, чтобы пригнать непослушных утят к берегу. Но лодку найти никак не удавалось, и тогда Алексей Николаевич, разбортовав колесо автомобиля, стоящего на берегу, извлёк из него камеру. На ней они с ветврачом, неудобно разместившись, поплыли в море к утятам. Но налетевший вдруг ветер погнал их в другую сторону, прямо под идущий по морской глади огромный теплоход. На теплоходе их заметили и начали подавать сигналы протяжными тревожными гудками, но отвернуть от приближающейся махины никак не удавалось. За секунду до трагедии Бажкову послышался далёкий призыв жены Любаши.

– Алёша, Алёша! – всё явственней звучал её голос. – Алёша, вставай, с птицефабрики звонят, там что-то случилось!

В это время опять зазвонил телефон, Бажков поднял трубку.

– Алексей Николаевич, приходите скорее на птицефабрику, Регина Войцеховна пришла рано утром проверить состояние утят, зашла в корпус, но тут же выскочила как ошпаренная, сидит у входа плачет, – звонила дежурная с проходной птицефабрики.

Бажков забежал за ветврачом Козлевицем, тот был уже в курсе произошедшего, ему тоже звонили. Они быстрым шагом, как солдаты на марш-броске, в несколько минут достигли злополучного корпуса. На вопрос: «Что случилось?» – заплаканная Регина лишь махнула рукой. Специалисты, распахнув дверь, ввалились в помещение корпуса. То, что они увидели, повергло их сначала в шок, а затем в справедливую озлобленность на своего директора, членов бюро, секретаря райкома и иже с ними.

Вчерашние красивые пушистики превратились в мокрых, взъерошенных, заляпанных комбикормом неузнаваемых и непонятных существ. По своей природе утятам постоянно нужно запивать пищу. А в связи с тем, что комбикорм находился впереди клетки, а поилка с водой сзади, утята, кидаясь туда-сюда, расплескали воду, размочили все бумажные прокладки и теперь, задррав лапки кверху, лежали на спине. В общем, всё произошло так, как предсказывала мудрая птичница. Мужики вышли из корпуса и в растерянности уселись рядом с рыдающей Региной. Нет, плакать они не собирались, но и, что делать дальше, не знали тоже.

И тут, как оказалось, кстати, появился прораб Поддубняк. Ремонтировался соседний корпус, и он шёл проверить, как продвигается работа.

– Чего вы тут рыдаете? Умер, что ли, кто? – как всегда с присущим ему юмором, осведомился он.

– Зайди в корпус, взгляни, веселиться не от чего, – сказал ветврач.

Через несколько минут Поддубняк вышел и, отпустив очередной анекдот, бодро заявил:

– Какого хрена вы носы повесили, я знаю, что делать, убирайте бумагу из клеток. Часика через три в строительном цехе нарежут фанеру на прокладки, и я распоряжусь, их скоро привезут.

Специалисты обрадованно улыбнулись, птичница прекратила плакать, и они все вместе, призвав на помощь ещё и бригадира, принялись извлекать из клеток промокшую бумагу.

Поменяли прокладки бумажные на фанерные, вроде бы стало получше. Но буквально через пять дней выяснилось, что помёт через фанеру не проваливается, а накапливается под утятами, и они начинают тонуть. Прямо какое-то безвыходное положение. И что самое страшное, не выдержав таких напастей на своё маленькое тельце, эти утятки начинают того... Даже страшно произносить это слово, отдавать в потусторонний мир свою безгрешную душу. И не как-нибудь, а прямо массово.

У всех опустили руки. Бажков уселся на лавочку у дверей корпуса и сидел мрачный, ни с кем не разговаривал. Козлевич пошёл в аптеку и с горя накатил сто пятьдесят граммов чистого спирта. Звал с собой Бажкова, но тот не пошёл. Прораб Поддубняк пошёл бы с удовольствием, но зная, что ста пятьюдесятью граммами от него не отделаться, Козлевич его не позвал. А птичница Регина Войцеховна вдруг вышла из злополучного корпуса и решительно направилась к проходной.

«Всё, кранты», – подумал Бажков, но с места не встал, а продолжал угрюмо смотреть в одну точку.

Алексей Николаевич думал примерно следующее: «Сейчас пойти бы в контору, в кабинет директора Петухова, вмазать ему как следует по физиономии да пойти в аптеку и присоединиться к ветврачу Козлевичу. А затем, выпив сто пятьдесят граммов чистого

спирта, пойти в райком и выложить всё, что многие люди о его работниках думают».

Долго он так просидел. И вдруг цокот копыт и скрип тележных колёс заставили поднять голову опечаленного технолога. То, что он увидел, необычайно удивило и даже в некоторой степени развеселило.

К корпусу подходила лошадь, запряжённая в телегу, на телеге были навалены различные тазики, противни и ещё какие-то ёмкости, способные держать воду. Лошадь под уздцы вела передовик производства, лучшая птичница на птицефабрике Регина Войцеховна.

– Что это такое? – обратился с вопросом к ней Бажков.

– Всё, Алексей Николаевич, хватит ваших научных экспериментов. С этого дня я буду выращивать утят по-своему. Иди собирай народ в помощь и вези шланги, будем запускать воду.

Бажков хотел что-то возразить, но за неимением своего предложения по решению данного вопроса махнул рукой и пошёл исполнять распоряжение знающего человека. Собрал всех специалистов, взял на складе шланги и во главе этой ватаги двинулся к злополучному корпусу. То, что они увидели, открыв в него дверь, уже не удивило пришедших, всем порядком надоели различные бесполезные приёмы. На полу корпуса между клеточных батарей стояли тазики, противни и прочая хозяйственная утварь.

– Так, Николаич, присоединяй шланг к крану и наливай воду, – распорядилась хозяйка, – а вы, – обратилась она к остальным, – помогайте вытаскивать из клеток утят и опускайте их на воду.

Утята, почувствовав родную стихию, начали радостно плескаться. Зрелище было необычайное для людей, привыкших к высокотехнологичному производству, строго соблюдающему санитарный режим: по всему полу между клеточными батареями и на осталь-

ном пространстве до самой входной двери шевелился ковёр из утиных головок и спинок. Они разбрызгивали в разные стороны воду из тазиков и громыхали противнями. В общем, полная антисанитария и бардак.

Регина собрала всю эту посуду со всего птицефабричного посёлка, помогли сердобольные люди, как только узнали о случившемся.

Много рабочего времени у специалистов отняли эти утятки. Специалисты искали способ их содержания. Не дай бог слух о тазиках дошёл бы до контролирующих санитарных органов, главному технологу и главному ветврачу несдобровать.

9

Директор Иван Иванович Петухов, конечно, знал обо всём происходящем с утятами из докладов специалистов, и им день ото дня всё сильнее овладевал страх в предчувствии ответственности за происходящее. Когда же ему доложили о большом количестве умерших утят, он вспомнил, что является членом бюро райкома, а контроль за процессом разведения утинового хозяйства возложен на членов этого бюро. И чтобы свалить с себя ответственность, решил воспользоваться правом контролирующего органа.

Позвонив первому секретарю райкома Устинову, Петухов страдальчески пролепетал:

– Пётр Сергеевич, докладываю вам как член бюро, мои специалисты Бажков и Козлевич не справляются с поставленной перед ними задачей, большой отход утят, развели антисанитарию на производстве, не знаю, что с ними делать.

– Ну ты, Иван Иванович, член-то членом, но и не забывай, ты ещё директор этого производства, – назидательно напомнил секретарь, – хотя я тебя понимаю, Бажков наступает тебе на пятки. Ладно, вызову из области независимую комиссию, пусть разбираются.

Петухов облегчённо вздохнул и положил трубку. Пётр Сергеевич, наоборот, поднял трубку междугороднего телефона и позвонил директору областной ветеринарной станции:

– Аллё, Вера Петровна, секретарь Цементно-Шиферного района Устинов вас беспокоит. У меня в районе на птицефабрике «Голосистый петух» возникли проблемы. Хотели сделать доброе дело, развести уток для улучшения питания шахтёров, вывели утят, да специалисты «ума им дать» не могут, директор бьётся-бьётся, да всё без толку. Пришлите комиссию из своих специалистов, может, они чем помогут. Да, и к нашим охломонам меры какие-то нужно принять, развели тут, понимаешь, антисанитарию.

– Хорошо, Пётр Сергеевич, завтра комиссия будет, – согласилась Вера Петровна. Она знала Устинова как серьёзного, ответственного человека, который пустяками заниматься не будет.

Вот в этот-то самый день специалисты птицефабрики «Голосистый петух» пришли в кабинет директора, расселись по своим местам.

Петухов удивлённо вылупил на них подслеповатые глаза:

– Чего собрались? Я вас вроде бы не звал.

– Решать нужно, что же делать с этими утками, – озабоченно заговорил технолог Бажков, – мы и так уже наделали массу убытков, и они с каждым днём увеличиваются.

– Ну, вам видней, Алексей Николаевич, вы же классный специалист в птицеводстве, – с иронией парировал Петухов, – хотя, вынужден вам заметить, решение принимать будете уже не вы. Завтра сюда едет областная ветеринарная комиссия, так что готовьтесь.

– Какая комиссия? – возмущённо спросил ветврач Козлевич. – Кто её вызывал и чем она может помочь в решении этой проблемы?

– Вызвали её члены бюро райкома, на которых возложен контроль по данному вопросу. Надо вам вправить мозги, может, после этого вы наведёте порядок в данном деле.

– Послушайте, Иван Иванович, на кой дьявол вам сдались эти утки? Неужели вы не можете понять, что, кроме вреда производству, от них никакой пользы не будет. Скажите честно, какую цель вы преследуете? – возмущённо спросил Бажков.

– Цель одна – улучшить питание шахтёров, – как баран, упёрся Петухов, – всё, разговор окончен. Идите готовьтесь к встрече гостей.

10

На второй день, примерно часов в одиннадцать, к конторе птицефабрики подкатил ветеринарный уазик. Прибывшие на нём три члена комиссии поднялись в кабинет директора Петухова, который обрисовал происходящую на производстве картину в цвете, значительно отличающемся от действительности.

– Вот мои специалисты упёрлись и никак не хотят заниматься разведением уток. Всё делают так, чтобы доказать вред этого производства, – заключил он свой рассказ о происходящих событиях, – пойдёмте в этот утиный корпус, и вы сами убедитесь, какой они там развели бардак. Кстати, они нас там ждут.

Комиссию возглавляла молодой ветеринарный врач Нина Петровна, она совсем недавно устроилась в областную ветеринарную станцию старшим ветврачом санитарного отдела и очень была горда тем, что ей поручили первое серьёзное расследование нарушения санитарного порядка на производстве. Естественно, хотела беспристрастно, толково выполнить его, блеснув глубокими знаниями, полученными в институте. Рассказанное директором она твёрдо приняла за основу комиссионных выводов. Зачем челове-

ку, обременённому такими обязанностями, врать, наговаривать на своих подопечных. И теперь она была убеждена: что бы ни сказали в своё оправдание специалисты, это будут отговорки и попытки оправдать свою некомпетентность.

Два других представителя комиссии были пожилыми ветврачами, работниками отдела по борьбе с заболеваниями животных и птицы. Они многое повидали в своей жизни и скоропалительных выводов делать не собирались, им не раз приходилось встречать руководителей в овечьей шкуре, но с волчьими зубами. Заочное обвинение своих специалистов директором их насторожило, они почувствовали какой-то подвох в его, казалось бы, правдивых излияниях. Но председателем комиссии не был никто из них.

Подожли к корпусу. Нина Петровна, изобразив на своём лице непроницаемую мину, сухо поздоровалась с ожидавшими её специалистами, на их попытку объяснить сложившуюся ситуацию лишь махнула рукой.

– Не нужно слов, я сама всё осмотрю! – резко заявила она.

И никто из окружающих не успел и глазом моргнуть, как молодой симпатичный председатель комиссии, воодушевлённый чувством неоспоримой правоты, резко открыла дверь в злополучный корпус и скрылась за ней. Все сопровождающие её лица хотели последовать её примеру, но вдруг услышали грохот металлической посуды, мягкий пластичный стук падающего тела и отборную речь, видимо, преподаваемую в институте во внеурочное время. Дверь резко отворилась. Остальные члены комиссии в страхе отпрянули, напуганные увиденным.

Появился тот самый председатель, Нина Петровна, но изменившаяся до неузнаваемости: с парадной белой кофты и чёрной модной юбки стекала вода, смешанная с комбикормом и помётом. Волосы из

сложной укладки выскользнули и растрепались по плечам, как у русалки, с них стекало то же самое, что и с кофты с юбкой.

Сопровождающий её эскорт моментально расступился, а Нина Петровна стремительно, как метеор, пролетев мимо, кинулась к стоявшей у проходной машине ветпомощи.

От возмущения заикаясь, она прорычала:

– Бар-бар-бардак, уж-уж-ужас какой-то.

Пожилые ветврачи, еле успевая за ней, заскочили в машину. Хлопнула дверка, заревел двигатель, поднялась пыль, и от комиссии не осталось и следа.

Из корпуса же вышла Регина Войцеховна и, удивлённо пожимая плечами, описала случившееся:

– Какая-то симпатичная модная дама залетела в корпус, попала ногами в тазик, опрокинулась, по ходу перевернув ещё несколько посуды, ахнувшись в столпившихся утят, задавила несколько штук своим холёным крупом. А как она выражалась, господи, отродясь такого не слышала!

– Ну всё, теперь вам точно будет крышка! – прошипел Петухов, обращаясь к Бажкову и Козлевичу.

Но он ошибся. На второй день Петухову позвонил секретарь райкома Устинов:

– Ну что, Иван Иванович, просчитались мы с тобой. Утром позвонил секретарь обкома по сельскому хозяйству Колосов и отдедал меня путём. Врачи, которые были в комиссии, не стали подписывать протокол, ссылаясь на то, что выводы, сделанные председателем, предвзяты и не соответствуют действительности. Что, мол, вы там сами разобраться не можете, сор выносите из избы. Не иначе директор треста Дикий пожаловался. Ну раз приказано разобраться самим, давай-ка мы Бажкова вызовем на бюро райкома. Да, ещё. Придётся тебе заплатить Нине Петровне за испорченную одежду и моральный ущерб!

Что такое бюро райкома партии? О! Это орган партийного руководства, облечённый особой властью и правами. Те из отряда старых руководителей, которые когда-либо попадали на заседание этого органа в качестве ответчика, и сейчас, вспоминая произведённую над ними экзекуцию, покрываются липким потом трусоватости.

Бюро райкома коммунистической партии имело право освободить от занимаемой должности партийного руководителя, выразить недоверие хозяйственному руководителю, что практически являлось одним и тем же, объявить выговор без занесения в учётную карточку либо строгий выговор с занесением в учётную карточку, исключить из рядов партии, после чего ты уже не мог добиться повышения по службе, а наоборот, стремительно опускался на самое дно социального сословия, отвергнутый и униженный, в общем – бывший член и не иначе!

Вот на такое мероприятие был вызван главный зоотехник (технолог производства) Алексей Николаевич Бажков в качестве главного ответчика. Для того чтобы предать гласности происходящий процесс, в актовом зале райкома партии были приглашены руководители разных производств Цементно-Шиферного района. Приглашённые расположились в партере, члены бюро чинно восседали за столом президиума, а ответчик стоял за массивной трибуной сбоку от президиума и на полметра ниже. Это указывало на то, что он пока не заслужил такого положения, чтобы находиться на одном уровне с членами бюро, а может быть, и для того, чтобы лучше было видеть, как под напором обвинений данный субъект рухнет на дно этой трибуны и начнёт там корчиться в судорогах. Но всё же он возвышался над партером зала и в любой момент мог спрятаться, если вдруг в него начнут кидать гнилые помидоры либо тухлые яйца.

Так вот, сейчас за этой злополучной трибуной стоял товарищ Бажков. Как он себя чувствовал? Не сказать, чтобы уютно, но и особой вины он за собой не признавал, тем более его руководитель – директор Петухов был членом этого бюро, и Алексей Николаевич рассчитывал на справедливую защиту с его стороны.

– Товарищ Бажков, доложите нам, каким образом вы умудрились сорвать планы по увеличению продуктов птицеводства и улучшению питания населения нашей области? – задал вопрос первый секретарь райкома Пётр Сергеевич Устинов. – Кто вам позволил нарушить решения последнего пленума ЦК КПСС?

От такого ребром поставленного вопроса, неожиданно взлетевшего до уровня ЦК, у Бажкова засосало под ложечкой. Но он сосредоточился и начал подробно объяснять, что на данной куриной птицефабрике, неподготовленной для содержания утиноного стада, данный процесс не возможен. И что в клетках уток никто не разводит, поэтому произошёл большой отход утят. И что если бы вместо уток увеличить поголовье кур, жители области получили бы гораздо больше продукции птицеводства. Всё в общем вроде было понятно и по делу, придраться вроде было не к чему. Но в этот момент Бажков допустил ошибку, дав тем самым повод обрушиться на него с обвинениями:

– Я не знаю, какой баран придумал эту глупость с разведением уток, но, по-моему, он совершенно безграмотен в вопросах птицеводства.

– Вот, оказывается, как?! – закипел Устинов. – Значит, директор треста товарищ Дикий, представитель министерства Уткин, ваш директор Петухов, он же член бюро, – бараны, а вы один такой опытный и самый умный? – себя Устинов ловко отделил от этой компании. – Это они, посоветовавшись, решили заняться делом, а вы с ветврачом Козлевиным препятствуете хорошему начинанию, вредительством зани-

маетесь, в тридцатые годы вы были бы уже на лесоповале на Колыме. – Чувствуя, что хватил лишку, он хотел смягчить последнюю фразу, но не найдя подходящих слов, махнул рукой. – Но ничего, вам и сейчас от ответственности не уйти, – заключил он свою пламенную речь, – члены бюро, прошу задавать Бажкову вопросы по существу содеянного.

– Скажи, Бажков, а много утят сдохло? – грубо спросил председатель госпартконтроля Бурцев. – И сколько ещё осталось в живых?

– Из двадцати тысяч утят пало пять, осталось пятнадцать, – последовал ответ.

– Многовато. Как ты думаешь, кто будет возмещать ущерб? – продолжил допрос Бурцев.

– Ну, этого я знать не могу, я не судья. Но если вам нужно моё мнение, я не считаю специалистов птицефабрики виновными, они не были готовы к такому повороту в технологическом процессе. Уже в самом начале было понятно, что убытки получатся большие, и в дальнейшем они будут только увеличиваться.

– Значит, по-твоему, клепай убытки, а отвечать будет дядя.

– По-моему, не нужно было затевать утиное производство. Я сомневаюсь, что директор треста поддержал данное предложение.

– Послушать тебя, Бажков, выходит, что Пётр Сергеевич – безграмотный, ведь это он не только поддержал, но и был инициатором в данном вопросе, – неожиданно выдал секретаря райкома Петухов. Устинов пнул под столом ногу рядом сидящего Петухова, но было поздно, все догадались, чья это была затея.

Тогда Иван Иванович, чтобы хоть как-то угодить Устинову, решил окончательно добить своего технолога:

– А скажите, Алексей Николаевич, зачем в корпусе поставили тазиков и чуть не угробили председателю областной комиссии?

«Вот тебе и защитник», – подумал Бажков, но подробно всё пояснил и, заканчивая оправдательную речь, отметил:

– Это птичница Брадоускайте применила народные средства, если бы не она, утята умерли бы все.

– Ладно, товарищи, какие будут предложения по поводу наложения взыскания на технолога птицефабрики «Голосистый петух» Бажкова Алексея Николаевича? – задал вопрос первый секретарь райкома Устинов.

Слова попросил второй секретарь райкома товарищ Кобылкин, ранее он работал председателем агропромышленного комплекса Цементно-Шиферного района и повышение по службе получил недавно. Нужно сказать, что Кобылкин отрасль птицеводства ненавидел всей душой. То, что в птицеводстве все процессы в основном механизированы и автоматизированы, сводило его с ума, он считал, что на селе труд должен быть тяжёлым, основные средства механизации – лопата и вилы, а рабочий день – не менее двенадцати часов в сутки, а лучше работать без выходных. И потому специалистов птицеводства, с их восьмичасовым рабочим днём и двумя выходными, иначе, как лодырями, он не называл.

– Товарищи, – приосанился Кобылкин, – смотрю я на этих бездельников, птицеводов, и думаю: ничего они путём делать не умеют, живут как у Христа за пазухой, корма сами не производят, покупают у государства. Понаставили в корпусах различных кнопок, ткнул кнопку – прибыль рекой, а делиться с местными колхозами и совхозами этой прибылью не желают, – мешая всё в одну кучу, решил высказать наболевшее. – В шесть часов вечера – уже дома, в субботу, воскресенье болтаются по селу без дела. Выходные, видите ли, у них, смущают только колхозников и совхозников...

– Слушай, Кобылкин, давай ближе к делу, – остановил распалившегося коллегу Устинов, – что ты предлагаешь по делу Бажкова?

– А по делу Бажкова – предлагаю исключить его из рядов партии и поставить вопрос о несоответствии этой персоны занимаемой должности! – выдохнул второй секретарь и довольный тем, что, наконец, выложил этим птицеводам всё, что он о них думает, плюхнулся на своё место.

Следующим слово взял член бюро, директор совхоза «Коровьи зори» Медведев, тот самый, которого когда-то за опоздание на бюро Устинов записал в пьяницы. Несмотря на это, товарищ Медведев авторитета в данном районе не потерял, хозяйство, возглавляемое им, гремело своими достижениями не только в районе, но и области. В торжественные дни грудь Медведева украшали четыре ордена, два из которых были орденами В. И. Ленина, последняя ступень перед получением звания «Герой Социалистического Труда». Поэтому Александр Александрович имел всегда собственное мнение и никому в рот не заглядывал, какую бы должность тот ни занимал.

– Прежде всего я хотел бы обратиться к тебе, Иван Иванович, – прищурился свои хитроумные глаза, начал Медведев, – хочу у тебя спросить, кто же на птицефабрике «Голосистый петух» директор? Ты или Бажков? Если ты, то на этой трибуне твоё место, хозяин должен отвечать за всё, а не подставлять своих специалистов. Если Бажков – тогда уступи ему своё кресло.

– Я здесь – член бюро райкома и осуществляю спрос как партийный работник, – парировал Петухов.

– Ну тогда всё понятно, – продолжил Медведев, – нашли козла отпущения. Я точно уверен, что этот кандибобер с утками придумал не Бажков, он не такой болван, чтобы портить себе карьеру.

– Ну-ну, без выражений! – осадил Медведева секретарь Устинов. – Почему сразу тот, кто придумал нужное дело, болван. А потом, какая разница – утки или куры, всё одно – птица.

– Кому нужно? Это всё равно что если бы мне вместо коров привезли верблюдов, а спрашивали бы за коровье молоко. Кто-то специально решил добить Бажкова, кому-то он поперёк горла встал. Даже тридцать седьмой год вспомнили. Давайте поставим его к стенке? – запальчиво продолжал Медведев. – Я Бажкова знаю как хорошего специалиста, поэтому предлагаю объявить ему выговор по партийной линии без занесения в учётную карточку за то, что он сразу не послал тех, кто затеял этот утиный процесс, куда подалше. А ещё я бы посоветовал Кобылкину дать большую лопату, тяжёлые вилы и отправить его в колхоз, чтобы он понял, что такое ручной труд.

В партрере прокатился одобрителный шумок.

«Всё дело нам испортил, сволочь», – подумал Устинов, а вслух провозгласил:

– Поступило два предложения: первое – исключить Бажкова Алексея Николаевича из рядов коммунистической партии и поставить вопрос о несоответствии им занимаемой должности. Второе – объявить выговор без занесения в учётную карточку. Кто за первое предложение? Прошу голосовать. – И первый поднял руку.

Но, к его удивлению, примеру последовали только три члена бюро: второй секретарь Кобылкин, председатель госпартконтроля Бурцев и председатель райисполкома Трутнев.

– Ладно, – угрожающе просипел Устинов, – кто за второе предложение, прошу поднять руки.

За второе предложение проголосовал Медведев, к нему присоединились ещё два директора других совхозов, начальник милиции Казаков (он не хотел быть похожим на представителей НКВД тридцать седьмого года) и директор Цементного завода Светлов (он был заядлый охотник, так же как и Бажков, они часто встречались на охоте, и Алексей Николаевич ему нравился как человек).

– А что же ты, Петухов? Не за то и не за другое? – спросил Устинов, взглядом предлагая присоединиться к первой группе.

– Я воздержавшийся, – покраснев и опустив в стол глаза, пролепетал Петухов. Всё-таки речь, произнесённая Медведевым, подействовала на него отрезвляюще и пробудила задремавшую совесть.

– Ну что же, на сей раз повезло тебе, Бажков! – заключил заседание бюро райкома Устинов. – Все свободны, а ты, Бурцев, останься, – обратился он к председателю госпартконтроля.

12

Что такое госпартконтроль или, как его называли в то время, народный контроль? Это определённая группа людей, избранных на пленуме райкома партии, все неосвобождённые от основных обязанностей, кроме председателя. Председатель избирался, это становилось основной его работой, за исполнение которой он получал заработную плату.

В обязанности данной организации входило выявление нарушений производственных процессов, принесших материальный ущерб, и наказание виновных, морально разложившихся особей и тэ дэ и тэ пэ. Чаще всего исполнение этих обязанностей происходило под непосредственным руководством партийных органов района, обычно управлялось первым секретарём райкома партии.

Оставшись вдвоём с Бурцевым, Устинов, нахмурившись, недовольно выпалил:

– Распоясался этот Медведев, возомнил себя правдолюбом, никакой управы на него нет. Я уже совсем собрался на него представление в обком подавать на присвоение звания Героя Социалистического Труда. Пока не буду, повременю, хотя у меня уже по этому поводу состоялся разговор с Вяземским, – и переве-

дя дух, обратился к Бурцеву: – Вот что, Поликарп Тимофеевич, пригласи-ка ты этого Бажкова на заседание народного комитета да вломи ему по полной за нанесённый ущерб, а то он слишком легко отделался. А чтобы не подумали, что мы Бажкова специально изводим, пригласи и главного ветврача птицефабрики Козлевича, и ему заодно подкинь.

– Хорошо, Пётр Сергеевич, будет сделано, – с готовностью согласился Бурцев.

И уже через два дня после состоявшегося бюро Бажков и Козлевич предстали пред ясные очи высокопоставленного комитета народного контроля, члены которого расположились за столами, покрытыми красным бархатом. Столы были выставлены буквой «п», а между её вытянутыми «ногами», понуро опустив голову, стояли ответчики. Почему они опустили голову? Уж если туда попадал человек, то наказание было неизбежным, виноват он или нет.

– Вот, уважаемые члены, перед вами стоят два разгильдяя, которые своим неумением вести производственный процесс в птицеводстве нанесли этому птицеводству колоссальный ущерб в виде большого отхода поголовья уток, – произнёс трагически председатель Бурцев, – то есть ущерб нанесён птицефабрике «Голосистый петух».

– А куда же отошли эти утки? В лес или в озеро? – спросил член народного контроля начальник железнодорожной станции Паровозов.

Бажков и Козлевич засмеялись, поражённые «глубокими познаниями» членов комитета в вопросах сельского хозяйства.

– К сожалению, товарищ Паровозов, они отошли не в лес и не в озеро, а, как говорится, на тот свет, грамотей ты мой, – недовольно пробурчал Бурцев, – а вы, два деятеля, зря веселитесь. Расскажите-ка нам, как всё произошло?

Бажков подробно изложил уже всем порядком надоевшую утиную историю и ещё раз заострил внимание на том, что затея эта была заранее непродуманной и, скорее всего, принята нетрезвыми новаторами птицеводства.

– Это мы уже слышали, – парировал Бурцев, – а чему же вас учили в институтах? – Сам он был практик и институтов не кончал. – Если не можете решить такой простой задачи, значит, вы занимаете не свои места на производстве... Итак, уважаемые члены комитета, у кого будут какие суждения и предложения?

– Разрешите мне? – взял слово председатель районного потребительского общества товарищ Барышников. – Вот у меня на складах если, не дай бог, чего-то не хватает или утруска и усушка превышают норму, то тут уж главный бухгалтер быстренько, не моргнув и глазом, как говорится, составляет акт – и на списание...

– На какое списание?! – возмущённо спросил Бурцев.

– Я хотел сказать, что иногда на списание, а так – в основном в начёт кладовщикам. Правда, иногда по распоряжению райкома...

– Хватит, что ты предлагаешь конкретно по данному делу? – во время остановил болтовню Барышников председатель.

– По данному делу предлагаю, раз уж не хватило на складе уток, это не усушка и не утруска, это прямой грабёж – лишить их месячной заработной платы.

Конечно, этого наказания, по разумению Бурцева, было мало, но он не хотел поднимать других членов, а ими были директор лесхоза, слесарь ремонтной мастерской, лаборант маслозавода. Подними их – неизвестно, чего они тут ещё сболтнут.

– Хорошо, пусть будет так, – припечатал кулаком к столу данный приговор Поликарп Тимофеевич. – Та-

мара Петровна, – обратился он к секретарю, – запиши это в протокол.

И уже Тамара Петровна занесла перо над протоколом, чтобы окончательно зафиксировать вердикт, как всё дело испортил главный ветврач Козлевич.

– Какой-то болван в райкоме придумал эту ахинею, а мне месяц с семьёй жить впроголодь? – возмущённо выпалил он.

– Ах, значит, «болван в райкоме»? – подхватил Бурцев. – Тамара Петровна, запиши-ка по две месячных зарплаты с этих архаровцев. Всё. Заседание окончено, – провозгласил председатель.

13

Через два дня, узнав о произошедших в Цементно-Шиферном районе событиях, директор треста «Ни пуха, ни пера» Тит Владимирович Дикий вызвал к себе в область директора птицефабрики «Голосистый петух» Ивана Ивановича Петухова, главного технолога Алексея Николаевича Бажкова и главного ветеринарного врача Ефима Александровича Козлевича.

Принимал Тит Владимирович приглашённых раздельно, сначала Бажкова и Козлевича.

– Ну что, утиные заложники, натерпелись? – лукаво улыбаясь, встретил вошедших в кабинет специалистов он. – Вот так бывает: ляпнет один идиот по пьянке какую-либо чушь, после трезвые долго разобраться не могут! Наказали вас крепко, два месяца без зарплаты будете жить. Ну Козлевич, я думаю, попал случайно, за компанию, а тебе, Бажков, многое предстоит ещё выдержать, не понравился ты местному партийному руководству, ожидали размазню, а ты оказался шустрый.

– Да я вроде сильно вперёд не высовываюсь, Тит Владимирович, – вставил Бажков.

– Дело-то не в этом, видишь ли, Алексей Николаевич, оказался ты умнее, чем некоторым хотелось бы.

Но ты носа не вешай, как говорится, бог не выдаст, свинья не съест. Ну а как там ваш шеф Иван Иванович? – вдруг переменял он тему разговора.

– Иван Иванович ведёт себя как-то странно, как будто он из другого хозяйства или из райкома партии. Вместо помощи одни нарекания в мой адрес.

«Почувствовал, старый пень, что ему хотят на пятки наступить», – подумал директор треста, а вслух сказал: – Ладно, это мы сейчас поправим, отрезвим вашего шефа как следует.

Затем нажал кнопку вызова секретаря и, когда она появилась в дверях, приказал:

– Лидия Ивановна, пригласите ко мне главного бухгалтера Николая Дмитриевича.

Когда в кабинет вошёл главный бухгалтер Николай Дмитриевич, Тит Владимирович, предлагая ему присесть, спросил:

– Николай Дмитриевич, как у нас обстоят дела с премиальным фондом в тресте?

– Да вроде всё в порядке, Тит Владимирович, – ответил бухгалтер.

– Вот специалисты с птицефабрики «Голосистый петух» пострадали ни за что, партийные органы занялись воспитательной работой, ободрали ребят на двухмесячную зарплату, подготовь приказ, надо их премировать в сумме этой самой двухмесячной зарплаты.

– А премировать-то за что? – спросил Николай Дмитриевич.

– Придумай, у тебя голова светлая... Ну... примерно... за увеличение продукции птицеводства за счёт разведения уток! – засмеявшись, подсказал директор треста.

– Ну вот пока и всё, вы далеко не уходите, сейчас я переговорю с вашим директором и снова приглашу вас. Будем решать, что же делать с утками.

Когда специалисты вышли, зашёл Петухов, подозрительно окинув взглядом Бажкова, выходявшего из кабинета, как бы заподозрив того в сговоре с трестовскими работниками.

– Проходи, Иван Иванович, присаживайся, – пригласил Тит Владимирович Петухова, – наслышан вашими подвигами. Здорово ты перевалил всю вину с больной головы на здоровую. Ты же не в райкоме работаешь, а директором на птицефабрике. Что же ты рубишь сук, на котором сидишь? Такие у тебя хорошие специалисты, а ты их отдал райкому на заклятие. Работать-то с кем собираешься? Или тебе секретарского сынка вернуть, чтобы через год птицефабрика приказала долго жить?

– Мне там жить, Тит Владимирович, не буду дружить с райкомом – лишусь должности. Ты же только и ждёшь, когда я оступлюсь, – тут же меня в шею, а Бажкова на моё место. А так за меня хотя бы Устинов заступится, – парировал Петухов.

– Правильно мыслишь, – продолжил директор треста, – да, я хоть сейчас готов поставить на твоё место Бажкова. Но я тоже человек и знаю, что тебе до пенсии осталось полтора года. Если бы я захотел, никакой Устинов мне не указ. Кадрами распоряжаюсь я, а согласование могу оформить и через обком партии. Так что работай, никто тебя пока трогать не будет, а технолога своего оставь в покое, с его помощью птицефабрику вы через два года выведете на первое место. Могли бы уже в этом году, да вы с Устиновым сами себе петлю на шею затянули с этими утками. Всё понял?

– Да, спасибо и на этом.

Тит Владимирович, вызвав секретаря, приказал вернуть специалистов в кабинет и, когда все собрались, озабоченно спросил:

– Ну что, утководы, что же дальше делать будем? Если срочно не принять мер, эти утки передохнут все. Какие будут предложения?

– Позвольте мне, – попросил слова технолог Бажков, – я думаю, нам необходимо сделать запруду на речушке Макаровке и на берегу образовавшегося пруда построить корпус-временку, например, из шифера, от посёлка недалеко, кроме того, там есть сторожка, будем содержать сторожей.

– Это какие же опять затраты и убытки, – простонал Петухов.

– Твоя идея, – не замедлил подколоть Тит Владимирович.

На том и порешали, облегчённо вздохнув, вышли из кабинета директора треста и отправились домой. Обратная поездка проходила в более дружественной и оптимистической обстановке. Специалисты Бажков и Козлевич были довольны тем, что потери, нанесённые партийными органами, возмещены органами хозяйственными. Петухов, получив надежду на благополучный исход в своей карьере, всю дорогу поддерживал разговор, даже рассказывал анекдоты.

Но, к сожалению или к счастью, до выхода на пенсию ему доработать в качестве директора всё-таки не пришлось!

14

Всё было сделано, как договаривались, сделали запруду как раз в том месте, где когда-то на воду опустилась дикая уточка и дала Петухову идею, образовался довольно обширный пруд, построили временный корпус из шифера, провели внутрь водопровод и даже сделали механическую кормораздачу. Приставили к утиному стаду сторожей-пенсионеров. И потёк естественный процесс выращивания натерпевшихся уток. Днём их выпускали на пруд, вечером они, проголодавшись, возвращались в корпус.

Ближе к осени стало ясно, что технология производства продукции на птицефабрике постепенно вер-

нулась в годами накатанную колею и была спасена. С учётом того мяса, которое должны были получить от выращенных уток, даже производственный годовой план выполнялся.

В октябре пришло приглашение для специалиста на курсы повышения квалификации во Всесоюзный московский институт птицеводства. Решено было послать туда технолога птицефабрики «Голосистый петух» Алексея Николаевича Бажкова сроком на два месяца.

В корпусе-временке, где находились по ночам утки, температура ещё пока ни разу не опускалась ниже нуля, и вдруг в одну из ночей хряпнул приличный мороз. А нужно заметить, что в этом самом корпусе пол был земляной и постоянно мокрый, потому что утки во время еды сильно разбрызгивают воду.

Надо же было такому случиться, что в эту ночь дежурным сторожем был пенсионер по фамилии Уткоедов, который очень любил приложиться к рюмке. Прихватив с собой на дежурство бутылочку самогона, он решил устроить себе праздник и заодно отведать этой самой утятини, ради которой он тут корячился по ночам. Развёл костёр подальше от корпуса во избежание пожара и примостил котелок с водой.

Мороз способствовал проведению намеченного праздника, выпив рюмочку для сугреву, а надо заметить, что эта рюмочка в этот день была не единственной, пенсионер Уткоедов открыл дверь корпуса и цапнул первую попавшуюся утку за голову. Утка истошно заорала, но с места не подалась. Пенсионер Уткоедов схватил вторую, рядом сидящую утку и потянул её на себя, эффект тот же. Он повторил несколько раз попытку на других утках, ни одну сорвать с места не удалось. Утки, напуганные насильственными порывами пенсионера и теми странностями, которые происходили с ними, начали истошно кричать.

– Всё, белая горячка! – впал в панику пенсионер Уткоедов, и вдруг им обуял приступ панической лихорадки, завопив что было мочи: – Караул!!! – он бросился в сторону птицефабричного посёлка.

Засыпающие специалисты, птичницы, слесари, наработавшиеся за день, вдруг услышали душераздирающие вопли: «Караул!», начали быстро выбегать на улицу в предчувствии светопреставления. Но тут им на глаза попался сторож – пенсионер Уткоедов, очи которого готовы были выскочить из орбит, рот перекошен от ужаса. На вопрос: «Что случилось?» – он только бешено сверкал глазами и, показывая в сторону пруда, повторял:

– Там, там, там...

Люди, прихватив с собой фонари, двинулись в сторону пруда. Придя на место, обнаружили догорающий костёр, открытую дверь в утятник, ровно разместившихся по полу уток, неподвижность которых выглядела довольно странно. Помахав фонарями и присмотревшись получше, пришедшие догадались, в чём дело.

– Да они же примёрзли к полу! – воскликнул ветврач Козлевич.

– Нужно немедленно везти сюда теплогенераторы, – всполошился главный инженер Мальков.

– Нужно доложить Ивану Ивановичу, – сказала бригадир Сафонова.

– Завтра доложим, чем он поможет, – остепенил её Козлевич.

Пока привезли теплогенераторы, солярку, пока заправили её в баки, наступило утро. Запустили отопительные приборы, в корпусе постепенно начала подыматься температура, к обеду она достигла нужных параметров, утки со звуком вылетающей пробки из бутылки отскакивали от пола и с ужасом, а может быть, с радостью выбегали из корпуса, кидались в пруд, обламывая образовавшийся у берега ледок. Они стали

уже довольно большими и вскоре почти полностью заняли своими тельцами поверхность пруда.

– Ну слава богу! – выдохнул ветврач Козлевич. – Вроде всех спасли, ещё бы часов пять – и всё, сколько бы мяса пропало. Пойду к Ивану Ивановичу, доложу, нужно этого сторожа Уткоедова как-то наградить.

Вот так тоже бывает, неожиданно из расхитителя сельскохозяйственной птицы человек становится героем по её спасению.

Обрадованные таким исходом, все специалисты и рабочие утинового корпуса успокоились. Специалисты занялись другими делами, а рабочие, обслуживающие утятник, занялись подготовкой кормов для вечернего кормления уток. Но сколько их не заманивала птичница, сколько сторожа не махали руками, пытаясь загнать в корпус, туда утки не шли, видимо, напуганные произошедшим с ними несчастьем.

А в это самое время директор птицефабрики Иван Иванович Петухов, так и не оповещённый о произошедшем событии, разговаривал по телефону с первым секретарём райкома Петром Сергеевичем Устиновым:

– Пётр Сергеевич, всё-таки вы правильно тогда подали идею насчёт уток, такие выросли ядрёные, надо как-то парочку отправить в столовую обкома, пусть отведают.

– Ладно, Иван, я завтра доложу секретарю по сельскому хозяйству. Видишь, всё-таки линия партии всегда приводит к положительным результатам, к успеху, – и трубка, щёлкнув, замолчала с той стороны.

«Да, знал бы ты, в какую сумму вылился этот успех», – подумал Петухов и положил трубку. В это самое время в приёмной послышалась какая-то суета, торопливые шаги, дверь в кабинет открылась и появившийся ветврач Козлевич, беспокожно дёргая носом, доложил:

– Иван Иванович, утки взбунтовались!

– Как так, Козлевич? Ты в своём уме?

И тогда взволнованный ветврач выложил директору все произошедшие за сутки события.

– А теперь они не хотят возвращаться в этот корпус! – заключил он свой рассказ.

– А что по этому поводу говорит Бажков?

– А он ничего не говорит, он же в Москве.

– Ах да, совсем из головы выскочило, с ума сойдёшь с этими утками.

– Так что же делать, Иван Иванович? – паниковал Козлевич.

Неизвестно, что бы ответил Петухов, но в этот момент он вспомнил, что доложил уже в райком об этих утках и завтра Устинов доложит о них в обком.

– Поедем на место, там разберёмся, – подтолкнул он к выходу Козлевича.

На месте, то есть у пруда, картина не изменилась, люди бегали по берегу, махали руками, звали: «Ути-ути», угрожали, а утки кружили по воде, но на берег не выходили.

– Нужна срочно лодка, – приказал подъехавший Иван Иванович.

Привезли лодку, двое рабочих сели в неё и выплыли на середину пруда, кричали, махали вёслами, матерились. Всё бесполезно, утки кружили вокруг лодки, но к берегу не плыли.

– Дайте лодку мне, ни черта вы не умеете! – подгоняемый мыслью о райкоме вспылел Петухов. Залез в подогнанную лодку, попытался работать вёслами, но отсутствие навыка привело к тому, что, подняв фонтан брызг, он ахнулся в воды пруда.

Выбравшись на берег, Иван Иванович начал клцать зубами от холода. Видя это, ветврач Козлевич пошёл к своей машине ветпомощи, налил сто пятьдесят граммов чистого девяностошестиградусного спирта и потихоньку преподнёс Петухову.

– Вот спасибо, Ефим, ты меня от смерти спас, – проглотив спирт, как воду, прошептал продрогший директор.

Прошло ещё полчаса, дело никак не клеилось, утки хаотично кружили по воде, не обращая внимания на действия бегающих по берегу людей.

И вдруг на воду пруда опустилась маленькая дикая уточка, прямо в центр. Была ли это та, о которой мы говорили вначале рассказа, либо другая, не суть важно. Но окружившие её местные утки, вдруг повернулись в её сторону и начали повторять за ней все производимые ей движения.

Подвыпивший Петухов уловил в этих движениях какую-то надвигающуюся угрозу для себя, для птицефабрики, для райкома и обкома партии. Увидев валяющийся на земле топор, которым рабочие рубили дрова, Иван Иванович схватил его и со словами: «Ах, чтоб тебя!», обламывая прибрежный ледок, кинулся с поднятым топором в сторону уточки. Уточка взмыла ввысь и стала кружить над прудом. Местные утки, увидев человека с поднятым топором, видимо, вспомнили всю свою несчастную жизнь и что им пришлось вытерпеть со дня своего появления на свет, прощально крикнули и поднялись в воздух вслед за этой маленькой, но довольно хитрой уточкой.

Вы видели когда-нибудь в небе над собой одновременно пятнадцать тысяч уток? Нет? Я тоже, но это страшное зрелище. Столпившиеся на берегу пруда люди, увидев это, рухнули на землю, некоторые крестились.

А утки, взмыв к облакам, сделали прощальный круг над прудом и скрылись за горизонтом.

15

Всего улетело четыреста пятьдесят центнеров мяса, а это не фунт изюма. Птицефабрика в связи с

этим не выполнила план. Кому-то надо было отвечать. И тут завертелось.

Начали с министерства. За эту затею, принёсшую большие убытки, освободили от занимаемой должности Игната Игнатовича Уткина, отдел «Утки-селезни» расформировали. Но чтобы не нанести моральный ущерб министерству, образовали другой отдел – «Гуси-лебеди», который возглавил Поликарп Поликарпыч Гусев.

Тита Владимировича Дикого, директора треста «Ни пуха, ни пера», вызвал на ковёр первый секретарь обкома Владимир Никитович Вяземский, руки не протянул, присесть не предложил.

– Это как понимать, товарищ Дикий? – сурово насупив брови, прогудел секретарь. – Я что тебе, мальчик, что ли? Ты вздумал со мной в бирюльки играть? Я с тобой по-дружески, выбил тебе оборудование в Германии, а ты меня обманул.

И тогда, придавленный к ковру строгими словами секретаря, Тит Владимирович честно выложил всё: и как зародилась эта идея, и кем она была предложена, и об отношениях с Устиновым, и о том, что он хотел при первой встрече всё рассказать Вяземскому, но подумал, что тогда не получит заграничного оборудования.

– Ладно, – уже мягче сказал Владимир Никитович, – на первый раз я тебе прощаю, получишь выговор без занесения в учётную карточку. Это за то, что ты хорошо сработал с оборудованием из Германии. Я уже слышал, что оно работает на многих птицефабриках треста. Иди, но помни – второго раза не будет. А с этим директором разберись, я скажу, чтобы Устинов в твои дела не вмешивался.

Устинову не было ничего, партия оказалась тут ни при чём.

Ивана Ивановича Петухова от директорства освободили, вспомнили ему и то, что он кричал: «Утки

будут!», и то, как он махал топором, и главное – невыполнение плана по мясу. Из членов бюро его тоже выдворили – а кому нужен такой член, бывший в директорах.

Директором птицефабрики «Голосистый петух» был назначен её бывший главный технолог Алексей Николаевич Бажков. На что первый секретарь Цементно-Шиферного района Пётр Сергеевич Устинов заявил директору треста Дикому:

– Я его на бюро утверждать не буду!

Прошло некоторое время со дня описанных событий. Из Москвы поступила депеша в трест «Ни пуха, ни пера» Энской области: «К вам едет представитель министерства, заведующий отделом «Гуси-лебеди» Поликарп Поликарпович Гусев по вопросу увеличения птицеводческой продукции».

Тит Владимирович позвонил Бажкову:

– Готовься. Привезу московского гостя к тебе.

Алексей Николаевич, как и положено местному руководителю, позвонил в райком партии первому секретарю Устинову и доложил о приезде московского представителя.

Пропущу официальную часть встречи, сразу перейду к поляне, на которой проводится основная часть диспута. Прежде чем туда ехать, Бажков позвал в кабинет шофёра Толика и что-то шепнул ему на ухо.

Была в разгаре осень, природа сияла обилием красок, вызывая в душе умиротворённую печаль. Поляна, естественно, была другая, но диспут – всё тот же: как отчитаться московскому гостю, чтобы сохранить свой отдел.

Пили хороший коньяк. Поначалу пили умеренно, тон задавал секретарь райкома. Вдруг в вышине раздался горловой звук дикого гуся. Все подняли к небу очи и увидели стаю гусей, улетающую на юг.

Секретарь райкома Устинов многозначительно поднял вверх руку с вытянутым пальцем в сторону улетающих гусей:

– Вот вы все здесь собрались, говорите о резервах повышения продукции, сохранении отдела «Гуси-Лебеди» и даже фамилия Поликарпа Поликарповича Гусев, а на столе нет...

– Толик! – щёлкнул пальцами Бажков.

И тут же Толик, вытащив из машины два армейских термоса, открыл их и поставил на расстеленную скатерть.

В термосах красовались отлично приготовленные фаршированные гуси.

«А этот Бажков – малый не дурак, – подумал секретарь Устинов, – дьявол с ним, на следующем бюро утвердим его в должности директора».

И все дружно и бурно продолжили диспут. А уже спустя час-полтора секретарь Цементно-Шиферного района Пётр Сергеевич Устинов, обнимая за плечи нового директора птицефабрики «Голосистый петух» Алексея Николаевича Бажкова, плюнув три раза через плечо, удовлетворённо пробасил:

– А вот и новая кандидатура в члены бюро райкома!

На что директор треста Тит Владимирович Дикий, ревниво метнув взгляд на Бажкова, незаметно для других погрозил ему пальцем.

Вот, дорогой мой читатель, что может наделать маленькая уточка при поддержке большого партийного руководителя.

События 1977–1978 годов

ПРЯМАЯ ЛИНИЯ

Рассказ

Пенсионер Сидор Прокопович Деревянко с загипсованными ногами и перебинтованной головой лежал на ватном жёстком матрасе на железной скрипучей кровати, пятидесятих годов выпуска, в районной больнице и сокрушённо вздыхал:

– Вот тебе и прямая линия, сроду в больнице не лежал, вот на старости лет завалился. Захотелось дураку старому личного врача заполучить, получил!

А всё началось с объявления по телевизору.

Сидор Прокопович копался во дворе, обстругивал какую-то доску на верстаке, вдруг скрипнула входная дверь, и старуха-жена пенсионера Деревянко, высунувшись из неё, громко позвала хозяина:

– Сидор, Сидор! – А так как он замешкался, добавила: – Пень глухой!

– Сама-то ты лучше? – услышав последние слова супруги, пробурчал пенсионер. – Чаво орёшь, приспичило, што ли?

– Приспичило! Иди послухай, по телевизеру говорят, на будущей недели напрямую будут люди говорить с президентом, пряма через икран!

– Не бреши, как ето можна с телевизером разговаривать, ты што, белены объелась, бабка?

Однако, отложив рубанок в сторону, пошёл в избу и уставился в экран телевизора.

– Повторяю ещё раз, – строго посмотрев в глаза пенсионера Деревянко, как будто недовольная тем, что он не слышал с первого раза её слов, сказала представительная дикторша. – Уважаемые жители

России, на будущей неделе, в четверг, состоится прямая линия с президентом. Вы можете заранее подготавливать и отправить по электронной почте любые волнующие вас вопросы.

– Эта што за электронная почта, бабка? Ты не знаешь? – заинтересовался объявлением Сидор Прокопович.

– Да дьявол их знать, етих нонишних начальников, понахватались загранишних слов, видна, таперь так почты называются.

– Как ты думаешь, бабка, письмо до четверга до Москвы дойдёт али нет?

– Если еропланом, дойдёт точно, а табе на кой ето надо?

– Хочу к президенту обратитца, дочка с зятем в городе живут, помнишь, жаловались, бензин дорогой, за квартиру деруть с кажным годом всё больша и больша, уже зарплаты не хватает, за електричество кажный квартал надбавка. Пусть-ка он разбирёца да всыпить кому следует!

И отложив все дела, пенсионер Сидор Прокопович Деревянко сел писать обращение к президенту. Он даже не стал обедать, чтобы ускорить процесс отправки депеши по назначению. Уже смеркалось, когда он наскрёб на тетрадном листе бумаги последние каракули, послунив конверт, запечатал его, но ему показалось этого мало, и он для верности, намывлив заднюю часть конверта хозяйственным мылом, заклеил её куском газетного листа.

«Мало ли чего, – думал он, – не дай бог местное начальство прочитает, греха не оберёшься».

Затем, послунявив карандаш, которым он писал послание, вывел крупными буквами на конверте: «МОСКВА, ПРЕЗИДЕНТУ В КРЕМЛЬ ИЛИ В БЕЛЫЙ ДОМ, точно не знаю, но вы там все грамотные – разберётись». Подумал и добавил: «Отправить

еропланом». Обрадованный тем, что на улице уже темно, он, пригнувшись, как вор, быстро добежал до почты и кинул конверт в почтовый ящик.

До четверга пенсионер Деревянко почти не выходил на улицу, боялся, что не дай бог по его виду кто-нибудь догадается о его пока тайном обращении к высшей власти, а если выходил за калитку, то сначала оглядывался, нет ли кого на улице, а затем, пригнувшись, быстро добегал до намеченной цели.

И вот, наконец, наступил долгожданный четверг. Пенсионер Сидор Прокопович с утра побрился, помылся в бане, одел чистую старинную, вышитую крестом ещё бабкой, рубаху. В назначенный час закрыл входную дверь на засов, чтобы никто не помешал процессу общения с президентом и, усадив рядом жену Екатерину Матвевну, сел на обшитый дерматином диван, являющийся единственной роскошью в избе.

– Ох, мать твою! – воскликнул он, когда дикторша объявила о том, что обращений пришло миллионы. – Эта когда же он на всё ответит? И знает ли он столько?!

Но президент оказался тоже не лыком шит, как говорит, он так и заявил:

– А что это я один буду за всё отвечать? Ну-ка пригласите сюда всех министров во главе с их председателем. Пусть-ка они тоже рогом пошевелят да посмотрят в глаза народу, хотя бы через телевизор.

Против президента не попрёшь, быстро все приближённые заполнили аудиторию, без всяких возражений заняли свои места. И это очень понравилось пенсионеру Деревянко.

– Ишь, бабка, как он их дёржит на коротком поводку, не то што наш местный галава. Орёт-орёт, а всё толку нет.

И вот начались прямые ответы на прямо поставленные народом вопросы.

Первый, как всегда, был международный вопрос.

– Сколько времени мы ещё будем помогать гуманитарной помощью различным странам ближнего и дальнего зарубежья? – намекая на то, что сами-то мы не шибко богаты, спросил один интеллигент из Москвы.

На что президент ответил, что мы не можем бросить в беде дружественные нам страны. В сложный момент для нашей страны они тоже не обойдут нас своим вниманием и кинут когда-нибудь лишний кусок со своего стола. К тому же нас окружают недружественные особи из НАТО, озлобленные, как собаки, и, чтобы они не рвали в злобной ярости свои цепи, им нужно иногда бросать жирные куски мяса.

С этим ответом пенсионер Деревянко был совершенно согласен. Он вспомнил девяностые годы, когда его страна Россия, богатейшая и огромная, под управлением нового правительства дошла до нищеты потому, что злобные особи из НАТО, объединившись с новыми российскими демократами, дорвались до обеденного стола и мясо наше жрали, уже не кусками, а заграбастали всё без остатка. И ещё он вспомнил, как, видя такое тяжёлое положение в России, стали присылать гуманитарную помощь другие страны и даже так ненавистного нам блока НАТО. Сидор Прокопович сам ходил в местную администрацию и получал эту самую гуманитарную помощь. Он вспомнил, как ему выдали большую бутылку рафинированного масла, у нас в такие бутылки масло ещё не разливали. И используя это масло по назначению, он поставил опустошённую бутылку на видном месте, чтобы все, кто приходил к нему в дом, завидовали его связям с заграницей. И ещё ему в администрации выдали красиво упакованный свёрток со шмотками, за целлофановый мешок была зацеплена этикетка, на которой русскими буквами было нацарапано: «ит из ДЖАПАН», что, как потом сказал зять, означало: «Это из Японии». Сидор Прокопович долго не открывал пакет, дожидался ви-

зита зятя, хотел подарить ему, в то время в городе жилось ещё хуже, чем в деревне. Зять приехал, расшифровал надпись на пакете, обрадовался подарку, но когда пакет развернули, он от него отказался. В пакете оказался рабочий костюм, видимо, самурая, так как половины одной штанины и рукава отсутствовали. Наверное, самурай, защищая свою честь, долго бился на японских мечах с врагами и потерял эти части одежды вместе с находящимися в них частями тела. Но так как кровь на шмотках всё-таки отсутствовала, Деревянко отрезал остальные лишние штанины и рукава, получился отличный летний костюм для полевых работ, который до сих пор висел у них дома в старом шкафу.

Такие вот мысли промелькнули в голове Сидора Прокоповича, пока первый вопрос подробно разбирали подключившиеся члены правительства.

Второй вопрос задал патлатый сухопарый молодой человек в больших очках с толстыми стёклами, откуда он родом, не сказал, видимо, определённого местожительства не имел:

– А скажите мне, пожалуйста, как вы относитесь к криптовалюте и когда можно будет свободно заниматься её накоплением на виртуальных счетах?

– Бабка, чё он сказал? Какая крихтовалюта? – озадаченно вопрошал пенсионер Деревянко.

Екатерина Матвевна ничего не промолвила, только, тупо глядя в телевизор, пожала плечами.

А президент на поставленный вопрос предложил ответить председателю Центробанка.

– Да, это валюта будущего, – загадочно закатив глаза, начал пояснять тот, – но некоторые владельцы финансовых компьютерных программ уже сейчас начали многократно увеличивать свои виртуальные счета, иные – даже в миллионы раз.

– Бабка, сколько у нас в наличии денег? – не справившись с охватившей его алчностью, спросил дед.

– Тебе зачем? – удивлённо спросила та.

«Давай обменяем на эту самую крихтовалюту», – хотел ответить дед, но вспомнив, что представитель Центробанка говорил о каком-то компьютере и о каких-то программах, только махнул рукой.

А отвечающий на вопрос председатель добавил:

– Прошу учесть, господа, что эти все операции с криптовалютой очень рискованные, можно в один час несказанно круто разбогатеть, а затем, в этот же час, оказаться нищим.

«Слава богу, – подумал пенсионер Деревянко, – што я не успел обменять «деревянные» рубли на эту самую крихтовалюту!»

На экран телевизора вылезла бойкая средних лет бабёнка и, расталкивая окруживших её корреспондентов, заверещала:

– Я с Дальнего Востока. Приехала сюда получить обещанный по правительственной программе гектар земли, а мне дали только девяносто пять соток! Это что за безобразие?!

– И правда, безобразие! – рассердился президент. – Ну-ка выведите мне на экран губернатора этого края... Вам ничего нельзя поручить, любое дело загубите, – продолжал возмущаться президент, после того как на экране появился губернатор с виновато опущенной головой. – В общем так, уважаемый губернатор, если завтра не вернёшь пять соток земли, у тебя на усадьбе заставлю данной гражданке построить дом.

«Вот дура, – подумал пенсионер Деревянко, – из-за каких-то пяти соток вылезла на экран. Никаких соображений нет. Вот я прошлый год незаконно для своей пасеки урвал два гектара земли на административных лугах, без спроса, местный глава начал орать, пугать меня прокуратурой. Я отвёз ему флягу мёда – и всё уладилось. Он мне ещё полгектара выделил и выписал документы на владение этой землёй.

Она-то дура, а губернатор ещё дурней, – продолжал думать Сидор Прокопович, – што, ему на Дальнем Востоке земли мало? Я когда-то жил там, так вот эта земля сотнями гектар расстилается до самого горизонта, никому не нужна, а тут пять соток, из-за них теперь попал на крючок, дурная башка».

– Слухай, бабка, штой-то на моё письмо никто не отвечать? Неуж не дошло, наверна, эроплан сломался, – сокрушался пенсионер Деревянко.

Но в это самое время на экране опять появилась большая группа репортёров, и, видимо, так было задумано, один из них обратился к столпившемуся народу:

– Скажите, уважаемые господа, какой же на сегодня вас волнует вопрос больше всего?

Господа, расталкивая друг друга, кинулись к микрофонам и, перебивая друг друга, завопили.

– Когда же, в конце концов, нас перестанут грабить?! Нефти добываем больше всех, а бензин с каждым днём дорожает на рубль, а то и два! – кричали сразу несколько человек в одни микрофоны.

– Когда же перестанут повышаться цены на коммунальные услуги? – орали со всех сторон в другие микрофоны. – Живём как Бобики в конуре, а дерут, как за царские дворцы!

– Вот, бабка, письмо-то моё дошло. Не могу только понять, как енти люди смогли его прочитать?

А на экране появился председатель правительства, дед не заметил, как это произошло, но наверняка ему, председателю, было поручено отвечать на данные вопросы.

– Уважаемые друзья! – Пенсионеру Деревянко очень понравилось обращение, он терпеть не мог, когда людей обзывали господами. – Я, как председатель правительства, беру на себя ответственность за допущенную ошибку. Да, стоимость бензина за последнюю декаду возросла в среднем по стране с три-

дцати пяти рублей до сорока пяти, – председатель вытащил из портфеля калькулятор и начал быстро водить пальцами по нему. – Акцизы... баррель... доставка... Сорок пять пишем, рубль на ум пошло... – бормотал он, – ничего страшного, всего подорожал на три процента, сейчас мы это остановим. Обещаю!

– На какие три?! – вырвался из толпы одинокий возглас.

– Сказал, на три, значит, на три – и баста, – парировал председатель, – а по жилищно-коммунальному хозяйству я слово предоставляю своему заместителю по данным вопросам.

– А я что могу? Бензин дорожает, электричество тоже, заработная плата у коммунальщиков растёт – отсюда и таков результат.

– А почему электричество дорожает? – обратился председатель к министру энергетики.

– Так бензин подорожал, – ответил тот.

– А почему бензин подорожал?

– Так на электричество цены выросли.

– Слушайте, какой-то замкнутый круг! – возмутился президент. – Вы идите отсюда, разберитесь сначала сами, а потом мне доложите.

– Ну вот, бабка, што я и говорил, счас он закончит с нами говорить и всыпит етим министрам как следоват, – обрадовался пенсионер Деревянко.

А на экране появилась болезненного вида женщина, держась за грудную клетку в том месте, где предположительно находилось сердце, она слабым голосом жалобно залепетала:

– Больницы в селе нет, люди болеют, до районной больницы далеко, скорой помощи не дождёшься. Что делать? Хоть ложись и помирай.

– Где у нас министр здравоохранения? – спросил президент и, заметив её в дальнем углу, предложил: – Отвечайте на поставленный вопрос.

Вот тут-то пенсионеру Деревянко лучше бы отойти куда-нибудь от телевизора, например, попить чайку либо в туалет, чтобы не слышать ответа медицинского министра, но этого не случилось, он, наоборот, развесив уши, уставился в экран.

А министр здравоохранения, оседлав любимого конька, подробно начала излагать тезисы достижений отечественной медицины, её дальнейшее развитие, научные разработки в сфере сердечно-сосудистой хирургии и борьбы со злокачественными опухолями.

– Вы не волнуйтесь, – продолжала она, – на те деньги, которые выделены в этом году из бюджета, мы скоро дойдём до каждой деревни и даже хутора. А что касается городских и районных клиник, мы уже начали разрабатывать новую программу – «Каждой семье – свой доктор». Да-да, товарищи, вами будут заниматься не какие попало доктора, а те, которые вам понравятся, и вы и ваша семья будете пользоваться их услугами. И ещё не забывайте каждые полгода проходить обследования в клиниках, расположенных вблизи от вашего дома. Мы сейчас за этим следим строго. Всё это должно проводиться бесплатно.

– Ах, мать твою... – восхищённо воскликнул пенсионер Деревянко (эти три слова в его лексиконе обозначали и радость, и возмущение, и восторг). Он, может быть, и не поверил бы этой медичке, но её обращение к народу: «Товарищи» окончательно убедило в правоте сказанного. Он принял это как призыв из прошлого, социалистического: «Товарищи, верьте мне!».

Больше пенсионер Деревянко слушать ничего не стал, выключил телевизор и возбуждённо заходил из угла в угол, благо ходить далеко не пришлось – избя размерами была три на четыре метра.

– Всё, бабка, завтра пойдём в рыйон, в полуклинику, – кидал на ходу пенсионер Деревянко, – мы никогда не были в больнице. Пора к дохтурам, пущай они нас

оглядять. Я знать хочу, долго ли мне престоит дальша жить. Тем более бесплатно. А там заведём себе домашнева дохтура и будим жить препиваюче: только болезнь в дом, а домашний дохтур – тюк её по башке, и всё в норме.

– Я никуда не пойду, – категорически заявила Екатерина Матвевна.

– Ну ты как хошь, я от таких благостей не откажусь, завтра прямо в шесть часов утра подамся в рыйон.

Рано утром пенсионер Деревянко положил в котомку краюху хлеба и два огурца, прощально кинув взор на старуху, двинулся в сторону районного центра, где располагалась поликлиника, обслуживающая посёлок и район в пятьдесят тысяч человек.

До перекрёстка, у которого останавливался автобус, три километра пути. Сидор Прокопович это расстояние преодолел примерно за час. Езда на автобусе, тридцать километров, отняла ещё один час. Поиски поликлиники – ещё полтора. В общем, к месту назначения пенсионер Деревянко прибыл в половине десятого, когда основная масса талонов на приём к врачам была уже разобрана. К тому же, как вы помните, он никогда ранее не обращался в больницу и всей процедуры попадания к нужному доктору не знал. Зайдя в лечебное учреждение и увидев огромную массу народа, толпившуюся у дверей кабинетов, пенсионер Деревянко растерялся и хотел уже было дать тягу домой, но в это время проходящая мимо санитарочка, заметив оторопевшего старика, участливо спросила:

– Вам к какому врачу, дедушка?

– К своему, касатка моя, – успокаиваясь, ответил старик.

– К какому своему?

– Да я и сам не знаю пока.

– А ты читать умеешь, дедушка?

– Да, малость соображаю.

– Ну тогда вон, видишь, белая доска висит. Это расписание работы врачей. Подойди почитай, может, и вспомнишь, к кому тебе нужно, а мне некогда, надо работать.

Пенсионер Деревянко подошёл к расписанию и, уставившись на доску, вспомнил, что забыл очки дома. Но буквы были выведены крупным шрифтом, и он, присмотревшись, стал читать по слогам. «Ухогорлонос... Ухогорлонос – это фамилия, што ли, таковская? – задумался старик. – Ухагорлонос... Нет, к нему я не пойду, уж сильно заковыристое штой-то... Сто-ма-то-лог.. А этот, наверное, сильно матерится, «сто мат» – понятно, что жа обозначает «лог»? – размышлял пенсионер Деревянко. – Нет, этот тожа не нужен, какой жа он домашний дохтур, если лаётся, как кобель... Хи-рург, – читал Сидор Прокопович ниже расположенную строку, – хи-хи-рург, наверное, весёлый человек. Пойду к нему. Каб. № 10. Каб, каб? Кабинет!» – догадался Сидор.

– Мил человек, скажи, где десятый кабинет? – обратился он к проходящему мимо мужчине в белом халате.

– Да вот, через две двери, – ответил тот.

Пенсионер Деревянко устремил взор на указанную дверь, у которой толпились болящие кто с костылями, кто с гипсом, а некоторые с пробитыми головами, плотно перевязанными бинтом и обильно политые йодом.

«Видно, хороший дохтур, вишь, к нему сколько народу, и все – инвалиды. Наверное, тяжко ему приходится, не успевает на дому их осматривать, сюда всех пригласил. Зачем он стал сразу стольким болящим своим?» – перекатывалось в голове пенсионера Деревянко.

Подошёл ближе, прислушался. За дверью раздались стоны, затем вопли, и, наконец, кто-то, взыв от боли, выдал такой мат, что стоявшая у двери болящая

схватившись за перевязанную голову, медленно опустилась на колени.

«Сам он, етот хирург, ломает им ноги и пробивает головы, што ли? – подумал Сидор и, с опаской поглядывая на хирургическую дверь, отошёл подальше. – Нет, етот дохтур нам с Екатериной Матвевной не подходит».

– Ну что, дедушка, нашёл ты нужного врача или нет? – подбежала к нему знакомая санитарка.

– Да нет ешо, деточка.

– Ты, дедушка, наверное, сам не знаешь, что у тебя болит?

– Не знаю, мне бы найти своего врача, – под словом «своего» скрывалось слово «семейного», но Сидору Прокоповичу это слово нравилось больше.

– Тогда тебе нужно попасть к терапевту, а уж он определит, куда тебя направить дальше. У нас здесь все, кто не знает, что у него болит, идут к терапевту.

– Спасибо тебе, деточка. А где етот тарапедфт сидить?

– Дойдёшь до конца коридора – увидишь.

Но до конца коридора пенсионеру Деревянко дойти не удалось. Метров за десять от этого конца всё пространство коридора было забито людьми, скорее всего, больными, а может, и нет, может, теми, кто вчера прослушал прямую линию с Москвой.

– Ет хтой-т такие? – спросил пенсионер последней в этой толчье.

– Больные, все к терапевту. А ты тоже, дед?

– Да, – ответил Сидор и затем снова спросил: – Видима, хороший дохтур, раз к нему столько желающих быть своими? – гнул он министерскую линию.

– Какими, к дьяволу, своими? – ничего не понял последний в толчье. – К этому «своему» нужно записываться за неделю, и то хрен попадёшь. А ты, старик, талон-то на очередь взял?

– Какой талон? Где его беруть?

– Где-где, в Караганде, – хмыкнул тот, – иди в регистратуру, там тебе выпишут талон и растолкуют, что к чему. Вот там, как заходишь в поликлинику, – стойка застеклённая, это и есть регистратура.

Пенсионер Деревянко, понутив голову, двинулся в указанном направлении, и в эту голову его начали пробиваться сомнения в возможности приобретения домашнего доктора. Но он ещё пока не терял веры в произнесённые министром здравоохранения слова и особенно в слово «товарищи».

Подойдя к регистратуре, Сидор Прокопович уставился в вырезанное окошечко в стекле, за которым никого не было.

Постояв минут пятнадцать, он насмелился и позвал:

– Эй, есть тама хто-нибудь?!

«Хто-нибудь» появилась в образе довольно толстой, но удивительно доброй и смешливой женщины.

– Что, дедушка, приспичило? – расплылась она в улыбке. – Все талоны кончились, поздно пришёл. Тебе к кому нужно?

– Да мне надо найти своего дохтура.

– А ты что, не знаешь, какого тебе надо, что ли? – ещё шире расплылась в улыбке регистраторша.

– Да мне всё одно. Лишь ба он для нас со старухой стал своим.

– Дед, ну раз тебе всё равно, вот есть талоны к проктологу, – прыснув в кулак, сверкнула она лукавым взглядом.

«Практолог, – задумался пенсионер Деревянко, – наверное, умный, раз так называется, значить, большая прахтика».

– Ну что, пойдёшь? – не сдержавшись, захохотала регистраторша.

– Пойду! – решил старик.

«Видно, хорошо они здесь живут, ишь, какая весёлая», – подумал он и направился в указанном регистраторшей направлении.

На двери указанного кабинета висела табличка, написанная крупными чёрными буквами: «ПРОКТОЛОГ», у двери никого не было.

«Ну слава богу, хоть один незанятой, будет нам с бабкой домашний дохтур», – подумал пенсионер Деревянко и открыл дверь в кабинет.

Глаза сразу выхватили необычное кресло, стоящее у противоположной от окна стены, похоже оно было на предмет для пыток. Рядом стояла кушетка, накрытая белой простынёй. У противоположной от входной двери стены стоял стол. За столом сидел огромный детина армянской национальности, в белом халате.

– Доброго вам дня, – робко поздоровался Сидор Прокопович.

– Пыривет, старина, – ответил детина, – садыс на кушетка.

– Да я постою, – с сомнением глядя на армянина, ответил Сидор.

«Да, вот это дохтур, домашний, придёт в дом – конец нам с бабкой», – подумал он.

– Пачэму постаю! Што, припекло – сидеть нэ можэшь? – сочувственно, но с напором сказал доктор. – Што тэбя беспокоит?

– Да я ишу своего дохтура, – смущённо ответил старик.

– Вах, иесли у тэбя гэморой, я буду тэбе своим дохтором, ганецвале.

«Какой ещё гэморой, пчелиный рой я знаю, а што ето ешо за гэморой?» – всё больше напрягаясь, подумал пенсионер Деревянко.

– Снэмай шатаны, знакомитца будэм.

– Дык зачем снимать штаны, давай знакомица так.

– Э, дарагой, я нэ настолько зоркий, чтобы видеть скывозь твои шатаны.

«Видимо, так нужно для первого осмотра», – подумал Сидор Прокопович и, расстегнув ремень, спустил штаны.

– Лезь в кирэсло, – приказал доктор.

– А што, по другому никак нельзя? – взмолился старик.

– Почэму? Можна! Залэзай на кушетка, становись на чэтвереньки.

И тут пенсионеру Деревянко вспомнилась одна история, рассказанная по телевизору про нетрадиционную однополую любовь. Когда он спросил про это у зятя, тот долго плевался и столько же долго матерился, называя этих людей подонками и ещё каким-то очень нехорошим словом.

«Ну уж нет, с меня хватит домашних прахтологов», – перебирая в уме рассказанное зятем, подумал Сидор Прокопович и, наконец, вспомнил, каким словом называл тех людей зять, напрягся, как заяц для прыжка.

Он приподнял штаны, делая вид, что хочет забраться на кушетку, и вдруг ломанулся к двери. Не помня себя от радости спасения, пролетел по коридору, расталкивая болящих и придерживая штаны и ремень рукою. И всё бы кончилось совсем благополучно, но уже на крыльце из ослабевшей руки выскользнули ремень и штаны. Пенсионер Деревянко, запутавшись в них, грохнулся с крыльца...

Хотел пройти полное обследование бесплатно. Две ноги переломаны и голова пробита. Зато познакомился с хирургом.

Хирург оказался очень хорошим человеком, так же как и проктолог Аванисян. После того как Сидор Прокопович поведал своим приятелям по палате всё то, что с ним произошло, кто-то рассказал эту историю Аванисяну. И теперь, проходя мимо палаты пенсионера Деревянко, Аванисян заглядывал в неё и приветствовал старика:

– Эй, свой чэловек, пэривят!

Сидора Прокоповича навестила Екатерина Матвевна и принесла злополучный конверт, который

вернули с почты. Сидор Прокопович забыл наклеить на него марку.

Приходил и зять, который поведал, что председатель правительства сдержал слово: цены на бензин были заморожены и даже снижены на пять копеек, но зато на электричество повысились на десять. А коммунальные услуги подорожали на двенадцать процентов.

«Видимо, забыл президент всыпать этим министрам и их заместителям как следует», – горевал пенсионер Деревянко и, попросив у хирурга конверт, начал писать новое обращение в Москву, в Кремль или в Белый дом, куда точно, он не знал, но они там грамотные – разберутся...

Жаль старика, про марку-то он опять забыл.

2018 год. События недавние

КАТАЛКА

Медицинский рассказ непрофессионала

1

Мария Прокопьевна, медицинская сестра хирургического отделения Третьей городской больницы города Н, размахивая руками, громко мужским прокурренным голосом возмущалась, сидя на обшарпанном кресле дежурного поста:

– Припёрли опять какого-то московского депутата, места в Москве не нашлось, – старая фронтовичка, устроившись сразу после окончания войны в эту больницу и не имея родственников, она практически в ней жила. – Камни, видите ли, у него из почек посыпались. Болтал, наверное, много, вот они от сотрясения-то и ринулись вниз.

Мария Прокопьевна была хоть и беспартийная, но старой коммунистической закалки. Не любила разных «блатных», за которыми нужен особый уход. Не доверяла новшествам, особенно появившимся одноразовым шприцам.

– Дьявол их знает, чего они туда наложили, прежде чем упаковать эти шприцы, – басила она своим мужским голосом и по старинке пользовалась многообразными, поэтому в её дежурство на посту постоянно кипел стерилизатор с этими старыми, но, как она считала, надёжными инструментами. Быть может, она бы приняла это новшество, если бы одноразовые шприцы были для всех, а не только для «блатных» и богатых, способных их купить за собственный счёт.

При всех её недостатках к своим обязанностям Мария Прокопьевна относилась ответственно. Так, как

она ухаживала за больными в послеоперационный период, ухаживать никто из сестринского персонала не мог. Она просто становилась родной матерью каждого. Была строга, и, учитывая её большой рост и умение выражаться соответственно поведению страждущих, никто больничный режим в её смену нарушать не смел. Кроме того, Мария Прокопьевна готова была в любой момент подменить коллегу в ночь либо в день, не имело значения.

Народный депутат Николай Васильевич Головин был не виновен в том, что с ним произошёл такой казус. Он объезжал на машине свой округ, на котором работал честно, постоянно встречался с избирателями, доверившими ему столь высокий пост, и по мере своих сил всячески им помогал. И вот на одной из просёлочных дорог у него случился приступ, как позже в больнице выяснилось, почечной колики. Поэтому ему было не до московской клиники, да он там никогда и не лечился.

В Третьей больнице переполошились, а как же – народный депутат Советского Союза, это тебе не хрен на грядке. И пока его возили на рентгеновский снимок, из палаты, где должны были лежать шесть человек, вывели пятерых в коридор под возмущённые вопли Марии Прокопьевны.

– Это что же творится? Чем же эти люди хуже какого-то московского депутата? Сейчас всё брошу, пойду жаловаться главному врачу, – она, бедная, не догадывалась, что такое распоряжение как раз от него и поступило.

Но когда депутата Головина завезли в эту пустую палату, он возмутился не меньше Марии.

– Эй, сестричка! – громко позвал он, так как доставившие его врачи, видимо, ушли советоваться, что же дальше делать.

– Чего тебе? – грубо спросила появившаяся на пороге медсестра. – Горшок подать?

– Нет, мамаша, горшка не надо, богато вы живёте – шестиместная палата на одного человека.

– Так это всё из-за тебя. Их вон вышвырнули в коридор, пусть сдыхают, лишь бы тебе хорошо было.

– Ты, сестричка, не шуми, я тут ни при чём, позови-ка мне заведующего отделением.

Появившийся заведующий, взволнованно вытирая пот со лба, пролепетал:

– Что-нибудь не так? Скажите, мы сейчас поправим.

– Что ж ты меня, заведующий, на посмешище выставил? Где остальные пациенты? Какой же я, к дьяволу, депутат, если даже в больнице вы меня от народа отделили? И что же потом скажет этот народ дома, когда выпишется из вашей больницы? Но с таким отношением некоторые и вообще могут домой не попасть.

Больных быстро вернули на место, к великой радости Марии Прокопьевны, но доверия депутат пока ещё от неё не получил.

– Видимо, рисуется, – ворчала она себе под нос, – авторитет зарабатывает.

А депутату Головину было не до этого. У кого хоть раз случалась почечная колика, знает, что это такое. Кажется, что вонзённый в почку гвоздь сам по себе поворачивается и при этом собирает все почечные ткани в кучу.

Мария Прокопьевна вытащила из стерилизатора многоцветный шприц, выбрала самую толстую иглу, которая там лежала, набрала баралгин и, протерев спиртовой ваткой место ниже поясницы, с удовольствием загнала эту иглу.

«Пусть почувствует, каково здесь у нас, в местных больницах», – злорадно подумала она, приписывая по-прежнему депутату московскую принадлежность.

Но Николай Васильевич боли не почувствовал, скорее, та боль, которая исходила из почки, перекрывала боль от шприца.

Ночью ему становилось всё хуже, и медсестра (уже сочувственно) через определённое время ставила ему обезболивающие препараты, выбирая иглы потоньше.

Утром в палату пришли сразу несколько врачей во главе с заведующим хирургическим отделением.

– Ну что, Николай Васильевич, мы пришли к такому выводу, что нужно делать операцию. Возникла непроходимость мочи, что через несколько часов может губительно воздействовать на сохранение почки. Если вы нам доверяете, сегодня вам сделают операцию, врачи у нас опытные, вот товарищ Виктор Сергеевич Петушков, много лет практикует, такие заболевания, можно сказать, щёлкает, как орешки.

– Вам виднее, нужно – делайте. Я согласен, – обречённо произнёс Головин.

«Приятного мало, ну да куда деваться, без почки жить тоже не мёд, тем более врач Петушков – почти свой человек», – подумал он. Николай Васильевич, кроме депутатских обязанностей, был ещё директором птицефабрики.

2

Буквально через какие-то пятнадцать минут все засуетились, в палату вошла Мария Прокопьевна.

– Ну что, депутат, раздевайся. А я пока пойду за каталкой, поедем со скальпелем знакомиться, – пошутила она.

– Как раздеваться-то? – опешил Головин.

– Ты что, от боли совсем одурел? Как-как, снимай трусы и майку, да поскорей, – дав распоряжение, скрылась за дверью, видимо, пошла за каталкой.

Через несколько минут послышался шум приближающегося агрегата, по больничному полу зашумели-загудели колёсики. Но что-то в этих звуках было необычное, какой-то происходил сбой – сначала ровное «дж-ж-ж-и...», затем вдруг резкое «тук-тук...» и сно-

ва «дж-ж-ж-и...». Вот вместе с этими звуками в палату закатилась каталка, накрытая белой простынёй, в сопровождении медсестры Марии Прокопьевны.

– Ну что, болящий, залазь на каталку, поедем.

– А может быть, я сам дойду? – стыдливо прикрывая тело ниже живота, попросил Головин.

– Не дури, депутат, ложись. Ишь застеснялся, значит, ещё не совсем припекло.

Николай Васильевич улёгся на каталку, накрылся простынёй.

– Ну, с богом! – глядя в угол палаты, проговорила медсестра, как будто с кем-то договаривалась о благополучном исходе задуманного дела.

И каталка сначала плавно выкатилась из двери палаты: «Дж-ж-ж-и...», но вдруг дёрнулась: «Тук-тук...», больного мотануло слегка в сторону и затем снова наступил плавный полёт: «Дж-ж-ж-и...», через несколько секунд опять: «Тук-тук...».

– Ах, такую-то мать! – загудела Мария Прокопьевна, толкая перед собой эту злополучную каталку. – Когда же её отремонтируют или купят новую? Положить бы на неё главного врача вместе с заведующим отделением, разогнать да спустить с пятого этажа! – буйствовала она, не обращая внимания на то, что этот заведующий отделением, понуриив голову, плёлся сзади данной процессии.

Сопровождаемая возмущённым гудением медсестры процессия, наконец достигла двери операционной. Головина переложили на другую каталку, и уже другие медсестры, подкатив её к операционному столу, переложили депутата Головина на этот стол. Что было дальше, Николай Васильевич, обколотый различными препаратами, помнил смутно. Единственное, что запомнилось надолго – это то, что в операционной было холодно и хотелось залезть под одеяло, желательно стежённое. Затем к его руке протяну-

лась трубка капельницы, и через минуту он провалился в кромешную темноту...

– Николай Васильевич, пора открывать глаза, – сквозь толщу отходившего сна над самым ухом слышался сначала далёкий, но с каждой секундой приближающийся звук женского голоса.

Головин с трудом открыл тяжёлые веки, попытался поднять голову, ничего не получилось. В медленно проясняющемся сознании схваченная краем глаза возникла картина: он лежал на боку, накрытый простынёй, сверху с потолка на него смотрела бестеневая операционная лампа, вокруг суетились люди в белых халатах. В боку, который находился сверху, чувствовалась пока ещё далёкая тупая боль. Пошевелив еле-еле рукой, Головин обнаружил на этом боку резиновую трубку. Подошедшие медсёстры перевернули его на спину и переложили на каталку.

– Куда его? – послышался чужой женский голос.

– В реанимацию, – ответил голос хирурга Петушкова.

Каталка выкатилась из операционной и ровно поплыла в сторону грузового лифта.

– А где же Мария Прокопьевна? – слегка встревожился Головин, ожидавший услышать жужжание и постукивание коляски своего отделения.

«Почему реанимация?» – медленно возник в одурманенной наркозом голове вопрос. Находясь в палате перед операцией, он слышал от больных с большим опытом то, что в реанимацию увозят тяжело перенёсших операцию, а он чувствовал себя не так уж и плохо.

«Что-то тут не так», – подумал Головин, но спросить не мог, так как был ещё довольно слаб да и не хотел показать своё волнение по этому поводу.

Зашумели открывающиеся двери лифта, каталка закатилась, и лифт медленно двинулся вниз.

В реанимации, начинённой различными приборами, его продержали сутки, подключая постоянно

к капельницам с различными растворами и подкальывающая одноразовыми шприцами. После чего вывезли в одноместную палату, но не своего отделения, а ортопедического, мотивируя это тем, что процедурная сестра данного отделения – самая опытная и лучшая в этой больнице. На третий день Головину разрешили встать. Поднявшись на ноги, он обнаружил резиновую трубку, торчавшую из под бинта, закрывающего шов на его боку. Трубка была опущена другим концом в баночку, подвешенную к кровати, и из неё постоянно струилась жидкость.

– Вы теперь эту баночку при ходьбе должны носить всегда с собой, – сказала самая умная медсестра ортопедического отделения.

– И что же, я теперь всю жизнь буду ходить с этой баночкой? – испуганно спросил депутат.

– Я не знаю, спросите у доктора, – виновато потупившись, ответила она.

Врачи не заставили себя долго ждать, их появилось вдруг столько, что они не смогли все разместиться в одноместной палате, и часть из них остались стоять в коридоре.

– Виктор Сергеевич, что со мной? Почему я должен теперь постоянно ходить с этой баночкой? – возмущённо спросил Головин.

– Кто вам это сказал, Николай Васильевич? – как-то слегка пришибленно спросил Петушков.

– Вот, ваша лучшая в больнице медсестра.

– Да нет, ничего страшного не произошло, она просто не разбирается в вопросах урологии, – неуверенно залопотал он, – недельку-другую – и всё будет нормально.

– Если она не разбирается в этих вопросах, на кой дьявол вы меня сюда завезли? Вы уж давайте начистоту выкладывайте, почему это я должен с этой трубкой болтаться у вас две недели.

– Успокойтесь, молодой человек. Мы разберёмся во всём и всё, что нужно, сделаем, – выдвинулся вперёд старичок еврейской принадлежности.

– Да уж, попрошу поскорее это сделать! – угрожающе произнёс Головин. – Я смотрю, вы и сами толком не знаете, что дальше делать.

Выйдя в коридор, врачи, став в тесный кружок, начали наперебой обсуждать сложившуюся обстановку. Говорили, перебивая друг друга, быстро разбрасывая латинские медицинские термины, и лишь старичок еврейской наружности произнёс вроде понятную фразу:

– Да, уважаемый Виктор Сергеевич, ваша ошибка, что я могу сказать. Вы допустили редкий шов либо пропустили стежок – вот вам результат: образовался свищ.

– Да, я очень волновался, не каждый день делаешь операцию народному депутату СССР.

– Вам что, в институте не говорили, что хирургу при операции волноваться нельзя. Вы что, барышня кисейная? – наседали старичок еврейской наружности. – Вам это может дорого обойтись, пойду сейчас звонить в облисполком. Вы даже это не удосужились сделать, сразу нужно было доложить, что к вам поступил депутат Верховного Совета.

Весь этот разговор слышал Головин, но вмешиваться не стал, так как понял, что дело нешуточное и он не скоро вернётся к исполнению своих обязанностей. И ещё он понял, что старичок этот – опытный профессор – уролог, то есть врач, который чужие почки знает лучше своих, а хирург Петушков, который эти болезни «щёлкает, как орешки», на сей раз промахнулся.

3

После обеда приехал председатель облисполкома Иноземцев, пришёл в палату, пожурил болящего за то, что он сам не позвонил в исполком, намекнул на то, что надо было ехать в Москву, видимо, обеспоко-

енный, что о врачах его области теперь пойдёт дурная слава.

– Какая Москва? Меня сюда скорая помощь доставила, – нехотя отмёл позицию председателя Николай Васильевич.

В такой обстановке не очень-то хочется говорить о серьёзных делах, тем более о пустяках. Председатель виновато потоптался у кровати болящего и настроился уходить.

– Ты у меня головой ответишь за происходящее! – изрёк на прощание Иноземцев, обращаясь к главному врачу больницы, который всё это время переминался с ноги на ногу у порога палаты.

Сразу после ухода высокого начальства, забегали врачи, выписывая различные назначения, замелькали медсёстры со шприцами. Головин не успевал поворачиваться, принимая различные уколы, и уже через десять дней на мускулах, находящихся ниже спины, не осталось живого места. Но толку никакого не было, баночка, которая теперь сопровождала болящего, не просыхала, так как из трубки в неё продолжала поступать жидкость.

Николай Васильевич уже совсем было отчаялся, ему хотелось пообщаться с кем-нибудь, но палата была одноместная, да и со своими почками он среди больных с костылями и гипсом выглядел белой вороной.

«Когда же будет принято хотя бы какое-то решение? – обречённо думал он. – Спрятали меня здесь, чтобы скрыть свой грешок».

Но вдруг на десятый день, лёжа на койке в полудрёме, Головин услышал знакомые звуки: «Дж-ж-ж-и...» и через несколько секунд: «Тук-тук». Он торопливо сел на кровать, в спешке чуть не разбил баночку. Сердце радостно забило, эти звуки разнеслись в голове, как хорошая желанная музыка. И снова: «Дж-ж-ж-и... тук-тук». Дверь палаты открылась, на пороге стояла мед-

сестра урологического отделения Мария Прокопьевна, держась руками за ручки знакомой каталки.

– Ну, депутат, удивил ты меня, я-то думала, ты концы отдал в операционной. Ждала-ждала, когда позвонят забирать тебя, не дождалась, так и думала – угробили. А сегодня заместитель главного врача по хирургии посылает меня, иди, мол, Прокопьевна, заведи из ортопедии депутата да вези его снова в операционную. Теперь она тобой будет заниматься, Антонина Тихоновна, она тоже почечный хирург. Давай, депутат, раздевайся, ложись на каталку.

– Ну что вы, Мария Прокопьевна, только встретились, сразу раздевайся, – пошутил обрадованный появлением нужного человека Головин. – Можно, я пойду пешком? Везти-то далеко, а я тяжёлый.

– Ложись, не канючь, не таких быков возила, не положено пешком.

И вот уже снова под лежащим на каталке депутатом заиграла знакомая музыка, но теперь эти звуки и периодическое подёргивание вселяли надежду на благополучный исход лечебного процесса, и на душе Головина расплылось удовлетворение.

Подкатили к двери, на которой висела табличка: «Процедурная».

– Всё-таки не операционная, – облегчённо вздохнул Головин.

Перевалили порог, и взору болящего предстало внутреннее содержание этого кабинета: у противоположной стены стояли металлические белые шкафы, сквозь стеклянные дверки которых были видны множество различных медицинских приборов и упаковок с медикаментами, слева, так же у стены, стояло странное кресло, по виду которого Головин догадался, что оно предназначено для женского пола. По кабинету расхаживала женщина, среднего возраста, среднего же роста, в белом халате и марлевой маске на лице.

– Ну что, Николай Васильевич, попали под раздачу, – заверещала она пронзительным голосом, – но ничего, безвыходных ситуаций у нас не должно быть.

«Это и есть, наверное, Антонина Тихоновна», – догадался депутат, опасливо поглядывая на причудливое кресло.

– Ничего не бойтесь, сейчас мы вам загоним в мочеточник стенд, полежите три дня, всё зарастёт, как на с... младенце, – быстро поправилась она. – Вы как на это смотрите?

– Вашими глазами, им видней, – пошутил Головин.

– Да вы шутник, это хорошо. Ну в таком случае вставайте с каталки и размещайтесь в этом кресле.

Головин, измученный разными процедурами, уже без всякого стеснения перебрался в предложенное ему удобство.

– Аня, – обратилась Тихоновна к медсестре, находящейся в кабинете, – давай-ка мы больному поставим кубик однопроцентного морфина, думаю, с одного раза он наркоманом не станет.

Получив предложенный кубик, Головин сначала не почувствовал никаких изменений, но через несколько минут ему вдруг стало так хорошо, что он, раскорячив ноги в кресле, чуть не зашел.

Определив по внешним изменениям, произошедшим с пациентом, что пора действовать, доктор достала из целлофановой упаковки этот самый стенд, им оказалась тоненькая длинная трубочка, раскрашенная в чёрно-белый цвет, как змея.

– Уважаемый Николай Васильевич, поехали? – И стенд, направляемый опытной рукой доктора, пронизав орган, о котором в тексте упоминать не принято, потыкавшись в стенки мочевого пузыря и найдя выход в мочеточник, медленно стал приближаться к почке. Несмотря на благотворное влияние морфина, процедура была не из приятных.

И снова каталка, управляемая Марией Прокопьевной, затянула свою любимую мелодию, вот и знакомая одноместная палата, опять в ортопедии, всё-таки местная врачебная мафия решила до конца скрывать своего «графа Монте-Кристо».

– Николай Васильевич, я вас настоятельно прошу не делать никаких резких движений, вставить категорически запрещаю, – строго наказала сопровождающая до палаты процессию Антонина Тихоновна.

Головин, пока его везли по коридорам и перекладывали на кровать, находясь под воздействием морфина, испытывал невероятную эйфорию. В этот момент он любил всех: и доктора Антонину Тихоновну, и медсестру Марию Прокопьевну, и особенно каталку с её неповторимой песней: «Дж-ж-ж-и... тук-тук...».

Пролежав неподвижно часа два на спине и постепенно освобождаясь от воздействия наркотического дурмана, он захотел повернуться на бок либо встать, чтобы размяться, но понимал, что делать этого нельзя, иначе навредит процессу выздоровления и может надолго завалиться в этой одноместной палате. Пролежав ещё несколько часов, Головин начал впадать в депрессию.

Конечно, его во время пребывания в этом больничном каземате постоянно посещали родные, друзья и подчинённые ему по долгу службы специалисты, скрашивая каким-то образом это тоскливое время. Николай Васильевич, правда, стеснялся того, что им приходилось видеть директора и депутата Головина с резиновой трубкой и стеклянной баночкой в кармане. Ему казалось, что такой вид унижает его достоинство, постепенно он к этому начинал привыкать. Но сегодня от неподвижного лежания на него навалилась тоска по воле, по работе и даже по исполнению депутатских обязанностей.

«Насколько слаб человек против природы, против случая», – думал Николай Васильевич. В прошедшем году Николай Васильевич стал народным депутатом Советского Союза. Впервые кандидатов в депутаты СССР не предлагали из Москвы, а выдвигали коллективы, рабочие либо партийные, принималось даже самовыдвижение, как позже выяснится – «на свою шею хомут». На округе номер сто пятьдесят девять, где была выдвинута кандидатура Головина коллективом его птицефабрики, сначала было семь кандидатов, но после того как на этом же округе появилась кандидатура первого секретаря обкома коммунистической партии, все, кроме Головина, быстренько сняли свои кандидатуры. А Головин упёрся, да и секретарю это было на руку. По закону о выборах на одном избирательном округе должно быть не менее двух кандидатов. В обкоме посчитали, что какой-то директор птицефабрики не может выиграть выборы у первого секретаря обкома, и просчитались.

Округ состоял из трёх городов и семи сельскохозяйственных районов. Предвыборная кампания проводилась вживую, то есть каждый кандидат должен был встречаться с народом и, глядя этому народу в глаза, предлагать своё видение исполнения обязанностей депутата в случае его избрания.

Доверенные лица первого секретаря обкома давили на то, что у их представителя больше возможностей, чем у какого-то директора. Но народ, впервые узнавший, что кандидатуры на них свалились не из Кремля, отмёл такой подход к достоинствам кандидатов. Избиратели заявляли, что если к секретарским возможностям добавить ещё и возможности депутата в образе Головина, то вдвоём они горы свернут.

Кроме того, у кандидата Головина и его доверенных лиц было что предъявить народу, птицефабрика, возглавляемая Николаем Васильевичем, в прошлом

году получила самую высокую награду в СССР: переходящее Красное знамя ЦК КПСС, ВЦСПС и Ленинского комсомола. Избиратели сельскохозяйственных районов назвали своим руководителям, которые призывали голосовать за секретаря обкома, голосовали за директора Головина.

«Вот когда научитесь работать, как Головин, тогда будете указывать, за кого нам голосовать!» – говорили они.

Города, входящие в округ, тоже неоднозначно отнеслись к выдвинутым кандидатурам. Самый большой из них – Шахтёрск – сразу стал на сторону Головина, шахтёрам надоело слушать обещания областного и московского руководства об улучшении жизни и, бросив лозунг: «Головин – наш человек! Не спасовал перед обкомовскими!», они провозгласили:

– Кто против Головина, тот против нас!

Второй город – Железнодорожный – тоже взял его сторону. Продукция, производимая птицефабрикой Головина, реализовывалась в этом городе и славилась отличными визуальными и вкусовыми качествами.

«От него хоть какая-то польза есть», – говорили его жители.

И лишь третий город – основной в области производитель спиртных напитков, так до самого дня голосования не смог определиться в выборе и проголосовал пятьдесят на пятьдесят.

Почти в конце предвыборной кампании обкомовские очнулись, поняв, что этот директор не льком шит, попытались нарыть на него компромат – и лишь навредили себе. Результат выборов был необычен для того времени, почти невозможен: шестьдесят четыре процента избирателей проголосовали за Головина и лишь тридцать один процент – за секретаря обкома.

Николай Васильевич сам не ожидал такого результата и сначала вроде как растерялся, но ненадолго.

Во время предвыборной кампании, встречаясь с избирателями, он определил основные направления развития этих городов и районов, нашёл их трудности. Подружился с руководителями, которые под напором партийных органов сначала не принимали его всерьёз, но, познакомившись ближе, почувствовали, что он человек слова, способен многое понять (и не только в сельском хозяйстве) и, главное, всегда готов помочь в решении трудных проблем.

И вот какой-то камушек в почке, с пшеничное зерно, в один момент остановил кипучую деятельность государственного человека, превратив решительного, видного не только по делам, но и по внешности партийно-хозяйственного деятеля, обличённого высшей властью, данной ему народом, в болезненного мужичка, с трубкой в боку и с баночкой в кармане, которого катают на неисправной каталке по операционным и процедурным кабинетам женщины.

Пролежав таким образом ещё сутки, Головин совсем впал в депрессию, замкнулся, ни с кем не хотел разговаривать и запретил пускать к себе всех посетителей, кроме сына. Сын Николай, который был доктором, но работал в другой больнице, приходил каждый день. Он-то и раскрывал тайнства происходящего процесса разгерметизации его мочевыводящих путей.

На третьи сутки дошло до того, что Головин потребовал у появившейся Антонины Тихоновны ещё дозу морфина, на что она обозвала его слюняем и размазней. Пристыженный депутат кое-как взял себя в руки и честно до конца долежал эти сутки. Ночь он не спал, болели отёкшая спина и покусанные губы. Он пытался перекинуть напряжение с одних отёкших мышц на другие, периодически по чуть-чуть передвигаясь по жёсткому матрасу, и не заметил, как наступило

утро. Получив очередную инъекцию обезболивающего препарата, он вдруг через открытую дверь, которую не закрыла ушедшая медсестра, услышал знакомую мелодию: «Дж-ж-ж-и... тук-тук...», безумно обрадовался, хотел вскочить, но в последний момент вспомнил, что этого делать нельзя.

В открытой двери появилась сначала каталка, затем улыбающаяся физиономия Марии Прокопьевны.

– Ну что, Башкин, живой? – пробасила она и, увидев, как тот пытается подняться, прикрикнула: – Не смей! Я сейчас помогу. Давай осторожно перелезай на каталку. – И захватив его большими сильными руками, почти без его помощи переложила на эту чудную телегу.

– Почему Башкин? – запоздало обиделся Николай Васильевич.

– Один хрен: что Головин, что Башкин. Понятие одно – черепушка на плечах, – ответила медсестра и выкатила каталку из палаты.

«Дж-ж-ж-и... тук-тук...» – пела та каталка, и Головину стало до того вдруг хорошо, что он заулыбался во всю ширину своих искусанных губ.

– Чего лыбишься, рано ещё радоваться, сглазишь, – Мария Прокопьевна, как и все медсёстры, которым приходилось иметь дело с тяжелобольными пациентами, была до предела суеверна.

– Ну вот, приехали, – пробасила она, упёршись в дверь кабинета с надписью: «Процедурная».

Дверь открылась, каталка заехала внутрь, чуть не врезавшись в удивительное кресло.

– Как дела, больной? – заверещала ожидавшая их Антонина Тихоновна.

– Не знаю, – опасно поглядывая на кресло, ответил Головин, – мне что, перелезать в кресло?

– Да нет, лежите на каталке.

Антонина Тихоновна приподняла простыню, укрывающую депутата, и он почувствовал, как этот нена-

вистный стенд стал медленно его покидать. Скреба-нула острая боль и вдруг стало невероятно легко.

– Господи, наконец-то! – воскликнул радостно Головин.

– Видишь, сразу верующим стал, – съязвила Мария Прокопьевна, – как трепаться в Москве с трибуны, вы бога не вспоминаете, а как прижало, сразу «господи».

– Ладно, вези, Прокопьевна, пациента в шестую палату урологического отделения, – примирительно прощebetала Тихоновна и, обращаясь к Головину добавила: – А вы, Николай Васильевич, сегодня ещё по-лежите денёк, а завтра уже всё окончательно станет ясно. Но двигаться по койке вам уже можно.

На другой день стало ясно, что не зря больной Головин три дня лежал неподвижно – свищ затянулся. Пролежав ещё неделю, Николай Васильевич выпи-сался. На прощание он подарил Марии Прокопьевне бутылку коньяка и большую коробку конфет.

– Это за что? – застеснявшись, пробасила она.

– Это за то, что я месяц на вас катался, и за то, что в трудную минуту вы всегда появлялись вовремя.

– Ну если что не так, наши двери всегда для вас от-крыты, – проникшись уважением к депутату за то, что он жаловаться никуда не стал да и вообще оказался просто человеком, проверещала на прощание Анто-нина Тихоновна.

«Ну уж нет, баста, с меня хватит», – подумал Голо-вин. И ошибся.

5

Прошло примерно полгода. Однажды, объезжая поля, принадлежащие птицефабрике, на которой он был директором, Головин почувствовал саднящую боль в области поясницы, через некоторое время боль усилилась.

– Александр, давай домой, – приказал он шофёру.

– А может, сразу в больницу? – спросил обеспокоенный шофёр, увидев, как исказилось от боли лицо шефа.

– Нет, давай сначала домой, отлежусь, наверное, – неуверенно сказал Головин, вспомнив все неприятности, какие ему пришлось пережить в больнице.

Но до дома доехать не удалось. Боль стала вдруг невыносимо острой. Сашка, увидев, как скорчился на сиденье шеф, выскочил на автостраду и повернул к городу, до которого было не более тридцати километров.

В Третьей городской больнице Головин, еле передвигая ноги, поддерживаемый шофёром Сашкой, сразу прошёл в кабинет Антонины Тихоновны.

– А что случилось, Николай Васильевич? – увидев скрюченного депутата, заверещала докторица.

– Не знаю, – сдавленным голосом простонал Головин, – видимо, что-то опять с почками.

Антонина Тихоновна подняла трубку телефона:

– Это дежурный пост урологического отделения? Прокопьевна, это ты? Давай в мой кабинет с каталкой, поскорее.

Минут через пять в коридоре послышался звук приближающегося агрегата: «Дж-ж-ж-и... тук-тук».

«Всё, как и прежде», – подумал Головин.

Дверь открылась, на пороге стояла удивлённая медсестра Мария Прокопьевна.

– Депутат, опять ты? Никак скучаешь за нас? – прокуренным голосом пробасила она. – Снимай тряпки, ложись, телега к вашим услугам. Куда его? – спросила она, после того как раздетый до нижнего белья Головин взобрался на знакомую каталку.

– На рентген, я позвонила, вас там ждут, – пропела своим пронзительным голосом Тихоновна, – да сделай пациенту обезболивающий укол.

Подъехали к урологическому посту, Мария Прокопьевна открыла свой заветный стерилизатор и до-

стала пинцетом любимый многоразовый шприц, затем, посмотрев на Головина, махнула рукой, опустила шприц в кипящую воду, достала из шкафчика одноразовый и, мазнув спиртовой ваткой ниже поясницы, почти безболезненно произвела процедуру.

После обезболивания и капельницы Головину стало легче, и он совсем уже засобиравшись домой, Сашка ждал у больничных ворот.

– Ну вот что, Николай Васильевич, – заверещала зашедшая в палату Антонина Тихоновна, – не хочу вас обнадеживать, положение наше, вернее ваше, не важное. Мочеточник, в котором стоял стенд, искривился перед самой почкой и при срастании тканей произошло его сужение. Из-за чего эти приступы периодически будут повторяться, по мере того как в этом месте скопится песок или, того хуже, станет выходить камушек. Нужна операция, сегодня или завтра, без неё не обойтись. Я думаю, тянуть время не нужно, езжайте домой. Распорядитесь на работе, поставьте в известность семью, позвоните в Москву. Можете это сделать и там, в Москве, оно, конечно, надёжней, но, я думаю, престиж ваших врачей вам не безразличен, всё-таки вы представляете в депутатском корпусе нашу область.

«Вот дает, ей бы первым секретарём обкома партии быть», – подумал Головин.

– Да к тому же здесь родственники, – продолжила уговоры Антонина Тихоновна, – ваш сын врач, вас будут навещать. Подумайте, а в понедельник, если согласны, я вас жду, дня три полежите, сдадите анализы – и с богом.

И вот в понедельник депутат Головин снова в Третьей больнице города Н. Ему опять предложили одностороннюю палату в ортопедии, в то время платных палат ещё не было, но он отказался, всё-таки с людьми, хоть и больными, ожидание операции переносилось легче, как говорится, на миру и смерть красна.

Операция была назначена на четверг. И он опять очутился в уже знакомой палате № 6. В среду в палату зашёл худой, высокий мужчина средних лет, представился:

– Моя фамилия Камбалов, я анестезиолог, буду давать вам наркоз, вы не волнуйтесь, я работаю давно, постараюсь для вас сделать всё по высшему разряду, – измерил давление, спросил: – Больше вас ничего не беспокоит, кроме почек?

– Беспокоит, удастся ли мне отсюда вернуться домой, – угрюмо пошутил депутат.

– Ну что вы такое говорите, операция выеденного яйца не стоит, мы такие щёлкаем, как орехи, – обнадѣжил уходящий анестезиолог.

– Один уже нащёлкал, вот теперь я без больницы жить не могу, – проворчал вслед ему Головин.

Анестезиолог ему не понравился: во-первых, фамилия рыба, во-вторых, какой-то подхалим.

«В первый раз хирург был с птичьей фамилией, а тут анестезиолог с рыбьей. И почему только для меня он обещал сделать всё по высшему разряду, значит, другим на операционном столе от его наркоза приходится туго. Где же он тогда набрался опыта, не каждый же день усыпляет депутатов», – лёжа на койке, думал Головин. Спросить было не у кого, находящиеся в палате больные ожидали плановой операции в первый раз.

Затем пришла Антонина Тихоновна, сообщила, что оперировать будет она сама, наговорила много утешительных слов, но от них депутату легче не стало: разговор с анестезиологом вызвал тревожные предчувствия.

В ночь перед операцией он спал плохо, с вечера прошёл предоперационную подготовку. Какую? Те, кто оперировался, знают, других я пугать не хочу. Наступило утро четверга.

В десять часов в коридоре послышался знакомый громкий мужской голос Марии Прокопьевны и старая песня каталки, дверь в палату открылась, на пороге стояла медсестра Прокопьевна.

«Кроме неё, кто-нибудь дежурит в этом отделении или нет?» – подумал Головин.

– Василич, готовься, снимай трусы, ложись на каталку, а я пойду за шприцом, быстренько тебе вколю промедолчик, и поедем на знакомый тебе столик.

Головин, удивился тому, что Мария Прокопьевна впервые назвала его без издёвки, не депутатом, а Васильевичем. Быстро разделся и занял позицию на знакомой телеге.

– Это что такое?! – вылупила глаза вернувшаяся со шприцом медсестра. – Ты как лёг? Кто же ложится ногами вперёд? Всё, операцию сегодня нужно отменить – добра не будет.

Головин быстро поменял положение, но Мария Прокопьевна упёрлась:

– Что хотите, делайте, а больного я в операционную не повезу!

– Что же тут особенного? Я же развернулся и лёг правильно, – настроившись на проведение операции, Головин не хотел откладывать начатое дело.

На скандал сбежались врачи и другие медсёстры, пришёл заведующий отделением. Он настоял:

– Вот что, Прокопьевна, ты уже всех достала со своим суеверием, вези больного, в операционной заждались. Довыёживаешься – я тебя отправлю на пенсию, давно пора!

– Хрен с вами! Я повезу, но тебе, Головин, лучше бы остаться в палате.

И, странное дело, большинство медсестёр (и даже часть врачей) были на стороне Прокопьевны. Но она взялась за ручки каталки, и та, откликнувшись своим пением, покатила в сторону операционной.

– Ах, чтоб вам пусто было! Только бы поскорее всё с плеч спихнуть, – ворчала медсестра, – этого заведующего давно пора в шею гнать из больницы. И ты, депутат, тоже хорош, тебе-то куда торопиться? Натрепаться не успеешь в своей Москве? Что бы изменилось, если б на недельку ещё тут задержался. Язык бы от трепотни отдохнул.

«Вот противная старуха, – думал тем временем Головин, – нет, всё, после операции попрошу, чтобы ко мне другую медсестру прикрепили. Хватит, надоела».

В «предбаннике» операционной его переложили на другую каталку, и уже через минуту Головин услышал удаляющиеся звуки родной телеги.

6

Завезли в операционную. В первый раз, когда его оперировали, он не мог осмотреть это таинственное помещение, так как операция была экстренная, да и от полученных медикаментозных препаратов голова ничего не соображала. С бестеновой лампой он уже был знаком, видел её боковым зрением. А сейчас смотрел во все глаза, она надвисала над операционным столом. Головин отметил, что он похож слегка на станок для распилки дров, только чуть пошире и без верхних рогов. Сбоку Головин заметил какой-то аппарат, к которому был прикреплён кислородный баллон, в передней части стола располагались какие-то приборы и различные шланги. На всё это он смотрел, не испытывая никакого страха, так как введённый промедол уже полностью овладел им, вызывая чувство эйфории, точно такое же, как и от полученного им когда-то морфина.

Головина переложили на стол, перевернули на левый бок: больной почкой вверх, ремнями зафиксировали правую руку, накрыли белоснежной простыней с большим разрезом. Головин спокойно наблюдал, как суетятся хирургические сёстры, затем у его

изголовья появился анестезиолог Камбалов, пришла Антонина Тихоновна.

Сразу операционная наполнилась её громким верещанием:

– Ну как, Николай Васильевич, вы себя чувствуете? – и, не дожидаясь ответа, скомандовала: – Ну, ребята, с богом!

Камбалов закрепил на левой руке пациента, которая была вытянута вперёд, манжету тонометра, измерил давление, что-то сказал медсестре, та взяла иглу капельницы, стоящей здесь же, прямо напротив лица Головина, воткнула в вену. Камбалов, что-то поворожил со шприцем и резиновой трубкой, спускающейся из бутылочки капельницы, и Головин, почувствовав, как быстро все начали удаляться от него, провалился в кромешную тьму.

Проснулся он неожиданно, но операционную видел смутно, как в дыму. Язык был прижат резиновым шлангом, по его смутному предположению. На лице что-то мешало, что именно, он осмыслить не мог. Боли не было, но в боку, где проходила операция, он почувствовал какую-то возню и ужасный холод. Странное дело, несмотря на необычную ситуацию, Головин страха не испытывал. Так как произнести какой-то звук он не мог из-за мешавшего шланга, Головин пошевелил пальцами вытянутой руки.

– Камбалов, пациент-то наш проснулся, – услышал он далёкий незнакомый женский голос.

У изголовья кто-то зашевелился, пробормотав то ли ругательство, то ли молитву, и снова наступила кромешная тьма. Позже Головин вспоминал, как прооперированные пациенты рассказывали, что под воздействием наркоза они летали в каких-то тоннелях, видели свет в конце этих тоннелей, другие видели шевелящиеся цветные стены. Он не видел ничего, была только непробиваемая упругая тьма.

Неизвестно, сколько прошло времени. Головин снова проснулся, он слышал какие-то дальние голоса. На оперируемом боку, ему показалось, кто-то затягивал верёвку, и ему почудилось даже, что он слышит треск своей затягиваемой шкуры. Он попытался открыть глаза и не смог, попытался пошевелить пальцами, ничего не вышло. То ли от потери крови, то ли от длительности операции Головин совершенно ослаб и никак не мог показать то, что он проснулся.

И тут в его голове начала рождаться подлая паническая мысль, которая из-за той же слабости развивалась медленно, но упрямо: «Всё, раз мне не подчиняется ни одна часть тела, значит, я умер. Говорили же, что когда человек умирает, его душа выходит из тела и некоторое время витает над трупом. Но почему же моя душа не летает над операционным столом. Значит, умерший человек всё слышит после смерти, и я буду слышать, как меня заколачивают в гроб».

По мере медленно развивающихся мыслей, Головиным начала овладевать неудержимая паника.

– Камбалов, ну-ка измерь пациенту давление, мне не нравится его сердцебиение.

– По-моему, с ним что-то творится неладное, мне кажется, он отошёл...

Головин услышал последнее слово... Медсестра говорила: «...отошёл от наркоза». Но Головин пришёл в ужас, он подумал, что отошёл на тот свет. Ещё бы несколько минут, и этот ужас мог кончиться кровоизлиянием в мозг.

И вдруг он услышал, как где-то далеко скрипнула дверь, затем механизм пропел: «Дж-ж-ж-и... тук-тук...», и грубый мужиковатый голос выдал реплику:

– Признавайтесь, не зарезали нашего депутата?

И затем голос сына Николая тревожно спросил у кого-то:

– Как он там?

«Господи, живой! – молнией полыхнуло в мозгах Головина. – Вот они, родная каталка и Мария Прокопьевна, как всегда вовремя. И главное, сын здесь, волнуется, наверное, провёл всё это время под дверью операционной».

Оказывается, как только начали зашивать разрез, что и чувствовал Головин: будто стягивают верёвками, из операционной позвонили на пост, чтобы подали каталку и забирали пациента. Как же всё было сделано вовремя!

Больного переложили на знакомую каталку.

– Куда? – спросила Мария Прокопьевна. – В послеоперационную палату или в реанимацию?

– В реанимацию, – решила подстраховаться Антонина Тихоновна, – там всё-таки внимания побольше да и больных поменьше.

Головин потихоньку начинал приходить в себя, знакомая музыка «Дж-ж-ж-и... тук-тук...» действовала на него успокаивающе, он с любовью и обожанием смотрел на Марию Прокопьевну. Ещё недавно, на пути в операционную, в мыслях называл её противной старухой, а теперь готов её расцеловать. Но сил не было даже улыбнуться, да и к тому же мешала резиновая трубка во рту, которую по какой-то причине не убрали в операционной.

Значимость больного была отмечена большой свитой, сопровождающей его в реанимацию: Мария Прокопьевна, как всегда, управляла колесницей, с одной стороны шли Антонина Тихоновна и анестезиолог Камбалов, с другой, поддерживая капельницу, которая трубкой была объединена с рукой Головина, шла хирургическая сестра. Заключал процессию сын Николай, правда, в реанимацию его не пустили: врач другой больницы – не положено.

Прибыли в реанимацию, состояние прооперированного депутата с каждой минутой стабилизирова-

лось, и ничего не предвещало наступления повторно-го критического момента.

Антонина Тихоновна наклонилась над больным.

– Как вы себя чувствуете, Николай Васильевич? Если считаете, что трубку пора убирать, сожмите на правой руке пальцы, – пропела она своим тоненьким голоском.

Николай Васильевич вообще не знал, зачем ему в трахею запихали эту трубу. Позже сын расскажет ему, что она предназначена для вентиляции лёгких и поступления газообразного наркоза. Поэтому он тут же сжал пальцы правой руки. Подскачивший анестезиолог Камбалов зацепил эту трубку и резко выдернул её из больного. Зачем он это сделал, трудно понять, то ли он подумал, что это сделает Антонина Тихоновна, и не хотел терять свою значимость в деле спасения депутата, то ли ещё по какой причине, но он это сделал.

Освободившиеся от резинового шланга трахея и гортань Головина, привыкшие, что этот предмет длительное время удерживал их в раскрытом положении, никак не хотели сжиматься. Головин, как рыба, выброшенная на берег, ловил ртом воздух, пытался совершить глотательное движение, но парализованная трахея не подчинялась его усилиям. Он побледнел. Лоб моментально покрылся потом, глаза, как говорится, полезли на лоб.

«Всё, – промелькнуло в голове депутата, – этот архаровец меня добил».

Но в это время Мария Прокопьевна, не успевшая уйти из реанимационной палаты, подскочила и своими сильными руками нажала на грудную клетку Головина. В районе кадыка что-то щёлкнуло, зашипел проходящий через гортань воздух, и Головин почувствовал, что он вновь возвращается с небес на землю.

– Послушай, Камбалов, – заверещала Антонина Тихоновна, – вам кто преподавал анестезиологию и реанимационное дело?

– Доцент Петров, – пролепетал перепуганный Камбалов.

– А ты помнишь, он всем студентам рассказывал, как один анестезиолог измучил больного на операционном столе плохим наркозом. И тот в конце операции подозвал этого анестезиолога и попросил наклониться. А когда он наклонился, больной со словами: «Если ты не можешь сделать правильные расчёты с двумя глазами, может, сделаешь это с одним лучше!» – выколол анестезиологу глаз. Ты смотри, с тобой это может произойти тоже. По инструкции эндотрахеальный зонд удаляется медленно, а ты что натворил?

Убедившись в том, что Головин пришёл в норму, его мучители и одновременно спасители удалились в своё урологическое отделение, оставив подопечного один на один с дежурным реаниматологом.

7

В реанимации было тихо и спокойно, лишь иногда, когда в очередной бутылке заканчивалась лекарственная жидкость, которая беспрерывно поступала в вену Головина, слышались шаги дежурной медсестры или, может быть, врача. Менялась бутылочка, и наступала опять благотворная тишина.

Николай Васильевич периодически впадал в дрему, затем просыпался и, с каждым разом возвращаясь из сна в действительность, чувствовал, что голова работает всё яснее, дурман наркоза постепенно покидает его тело и нарастает боль в правом боку.

– Доктор, а нельзя ли мне укольчик? А то что-то больно становится, – попросил Головин находящегося в реанимации врача.

– Да, конечно, – ответил тот, набрал в шприц препарат, и уже через две-три минуты боль отступила.

И только сейчас в голове Головина стала проявляться картина пережитого дня.

«Удивительное дело, как права оказалась эта грубоватая на вид медсестра, – думал он о Марии Прокопьевне, – как она не хотела вести меня в операционную. И там, в операционной, казалось бы, ничего не предвещало эксцессов. Почему я дважды просыпался во время операции. И откуда взялся этот панический страх, ведь у меня ещё бы чуть – и разорвалось сердце. А звуки этой неисправной каталки, они что, для меня стали магическими, что ли?» И он вспомнил, что каждый раз, как эти звуки появлялись, ему становилось лучше либо зарождалась надежда на улучшение. И эта пожилая медсестра, это приложение к каталке, ведь практически она его дважды сегодня спасла: своим своевременным появлением в дверях операционной и здесь, в реанимации. Как тут не поверить в мистику, суеверие медицинского персонала, видимо, это неотвратимо, когда человек находится постоянно рядом со смертью.

От этих мыслей ослабевший после всех передряг Головин устал и, убаюканный постукиванием часов на стене, погрузился в сон. Сколько он пролежал в реанимации, точно не знал, он то засыпал, получая укол каких-то препаратов, то просыпался, постепенно обретая силу. Приходила Антонина Тихоновна, разговаривала с ним, с дежурным реаниматологом. Ему начинало уже надоедать лежание на спине, он ждал каких-то перемен в сложившейся обстановке. И вот однажды (как позже узнал, пролежал он в реанимации всего сутки) в коридоре послышалось знакомое «Дж-ж-ж-и... тук-тук...», дверь открылась, сначала на пороге появилась знакомая каталка, за ней медсестра Мария Прокопьевна. Головин обрадовался, заулыбался, хотел даже приподняться, но боль в правом боку не позволила совершить такой манёвр.

– Что, милый, соскучился? – улыбнулась в ответ Прокопьевна. – Поедем на место, давно я тебя не катала.

Головина удивил изменившийся голос медсестры, он привык к её грубому тембру, грубым словам с издёвкой, но теперь в этом грубом голосе нашлось место для ноток сочувствия, ласки. Как будто мать утешала обиженного ребёнка. И Головин почувствовал всё это сердцем, вспомнил, как в далёком детстве матушка так же жалела его, когда он поранил стеклом ногу. И у этого здорового мужика, который практически всё в жизни уже испытал и, казалось бы, закалился как сталь, на глазах вдруг навернулись слёзы.

– Э, милый, да ты совсем у нас раскис, – наклонившись к больному, шепнула Мария Прокопьевна, – пора тебе на волю. Ну ничего, сейчас поедem в послеоперационную палату, там полежишь пару деньков, затем на недельку в свою шестую – и домой. Поехали.

И каталка вновь затянула свою песню.

8

В послеоперационной палате было четыре кровати, три занятые, на четвёртую Мария Прокопьевна переложила Головина. Поздоровавшись с соседями, Головин осмотрелся, соседи были тоже недавно прооперированы, но операции их отличались тем, что у Николая Васильевича сбоку торчала одна трубка, как сказала Антонина Тихоновна, дренаж, а у его соседей красные резиновые трубки торчали во все стороны. Головин не стал проявлять по этому поводу любопытства, просто подумал, что им досталось ещё больше, чем ему. Соседи оказались разговорчивые, негласно приняв Головина в свою компанию, начали рассказывать поочередно о своих заболеваниях, о тяжести проведённой операции, больше приписывая страдания и ужасы от этого процесса. По количеству трубок на их теле было понятно, что ходить им предстоит ещё не скоро.

Следующим утром пришла Антонина Тихоновна, сняла надоевшую резиновую трубку, торчащую из

шва, и разрешила потихоньку вставать. О находении в этой палате можно было и не вспоминать, если бы не произошедший опять, как показалось Николаю Васильевичу, мистический случай.

В этот же день (перед обедом) дверь в палату распахнулась, и на пороге появился анестезиолог Камбалов. Головин как раз держал в руках графин, наливал воду для своего соседа по палате. Увидев вошедшего Камбалова, Николай Васильевич вдруг изменился в лице, глаза его округлились, и он почувствовал, что начинает задыхаться. Камбалов, озадаченный таким зрелищем, хотел быстро подойти к Головину. Но тот, проливая воду, начал поднимать графин, как гранату, чтобы метнуть в ненавистного врага. Камбалов стремительно вылетел из палаты, прикрыв дверь, в которую тут же врвался графин, раздался звук разбившейся посуды и осыпавшегося на пол стекла. На вопли Камбалова с другого конца коридора, толкая перед собой каталку, быстро ехала Мария Прокопьевна.

Головин сам не понимал, что с ним происходит, то ли ему вспомнились все пережитые им ужасы на операционном столе и в реанимации, то ли ещё по какой причине, но он не владел собой. После того как выскочил из палаты анестезиолог Камбалов, дыхание вроде возобновилось, но сердце, подкатившись к самому горлу, хотело выскочить наружу. Он в изнеможении упал на кровать, перепуганные больные начали стучать ложками по стаканам, вызывая медперсонал. И вот в это самое время в коридоре послышалось знакомое: «Дж-ж-ж-и... тук-тук», и тут же свершилось чудо: сердце Головина вернулось на своё место, дышать стало совсем легко. Дверь открылась, на пороге стояла медсестра Прокопьевна.

– Что тут у вас происходит? Это что за безобразия? Почему графин разбит и почему вопит врач Камбалов? – глядя на Головина, строго вопрошала она.

Не на один из этих вопросов Николай Васильевич ответить не мог, он ничего толком не помнил. Мария Прокопьевна, видимо, поняла всё сама, она позвала нянечку, наказала навести порядок в палате и, поглядев укоризненно на Головина, подхватив свою каталку, молча удалилась. Каталка запела, окончательно успокаивая депутата, и он, отвернувшись к стене, крепко заснул.

На другой день выздоравливающего Николая Васильевича перевели в палату № 6. Он, не скрывая радости, с сияющей физиономией, делился с неизменно дежурившей Марией Прокопьевной:

– Выйду скоро на работу, соберу всех своих специалистов, выведу в лес к реке и заставлю дышать свежим воздухом и пить эту чистую чудесную воду: «Дышите и пейте, пока дышитесь и пьётся на воле, пока судьба вам дала такое благо – быть здоровыми и крепкими».

Медсестра молча улыбалась, качала головой, а затем, махнув рукой, бралась за свою каталку и спешила за очередным больным.

9

Больше анестезиолог Камбалов Головину навстречу не попадался и в палату не заходил. Случай с графином замяли, списав это всё на послеоперационный психоз.

В ночь перед выпиской Николаю Васильевичу не спалось. Он, побродив по больничному коридору, уселся на диван, расположенный рядом с постом дежурной медсестры. А дежурной медсестрой, как можно догадаться, была Мария Прокопьевна. Обойдя все палаты и убедившись, что все больные успокоились и помощи никому не требуется, она подсела к Головину.

– Что, депутат, не спится? – миролюбиво улыбнулась она.

– Да, Прокопьевна, не могу дождаться утра, скорее бы уже домой, на работе дел полно, да и избиратели на округе заждались.

– Ты, Николай Васильевич, на меня уж не сердчай, – вдруг извинительным тоном зашептала медсестра, – тут к нам разных депутатов и начальников привозят, насмотрелась я всего. Думала, и ты такой же.

– Чем же они вам досаждают?

– Привезут какого-нибудь областного депутата или начальника, они и начинают кочевряжиться: то им подай отдельную палату, то телефон под руку. Простых врачей не признают, подавай им профессора, а этот профессор операции делает раз в месяц по заказу – наворочает, а потом эти же хирурги долго исправляют содеянное профессором. Сами себя наказывают, а может быть, и бог вмешивается. Тебя-то тоже профессор должен был оперировать, тот еврей, что к тебе приходил в ортопедию, но его в Москву на какое-то совещание вызвали.

– Значит, и меня всё-таки бог наказал? Меня-то в первый раз оперировал хирург Петушков?

– Значит, и тебя. А что, не за что, что ли? Наверное, когда перед народом выступал, много чего наобещал, чтобы тебя выбрали, а теперь ни хрена сделать не можешь.

– Да я вроде стараюсь, но столько сразу просьб навалилось. Разве все выполнишь? Одному надо квартиру, другому машину подавай, третий вообще припрётся с таким предложением, которое и сам понять не может. И каждого нужно терпеть. И, что самое странное, мне непонятно: живёт фронтовик в развалухе, в посёлке, ходит по всем инстанциям с просьбами об улучшении жилья – к председателю райисполкома, в военкомат – и всё без толку. А приходит ко мне в дни приёма, я иду в тот же райисполком, и оказывается, квартиры есть! Прямо игра какая-то, будто специально резерв квартир для депутата.

– Вишь ты какой, другой бы возгордился, что он всё может.

– Да чем гордиться-то, люди на войне кровь проливали, жизни не щадили, а сейчас никому не нужны. Кроме частных проблем, приходится решать проблемы развития городов, районов: не хватает школ, детских садов, жилых домов. Ты вот мне всё тут Москву приписывала, а туда приедешь – ни одной свободной минутки. Набегаешься по министерствам с протянутой рукой – и скорее домой. Надо проблемы на собственном производстве решать, затем снова по своему округу, с избирателями встречаться. Я и Москву-то путём ни разу не рассмотрел.

– Ну и зачем тебе это надо? Ты-то от этого, кроме мороки, что имеешь?

– Я тоже сначала так думал, но вот однажды получаю письмо из посёлка, что в моём округе. Сначала не могу понять, от кого оно. Частное письмо, стоит фамилия Иванов, открыл его, старческие каракули, но разобрать можно: «Дорогой ты наш Николай Васильевич, спасибо тебе за предоставленную нам квартиру. Она в отличие от нашей халупы – со всеми удобствами. Сидим с Матрёной Ивановной и смотрим телевизор, вспоминаем тебя. Ты теперь нам как сын родной. Приезжай, посидим вместе за столом, попьём чайку. С уважением и низким поклоном к тебе Ивановы Иван Кириллович и Матрёна Ивановна».

И я прочитал это письмо и до того на сердце тепло стало, как просто и как душевно: «Попьём чайку». Вспомнил – это семья фронтовиков, он был танкистом, она медсестрой, ранили его, в госпитале и познакомились.

Это письмо для меня дорогого стоит, даже если я больше ничего не смогу сделать в этой должности, буду считать, что не зря стал депутатом.

– Видишь, как можно ошибиться в человеке! – сокрушалась Мария Прокопьевна. – Не понравился ты мне сначала, но потом, когда ты не стал скандалить

после первой операции, я поняла, что ошиблась. Ты вот всё рвёшься на работу, к своим избранникам, а другой лежал бы, чем дольше, тем лучше: и время идёт, и упрекнуть не в чем... Я ведь тоже всю войну на фронте санитаркой отдубасила, – продолжала она, – не приведи господь больше такого видеть. И люди там, так же как и здесь, разные: одного изрешетит всего осколками, еле живой, а он, бедолага, ещё попытается тебе помочь, сам ползёт, пока сознание не потеряет. А другого – скребанёт разок, а он уже и раскис, распустит нюни, волочишь его, а он хоть бы ногой упёрся, лежит на шинели как бревно. И выздоравливают по-разному: тот, израненный, чуть очнётся – и ему скорее на фронт нужно. А как же? Родину от врага ненавистного скорее освободить! А этот, что нюни распустил, лежит и гниёт месяцами... Да, на всё терпение надо, – продолжала, вздохнув Прокопьевна, – я вот видела, к тебе сын приходит. Вспомнила, он у нас на практике работал, в ортопедии, всем больным угождал, они прямо из зуб не выпускали его имени. А хватит ли у него духу всю жизнь таким быть или нет, вот вопрос. Редко у кого хватает на это сил. И у тебя тоже... Взвалил ты на себя неподъёмную ношу, разве всем угодишь.

Медсестра знала, о чём говорила. В те годы, о которых идёт речь, депутаты не заседали в Белом доме, а работали на вверенных им округах.

– Да ты, Прокопьевна, философ, – улыбнулся Головин.

– Ну вот, я с ним по-хорошему, а он обзывается! – возмутилась медсестра.

– Я не обзываюсь, философ – это человек, имеющий собственное мнение о жизни и пытающийся доказать другим, что он прав.

– Ладно, депутат, поздно уже, иди спать, завтра домой.

Утром, получив выписку из истории болезни и рекомендации по дальнейшему сохранению здоровья, Головин зашёл в ординаторскую, попросил разрешение на телефонный звонок. Позвонил своему шофёру Александру, наказал, чтобы он, не теряя времени, заехал к Головиным домой и забрал деньги, которые были приготовлены на покупку теплицы.

«Какая теперь теплица, некогда с ней заниматься», – подумал Николай Васильевич. Поблагодарил коллектив медицинских работников, они в ответ наговорили ему много хороших пожеланий, на том и расстались.

Через час прилетел Сашка, Головин двинулся к выходу, и в это время услышал знакомую мелодию: «Дж-ж-ж-и... тук-тук...», Прокопьевна отвезла очередного страдальца на операцию и возвращалась на пост.

– Возила-возила его по кабинетам, а он и попрощаться не хочет, – обидчиво загудела она.

– Да нет, Мария Прокопьевна, я ещё с тобой не прощаюсь, жди, через часок вернусь! – успокоил Головин медсестру.

– Опять что-то придумал, неугомонный, – расцвела в улыбке та.

– Давай, Сашок, в магазин медтехники, – садясь в машину, приказал Головин.

Через час-другой в коридоре урологического отделения послышалась какая-то возня, металлический звон. На шум прибежала Мария Прокопьевна.

– Вот, Прокопьевна, принимай новый агрегат, – расплывшись в улыбке, Головин толкал перед собой новенькую медицинскую каталку.

– С ума сошёл, депутат! Зачем деньги потратил? Заведующий отделением тоже обещал на той неделе новую каталку.

– Да я не за здорово живёшь это сделал. Гони-ка, Прокопьевна, свою неисправную, она мне удачу приносит. Заберу её с собой, поставлю в кабинете. Туго придётся – заставлю секретаршу покатать каталку, послушаю – и мне легче станет, – не то шутя, не то всерьёз произнёс Головин, а каталку всё-таки забрал.

Тепло попрощался с медсестрой Марией Прокопьевной и укатил, завернув полюбившийся ему агрегат в простыню и бережно уложив в машину.

Трудно сказать, использовал ли Николай Васильевич в трудную минуту каталку или нет. Наверное, использовал, так как вскоре наступили такие времена, что без утешительных предметов стало жить невозможно. Но это уже другая история.

Да! А вот новая каталка Марии Прокопьевне к душе не пришлась, ездила она бесшумно, ругаться стало не на кого и не на что, суеверная медсестра насторожилась, ожидая фатального исхода. И он произошёл.

Неожиданно умер прооперированный пациент. Нет, он умер не на операционном столе и не на каталке, а в палате, через три дня после операции, оторвался тромб. Но Мария Прокопьевна приняла это печальное событие на свой счёт. Утром перехватила сантехника Забуддыгина, который постоянно находился под воздействием зелёного змия, он с ним дружил.

– Забуддыгин, трубы горят? – заговорщически шепнула медсестра.

– А тебе-то чё? – не понял такого участия Забуддыгин, раньше у Прокопьевны не только спирта, таблетку не выпросишь без разрешения врача.

– Слушай, Забуддыгин, налью тебе сто пятьдесят граммов спирта, сделай только одно дело.

– Какое? – жадно облизнул пересохшие губы тот.

– Поломай в новой каталке колесо, только не совсем, а чтобы оно стучало.

– Не, – испугался Забуддыгин, – с работы выгонят.

– Да ты не сейчас, а ночью, всё равно дежурить будешь, – настаивала Прокопьевна, доставая пузырёк со спиртом.

Забуддыгин хотел ещё покочевряжиться, но, увидев пузырёк, впал в транс.

– Наливай, – кляцнув кадыком, выдохнул он.

– Ты только не вздумай меня обмануть, – грозно прошептала Прокопьевна. – А то я тебе сама ноги переломаю и в операционную увезу на этой каталке.

– Да ты што! Вот те крест, всё будет в ажуре, – закатил глаза сантехник и опрокинул сто пятьдесят, не поморщившись, будто в унитаз вылил.

– Ну ты тут крестами не разбрасывайся. Давай вали отсюда и помни, что я тебе сказала.

Утром Мария Прокопьевна, как всегда, расставив всем больным уколы, взялась за ручки каталки, чтобы вести очередного страдальца в операционную, и, вдруг, о чудо: «Дж-ж-ж-и... тук-тук...» затянула знакомую песню каталка.

– Что б у вас руки отсохли, ничего не умеют на этих заводах делать! – ликовала медсестра. – Месяца не прошло, а эта проклятая каталка сломалась!

В общем, всё встало на свои места. Как и раньше, каталка стучала, Мария Прокопьевна ругалась, и летальных исходов больше не было.

Дай бог, чтобы это было правдой!

События 1989 – 2002 годов

ДЕКЛАРАЦИЯ

Рассказ

1

Депутат законодательного собрания Цементно-Шиферного района Сидор Евсеевич Голодранцев сидел на собственной кухне за обеденным столом и, наклонившись над развёрнутым листом казённой бумаги, почёсывая лысую голову шариковой ручкой, задумался...

«Вот опять про депутата! – возмутишься ты, мой дорогой читатель. – Что, больше не о ком писать, что ли?»

Отвечаю. Во-первых, успокойся, дорогой, иначе заболеешь. Разве ты не слышал, как Елена Малышева в своей медицинской программе заявила, что все болезни от нервов. Во-вторых, конечно, если ты живёшь в большом городе, то, естественно, тебе встречаются разные люди: инженеры, слесари, например. Это в том случае если вашему городу повезло и в нём сохранился хотя бы один паршивенький заводик. Стало много шоферов – куда ни плюнь, извиняюсь за выражение, попадёшь в шофёра. И ещё ты можешь встретить массу других профессионалов, да таких, что при встрече с ними чуть зазевался – глядь, а кошелька-то нету, если он, конечно, у тебя был, что вряд ли при сей часной, не очень удовлетворительной жизни. Ну, конечно, если ты банковский работник либо олигарх – тогда другое дело...

А вот я живу в селе Горёвке, село, в общем-то, неплохое, перспективное (раньше было). Но после того как общественное хозяйство, как говорится, накрылось медным тазом с помощью одного паршивого

олигарха и нескольких руководителей разных уровней, то, идя по улице села, я уже, кроме депутатов, никого встретить не могу. Ну, может быть, ещё главу местного поселения – редко, раз в месяц.

Раньше пойдёшь утром на работу, а навстречу тебе то доярка, то птичница, то тракторист, а если повезёт, то и бригадира встретишь. И уж тогда целый день ходишь удовлетворённый – мол, всё у нас есть, даже руководство среднего звена. А теперь вот: депутат – и никто другой. Хотя стоп! Вру! Вот идёт навстречу местный предприниматель Огородников. Ну какой предприниматель, не то чтобы он что-то выращивал, село всё-таки. И не то чтобы производил что-то, например, деревянные изделия – дерева-то кругом полно, тайга всё-таки. Так нет, он открыл лавочку (т. е. магазин), закупает продукты, делает наценку и продаёт. А нужно сказать, тот, у кого он купил эти самые продукты, уже сделал наценку. Да и этот приобрёл не без неё... Так что все товары втридорога. Но, что самое интересное, жители села, нет чтобы самим содержать коров, свиней и получать от них качественную продукцию, идут в эти лавки и покупают втридорога. Возникают вопросы: где они берут деньги и почему они так быстро разучились работать, хотя бы на себя?

Вот в этом деле нам как раз и нужен депутат законодательного собрания. Возможно, мы у него и спросим. Хотя нет, опять я опростоволосился, как говорят у нас на селе. Почему? Да потому что идущий мне навстречу предприниматель Огородников тоже, оказывается, бывший депутат (надо же, запомятовал как-то). Спроси его – разве он ответит. Да, ещё, у нас в селе одна особенность – все избираемые в районное законодательное собрание от нашего поселения – обязательно предприниматели вот такого пошиба. Вот так-то, уважаемый мой читатель. А ты начал возмущаться...

Так вот, сидит этот депутат Голодранцев за кухонным столом и чешет шариковой ручкой свою репу. А я, пока он это делает, попытаюсь изложить, как этот индивид с такой ужасной фамилией стал вдруг депутатом. Да и вообще, кто же он такой.

Фамилия Сидора Евсеевича точно отражала сущность этого, с позволения сказать, человека. Как внешнюю, так и внутреннюю её части. Был он коренной житель села Горёвки, профессии никакой не имел, поэтому к различным видам работ относился, как говорится, с ленцой. Чаще вообще не работал – состоял на учёте в службе занятости. Исходя из расчётов такого денежного обеспечения, хозяйство его, старенький домик и огород, приходили постепенно в упадок. И до такой степени, что домик этот, размером шесть на четыре, отдалённо напоминал Пизанскую башню. А огород, имея развалившуюся ограду, зарос весь хреном.

Жена его Устинья Ермолаевна была деревенской глуповатой женщиной, не будь она такой, разве пошла бы она за Голодранцева замуж. Но то ли случайно, то ли Сидор Евсеевич специально сделал такой выбор, фамилию жена его имела совершенно противоположную мужниной. Устинья Ермолаевна была Скоробогатовой, но так же, как и муж, состояла на учёте в службе занятости.

Кто другой немедленно уцепился бы за такое счастливое совпадение и взял фамилию жены. Но не таков был Сидор. Он, видимо, по генетическому наследству (с послереволюционных времён) гордился не только своей фамилией, но и своим происхождением. Если где-то ему приходилось отвечать на вопрос о его социальном положении, он с гордостью говорил: «Пролетарии мы». Вкладывал в это выражение примерно такой смысл: всё то, к чему бы я ни прикасался, пролетает мимо. Детей эта замечательная пара не имела.

Но была одна положительная особенность у Сидора Голодранцева, он очень любил читать. Конечно, свою библиотеку с такими доходами не заимеешь, но в селе Горёвке была отличная общественная библиотека, и он, как никто другой, пользовался её услугами. Читал не только книги, но и очень любил политические статьи в газетах. Особенно ему нравились статьи о председателе партии ЛДПР Владимире Жириновском.

– Какой решительный человек! – восхищался Сидор, глядя в пустые глаза своей возлюбленной. – Чуть что не так – на тебе стакан воды в морду! А как он говорит громко и без боязни! Что на ум придёт, то и лепит. Вот бы мне так, – продолжал рассуждать Голодранцев, – я бы этих местных предпринимателей-лавочников придавил к стене, да за шею – и за околицу.

Ненависть к местным торгашам была основной непоколебимой чертой Сидора Евсеевича Голодранцева по многим причинам.

В лихие девяностые годы, когда всякая шваль бросилась ловить рыбку в мутной воде, Голодранцев тоже, покинув свою Горёвско-Пизанскую башню, рванулся в город, расположенный в тридцати километрах от села, как он говорил: «Срубить «бабла» (в переводе на русский – заработать по-лёгкому)».

Без особого труда вписался в шайку таких же голодранцев (это уже не фамилия), которые организовали фирму по распродаже имущества брошенных бывших госпредприятий. Торговали-торговали, нарубил этого самого бабла по-лёгкому. Настало время дележа, и тут выясняется, что Сидора Голодранцева, оказывается, в эту компанию никто не приглашал и знать его никто не знает, а может, просто не желает этого делать. Деньги городские «предприниматели» поделили между собой, предварительно вытащив их из мешка, а мешок надели Сидору на голову и пинком ниже поясицы сопроводили в сторону

села. Так закончились торговые взаимоотношения города с деревней в лице Сидора Евсеевича Голодранцева. Какая уж тут любовь к торговле после такого беспредела.

Кроме того, местные торгаши никогда не отпускали Сидору свои товары в долг. Другим давали, а ему нет, не надеялись, что при таких доходах ему когда-нибудь удастся погасить задолженность. И тогда Евсеевичу приходилось подрабатывать у этих же торговцев: разгружать товары либо выполнять другую грязную работу.

И последняя причина – ему, да и не только ему, не нравились неустойчивые цены на товары. Идешь в лавку с одним расчётом, а приходишь – все твои надежды рушатся, глядь, цена уже не та: изменилась, и не в сторону понижения.

Вот из чего складывалась ненависть Сидора Евсеевича к местным предпринимателям. И он дал себе зарок: «Никогда не при каких обстоятельствах не заниматься этим паршивым делом».

А так как в районном законодательном собрании все депутаты от села Горёвки были торгаши, как он их называл, «спекулянты», то и депутатов Голодранцев недолюбливал тоже. И всей своей пролетарской сущностью подавлял возникающие иногда желания связать свою судьбу с этой братией. Но судьба иногда, не обращая внимание на наши желания, расставляет ловушки на скользком жизненном пути. Вот и наш герой не смог проскочить мимо оной, и сам захлопнул её дверку за своей истощённой спиной.

3

Как уже говорилось выше, Сидор Евсеевич очень любил читать. И вот, придя однажды в библиотеку, он обнаружил на полке новую книгу Александра Дюма «Граф Монте-Кристо». Ну как новую? Не то чтобы она

была написана вчера. Нет. Но обложка её сияла и пахла свежей типографской краской, и до того приятен был запах, что рука сама потянулась к тому и уже не выпустила его до самой панцирной кровати в халупе Голодранцева. Растянувшись на необычайно древней панцирной сетке, Сидор три раза перечитал и перебрал в голове удивительные приключения главного героя Эдмона Дантеса. И, не раздумывая долго, причислил его к группе своих любимых героев. Нужно отметить, что эта группа была необычайно мала, в ней находился пока что только Владимир Вольфович Жириновский. И вот туда был допущен теперь Эдмон Дантес.

Голодранцев хотел четвёртый раз перечитать полюбившуюся книгу, но другие читатели горёвской библиотеки выразили протест голосами с повышенной тональностью, иногда переходящей в непечатные выражения. Им тоже очень хотелось, хотя бы мысленно, побыть графьями. А так как Сидор духом был слабават, а может, просто ленив и не хотел связываться с интеллигентской братией, под напором столь убедительных требований он принёс полюбившуюся книгу в библиотеку.

И надо же было такому случиться, в это самое время по библиотечному телевизору выступал Владимир Вольфович. Своего телевизора у Голодранцева не было, и он часто пользовался услугами модельной библиотеки, бесплатно, естественно.

– Однозначно долой! – кричал председатель партии ЛДПР. – Мои соколы будут голосовать против! – и так далее и тому подобное.

Сидор Евсеевич замер, восхищённо уставившись в экран телевизора, его взгляд пылал преданностью и безграничной любовью. Если бы Владимир Вольфович увидел в это время Сидора, он бы без всякого сомнения принял Голодранцева в свою партию, не отходя от думской трибуны.

«Вот это люди! – думал Сидор о своих любимчиках. – Как они расправляются со своими недоброжелателями! Один – хитро и умно, другой – однозначно, решительно. Вот бы мне так, я бы этих спекулянтов собрал в кучу, мешок на голову – и вон из села!»

Налюбовавшись вволю на своего кумира, Сидор взял очередной художественный томик. Совсем собрался уходить, но тут его взгляд упал на подшивку газет «Цементная правда». На первой странице красным по белому, сияя, подмигивало объявление, что такого-то сентября в Цементно-Шиферном районе состоятся выборы в законодательное собрание. Заявления принимаются как от партий (по партийным спискам), так и от самовыдвиженцев. При подаче заявлений нужно при себе иметь декларацию о доходах.

Воодушевлённый речью Жириновского и недавно прочитанной книгой, Сидор остолбенел, и крамольная мысль начала потихоньку закрадываться в разгорячённые мозги: «А чем я хуже других? Возьму и напишу заявление. А вдруг получится? Вот тогда и сочтёмся с этими спекулянтами!»

И он почти уже убедил себя в правильности принятого решения, но слово «декларация» острым гвоздём шевельнулась в его мозгах. Ему ли с его доходами бояться этого слова. Но, провернув ещё пару раз в сознании это колкое словцо, он решительно отнёс возникшее вдруг желание.

«Пошли они к дьяволу со своей декларацией!» – подумал он и пошёл в свою халупу с твёрдым намерением развалиться на панцирной койке и, уткнувшись в книгу, проживать чужую судьбу.

С трудом открыв покосившуюся дверь в свою лачугу, Сидор неожиданно уловил необычайные для его обители тревожные звуки. Вроде бы кто-то посапывая, хрюкал, как поросёнок, затем на минуту затихал и начинал повизгивать, как щенок. Внимательно при-

смотревшись в тёмный угол подслеповатым взглядом, он обнаружил свою разлюбезную жёнушку Устинью Ермолаевну, которая, прижавшись к давно не беленой стене, безутешно рыдала.

– Ты чего, Устинья, нюни распустила? Сон плохой увидела, что ли? – облегчённо вздохнул Сидор, напуганный сначала необычными звуками.

– Какой сон! Тут наяву можно с ума сойти. Как мы теперь зимовать будем?

– Да что случилось? Выкладывай!

– Что-что? Совсем озверели эти предприниматели. Пошла сегодня к Тарасу Ямщикову, чтобы он нам угля привёз, а он мне: «Маловато, Устинья, деньжат-то у тебя. Уголёк подорожал, да и я за привоз тышчонку накинул».

– Как так?! – вспыхнул Сидор.

Он вспомнил, с каким большим трудом они наскребли из своего скудного бюджета денег на уголь. А какой-то Тарас, обманным путём завладевший совхозным самосвалом и теперь доставляющий уголь в село, вдруг всё решил по-своему. Представив ненавистное лицо Тараса, Сидор размахнулся и метнул взятый в библиотеке томик под панцирную сетку:

– Ну всё! С меня хватит! Иду в депутаты! Я вам покажу кузькину мать, капиталисты проклятые!

4

Рано утром Голодранцев на попутных машинах отправился в районный центр. Без особого труда нашёл здание районной администрации, нужный кабинет, на двери которого крупными буквами было написано: «Районная избирательная комиссия», и без ступа решительно переступил порог.

От такой поспешности сидящая за столом пожилая женщина вздрогнула и подозрительно уставилась на Голодранцева:

– Что вам нужно, гражданин?

Окинула его теперь уже презрительным взглядом, видимо, слегка удручённая потрёпанным внешним видом вошедшего.

– Я не гражданин, я будущий кандидат в депутаты от села Горёвка Голодранцев, – раздражённо парировал Сидор, уловив этот презрительный взгляд.

«Смотрит, прямо как наши спекулянты», – зло подумал он.

– А вы кто такая? – в свою очередь спросил Сидор.

– Я председатель избирательной комиссии Надежда Григорьевна Атаманова, – убрав с лица различные оттенки мимики, уже более миролюбиво ответила она.

– Тогда я к вам. Прошу зарегистрировать меня в кандидаты.

– Вы в этом твёрдо уверены? – окинув его неказистую потрёпанную фигуру ещё раз внимательным взглядом, спросила Надежда Григорьевна.

– Да! А в чём дело? Каждый гражданин, достигший восемнадцатилетнего возраста...

– Да нет-нет, всё в порядке, – перебила председательша законодательные познания Голодранцева, – вот вам лист бумаги, пишете заявление. А вот вам бланк декларации о доходах. Если ваши доходы не уместятся на одном, я вам дам другой бланк, – и ещё раз испепелила будущего кандидата презрительным взглядом.

Сидор Евсеевич намёк понял и, заполняя декларацию, хотел написать: «Ничего нет», но, вспомнив свой огород, издевательский намёк председателя, жирно вывел: «Кроме хрена, нет ни хрена». И так же ехидно улыбнувшись, подал бумаги Надежде Григорьевне.

– Уважаемый гражданин Голодранцев, а где же ваши фотографии?

– Какие фотографии? Про них в газете ничего написано не было, – удивился Сидор.

– Нужны две фотографии три на четыре, иначе я ваши документы не приму! – заявила председательша.

– Что за дьявольщина, у меня и денег-то нет на эти фотографии.

– Послушайте, гражданин Голодранцев, с вашей фамилией и вашими доходами на выборы лучше идти по партийным спискам, – с глубоко скрытой иронией посоветовала Надежда Григорьевна.

– Да я не член партии, – не уловив подвоха, сознался Сидор.

– Но это не велика задача. До выборов ещё месяц, и у вас есть возможность стать членом. Вот рядом с администрацией здание, в нём расположены штабы сразу двух партий: ЛДПР и КПРФ. Дерзайте, там и фотографии бесплатно, и надежда на избрание выше.

Сидор Евсеевич быстро отыскал нужное здание. Вошёл внутрь и начал читать расположенные на дверях таблички. «Штаб партии ЛДПР», – на первой же от выхода двери прочёл Сидор. «Это то, что мне и нужно», – обрадовался он.

Полюбовавшись красиво оформленной надписью, он осторожно постучал.

– Кто там? – выдохнул неустойчивый нервный алыт. – Заходите.

Переступив порог, Голодранцев внимательно начал осматривать кабинет, он так давно хотел прикоснуться к таинству внутреннего содержания любимой партии, что, засмотревшись на различные вымпелы, символы и другие безделушки, развешанные на стенах и расставленные по углам, забыл, зачем пришёл.

– Эй ты, бомжара, зачем пришёл? Я милостыню не подаю!

Сидор вздрогнул и только сейчас увидел сидящего за столом длинного худого человека, нервно перебирающего содержимое стола.

– Я не бомжара, я Голодранцев, хочу вступить в ряды вашей партии, чтобы идти списком от неё в депутаты, вот мои документы, – и Сидор положил на стол декларацию и заявление. – А вы кто такой? – в свою очередь спросил он.

– Я председатель партии ЛДПР в данном районе Масловский, – не переставая шарить руками по столу, ответил нервный человек и посмотрел на бумаги Сидора.

Вот его руки схватили авторучку, отшвырнув её, вцепились в папье-маше. Сидор на всякий случай пригнулся. Руки побежали дальше и вцепились в декларацию Сидора.

– Слушай ты, Голодранцев, а чем же ты собираешься взносы платить? У тебя же ни хрена нет! – вспыхнул председатель, его руки, откинув декларацию и заявление Сидора на пол, вдруг вцепились в стакан с водой.

Голодранцев, вспомнив предвыборные дебаты Немцова и Жириновского, стремительно отпрянул от стола.

– Хрена-то как раз у меня полно! – парировал он.

– Вот что, Голодранцев, – отпив глоток воды, уже спокойнее сказал Масловский, – с твоими фамилией и декларацией лучше идти в штаб КПРФ, третья дверь справа по коридору. Всё, свободен, – и он снова принялся сучить руками по столу.

– Как же так? Я с большим уважением отношусь к Владимиру Вольфовичу, он мой кумир, я на него молюсь, – попытался лестью втереться в доверие Сидор.

– От твоего уважения денег в нашей казне не прибавится. Так что придётся тебе полюбить Зюганова.

Голодранцев, бесцеремонно отвергнутый представителем любимой партии, вывалился в коридор. И несколько минут не мог одуматься. Стоял, вытаращив глаза, посреди коридора. Хотя с ним поступили, если рассудить здраво, именно по-жириновски: однознач-

но, решительно. Постояв ещё некоторое время, Сидор двинулся по коридору и, действительно, на третьей двери справа увидел не менее красивую табличку: «Штаб партии КПРФ, председатель Брюханов». Он осторожно постучал по двери согнутым пальцем.

– Да! Товарищ, войдите, – послышался из-за двери густой бас.

Приободрённый таким вежливым приглашением, Сидор быстро вошёл в кабинет и вдруг неожиданно отрапортовал:

– Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

За большим дубовым столом сидел большой толстый человек и удивлённо, раскрыв рот, смотрел на пришельца.

«Это что за голодранец с лозунгами?» – медленно переваривал он в крупной голове. Затем, хлопнув глазами, заполнил кабинет густым басом.

– Это старая песня, батенька, я на такие лозунги милостыню не подаю.

– Да я не за этим пришёл, – смутился Сидор, – мне бы в партию членом, а затем общим списком на выборы и в депутаты. Вот у меня и декларация есть, – и он положил на стол свои листки.

– А ты взносы-то чем платить будешь? – заглянув в декларацию, заревел председатель Брюханов.

– Так мне Масловский сказал, что у вас всё бесплатно, коммунизм всё-таки.

– Ах вон оно что! Значит, ты сюда припёрся в надежде получить бесплатные талоны на обед, а нажравшись, таскать транспаранты с надписью: «Долой капиталистов»? – распаялся Брюханов. – Нет, батенька, мы коммунисты, да не те, у нас капиталу раза в два больше, чем у элдэпэровцев. Этот подлец, Масловский, пользуется тем, что их дверь первая от входа, и посылает к нам всякую дрянь. Ишь чего захотел, общим списком в депутаты. Дёргай отсюда да свои

богатства не забудь, – и он брезгливо двумя пальцами взял бумажки Сидора и швырнул их на пол.

Сидор, схватив заявление и декларацию, униженный и оскорблённый, вывалился из подъезда, так и не став членом.

– Ну, сволочи, погодите! – взревел он на всю улицу и, сунув бумажки за пазуху, двинулся домой на попутных машинах.

5

На следующий день Голодранцев потихоньку, пока не проснулась Устинья Ермолаевна, вытащил двести рублей из припасённой суммы на приобретение угля и опять на перекладных отправился в районный центр. Сфотографировавшись, пошёл в избирательную комиссию с полным пакетом документов для регистрации в кандидаты в районное законодательное собрание.

– Что, уважаемый гражданин Голодранцев, не удалось вам стать членом? Видимо, ваша декларация не достаточно убедительна для партийных деятелей? – ехидно прищурив не совсем ясный взор, спросила председатель Надежда Григорьевна Атаманова.

– Нет, не удалось, но они ещё пожалеют об этом, – недовольно проворчал Сидор, а про себя подумал: «Да и ты тоже». Каким образом он собирался провести процесс отщепенца, Сидор и сам не знал, но, униженный и оскорблённый партийными деятелями, пытался сбросить пар озлобленности хотя бы словесно.

Зарегистрировавшись в кандидаты, Сидор Евсевич Голодранцев отправился в родную Горёвку, чтобы окунуться в океан предвыборной борьбы. А борьба предстояла жестокая, так как в этом океане уже плавали бывшие депутаты Огородников и Садоводников, а также неожиданно в его воды заплыл «углевоз» Тарас Ямщиков.

Предприниматели, не жалея денег, заказали себе красивые предвыборные агитационные плакаты. На лощёной бумаге красовались различные виды товаров, реализуемые в настоящее время. И ещё более красочными выглядели товары, которые будут реализовываться в будущем, если их владельцев изберут депутатами. Огородников и Садоводников обклеили этими плакатами свои торговые точки и заборы на главной площади села.

На плакатах же Тараса Ямщикова была изображена грузовая машина с полным кузовом отборного угля, и на её борту подмигивала надпись: «Эх, привезу». На заднем плане располагалась машина побольше, с надписью: «Привезу ещё больше, когда стану депутатом». Однако цены за предлагаемые товары и за «Эх, привезу» не указывались, что вызывало некоторое сомнение в возможности приобретения угля в большом количестве сейчас и в будущем. Тарас наклеил плакаты на свой автомобиль и периодически объезжал село из конца в конец по центральной улице.

В ответ на происки своих соперников Сидор снял с панцирной сетки последнюю простыню и, разведя сажу в воде, нацарапал на ней лозунг: «Безработные всех стран, объединяйтесь!». Затем, выправив два кола на завалившейся ограде, натянул это произведение между ними. Издалека жилище Голодранцева стало напоминать пиратский форпост с застывшим над ним Весёлым Роджером (так пираты называли свой флаг).

Но ни красивые плакаты предпринимателей, ни простыня Сидора не могли определить предвыборный рейтинг кандидатов. Все ждали, когда же эти самые кандидаты сойдутся в словестной схватке (со своими программами и обещаниями).

И вот эти дебаты наконец-то состоялись в местном Доме культуры.

Предприниматели большего, чем уже было изображено на плакатах, предложить ничего не могли. Обещали снизить цены на некоторые виды реализуемой продукции да выставили по три ящика бесплатного пива собравшимся на слушание мужикам.

– Маловато будет! – недовольно проворчали те и, сидя в креслах Дома культуры, обещания слушали не совсем внимательно, зато с удовольствием причмокивали из горла бесплатное пиво, иногда кидали реплики:

– Брехня всё это!

Тарас Ямщиков за день до предвыборных дебатов привёз инвалиду Костылёву бесплатно тонну угля и теперь раз десять с трибуны рассказывал об этом. На что последовали колкие замечания в его адрес от разогретых пивом мужиков.

– Ну всё, наш Тарас разорился, – подначивали одни.

– Ни хрена, он на других отыграется, – кричали другие.

– Хватит, пусть говорит Голодранцев, – выкрикнул его сосед по дому Макар Безденежный.

Сидор никогда ранее не говаривал речей с трибуны, но частенько смотрел в библиотеке по телевизору, как это делает его кумир Жириновский. И он, набрав в лёгкие побольше воздуха, стремительно выбежал к трибуне и, взмахнув зажатой в руке декларацией, вдруг так завопил, что мужики, вздрогнув, перестали пить пиво, а некоторые женщины даже взвизгнули.

– Однозначно долой этих спекулянтов! – кричал он. – Гнать их надо из села! Вы посмотрите на их декларации, они у них в нескольких томах. А вот моя, – и он взмахнул зажатым в руке листком, – жить надо так, как живу я, а не так, как эти мироеды! – Он хотел схватить стоящий на трибуне стакан с водой и плеснуть её в сидящего рядом Тараса Ямщикова, но местный участковый из первого ряда показал Сидору кулак.

– А хлеб мы будем где брать? – вдруг визгливо завопила из зала бабёнка.

Мужики, представив себе, как живёт Голодранцев, быстро сделав по большому глотку пива, не сговариваясь, в один голос наложили резолюцию на его выступление:

– Да пошёл ты на ...! Долой! Проваливай с трибуны!

Оказалось, так жить, как живёт Сидор Голодранцев, никто не хотел.

Окрылённые первым успехом предприниматели покидали поле боя, радостно потирая руки. Им ещё предстоял второй тур предвыборных дебатов между собой, на котором окончательно должен был определиться фаворит. И тут, потеряв бдительность, они сделали непоправимую ошибку. Не дожидаясь дня выборов, «спекулянты», чтобы возместить понесённые убытки от приобретённых плакатов и бесплатного пива, сделали, по их мнению, небольшую наценку на некоторые товары. Как им казалось, совсем незаметную. Но они не учли того, что доходы сельских жителей настолько малы, что каждая копейка на счету. Большинство семей живут на дедовскую пенсию. Поэтому подвох был немедленно раскрыт. И когда после выборов открыли урну с бюллетенями, предприниматели вздрогнули, хотели укутить себя за локоть, но не достали – пятьдесят пять процентов голосов получил Голодранцев. От неожиданности фаворит и сам замер, первое время представить себе не мог, что же с этим триумфом делать. А его соперники настолько были поражены произошедшим, что стали творить непонятные и для них самих поступки.

Тарас Ямщиков привёз Голодранцеву уголь по старым расценкам.

Садоводников занял ему двести рублей без назначения срока отдачи.

А Огородников стал отпускать Устинье Ермолаевне продукты в долг.

И все они называли Голодранцева не иначе, как Сидор Евсеевич, что, видимо, и я в дальнейшем иногда буду делать, последовав их примеру.

А новый депутат районного законодательного собрания стал дожидаться организационной сессии, чтобы в дальнейшем определить методы угнетения «спекулянтов» на селе. Но всё повернулось не так, как мечтал Сидор Евсеевич Голодранцев.

6

Председатель законодательного собрания Юрий Иннокентьевич Вольфов был опытный мужик. Он прекрасно знал, что впервые избранные в законодательное собрание депутаты в основном приходят со своими амбициями и чаще попадают сюда по причине глубокой неудовлетворённости состоянием их личной жизни, а некоторые – в надежде на отмщение через приобретённое положение своим обидчикам. Они ещё не догадываются о том, что это приобретённое положение почти никак не выделяет их из обычных граждан. Большинство же – в поисках правды. Поэтому, внимательно присмотревшись к новому депутатскому корпусу, Юрий Иннокентьевич выделил двух персонажей из этого состава: депутата от села Горёвка безработного Сидора Евсеевича Голодранцева и депутата от села Босоноговка директора Дома культуры Ефима Елистратовича Беспардонного.

Так уж получилось, что на первой организационной сессии пришлось не только распределять депутатов по разным комитетам, но и утверждать бюджет на следующий календарный год, так как текущий заканчивался, а бюджет был не утверждён. Эта процедура много времени не заняла. Зашёл к депутатам глава Цементно-Шиферного района Н. А. Коровин, зачитал подготовленный экономистами данный документ, который был быстро принят открытым голосованием.

Он бы ещё быстрее был утверждён, но когда Коровин зачитал статью расходов на оказание помощи малому бизнесу, Голодранцев не выдержал и, вскочив с места, начал протестовать, широко размахивая руками:

– Какая помощь спекулянтам? Их надо гнать с глаз долой!

На что Коровин, оторвавшись от текста бюджетного послания, строго взглянул не на Голодранцева, а на Юрия Иннокентьевича и спросил:

– А это что за фрукт?

– Разберёмся, – успокоил главу председатель.

И чтение продолжилось.

И тут выяснилось, что о культуре в новом бюджете вообще не было ни одного слова. По этому поводу взорвался директор Дома культуры села Босоноговка Ефим Елистратович Беспардонный.

– Как же так? – бурно запротестовал он. – Клуб вот-вот завалится, а денег опять в бюджете на его ремонт не нашлось. Вы же мне в прошлом году обещали. Я до Москвы дойду, – шумел представитель культурного общества.

На что Коровин, не повышая голоса и не меняя интонации, заметил:

– Давай вали, а мы, пока ты ходишь, эту развалюху закроем, всё равно от неё никаких доходов нет. Туда давно уже никто не ходит, – и обращаясь к председателю: – Юрий Иннокентьевич, разберись со своими депутатами.

Когда заседание было окончено, председатель Вольфов предложил Голодранцеву и Беспардонному остаться.

Беседовал он с каждым из них по отдельности. Сначала, оставив Беспардонного в кабинете, предложил Голодранцеву выйти и подождать в коридоре. Тот вышел, но от двери далеко отходить не стал и хорошо слышал всё, о чём говорилось в кабинете.

– Ты чего расшумелся? – строго спросил председатель. – Ты же видишь, какой маленький в нашем районе бюджет. Попробуй-ка угодить всем. А в твой Дом культуры действительно никто не ходит.

– Конечно, кто же пойдёт туда, когда там потолок вот-вот завалится? – не сдавался директор клуба Беспардонный. – Вы же мне уже лет десять обещаете выделить денег на ремонт. Я и в депутаты выдвинулся, думал, что теперь буду участвовать в распределении бюджетных денег и уж вы меня никак не обойдёте, а оказалось, про культуру вообще забыли.

– Где ж этих бюджетных денег наберёшься? Для того чтобы заткнуть все дыры, нужно его увеличить раз в десять, – парировал Юрий Иннокентьевич.

– Где взять? Я знаю! – твёрдо заявил Беспардонный.

На что председатель вытаращил глаза и раскрыл рот, затем сглотнув слюну, заговорщически тихо выдохнул:

– Ну-ка поделись!

– Хорошо, слушай! Я в этом районе прожил всю жизнь, ты тоже. Вспомни, несколько лет назад в этом здании, где мы сейчас находимся, то есть в администрации, размещались все: председатель райисполкома, его заместители, землемер, архитектор, налоговая инспекция, специалист по имуществу, торгово-экономический отдел и даже управление сельским хозяйством. А в районе работали все предприятия и совхозы. А теперь все эти перечисленные специалисты, начиная с землемера, выделены в отдельные комитеты со своими офисами и специалистами, человек по десять в каждом. Куда не зайти в посёлке, натолкнёшься на бюрократический аппарат. И в этом здании администрации народу меньше не стало, в каждом кабинете по три-четыре человека. Это же сколько надо выделить из бюджета денег на их зарплату и на коммунальные платежи за их офисы. А предприятия и совхозы все обанкротились. Непонятно, чем эти комитеты управляют,

коль в районе ни черта нет! Да ты и сам всё это знаешь не хуже меня – за место своё трясешься! – решительно заключил Беспардонный, наплевав на всякий этикет, как человек, которому нечего было терять.

Голодранцев услышал, как тяжело засопел председатель, несколько минут молчал, а затем приглушённым голосом, словно его кто прихватил за горло, просипел:

– Слушай, Ефим Елистратович, ты иди отсюда поскорей, я тебя прошу, больше в этом здании никому подобное не говори, а то потолок твоего клуба упадёт нечаянно на твою умную голову. Тебе до пенсии осталось два года.

– Что, не понравилось? – не унимался директор клуба, выходя из кабинета. Увидев Голодранцева, бросил: – Заходи, твоя очередь, противник торговых рядов.

Сидор Евсеевич после всего услышанного, переступив порог кабинета, неловко начал топтаться у двери.

– Проходи, Голодранцев, садись, – пригласил председатель ещё не отошедшим от недавнего разговора сильным голосом, – ну давай выкладывай, чем тебе не угодили предприниматели, занимающиеся торговлей?

И тут новоиспечённый депутат обнаружил, что ничего вразумительного в ответ на заданный вопрос сказать не может. Он долго собирал всякую ахинею, всё время бессмысленно повторяя одни и те же слова, чаще всего «спекулянты», «мироеды» и прочую чушь. Юрий Иннокентьевич не мешал ему. Голодранцев ещё минут десять погонял языком бесполезные слова, вдруг выдохся, замолчал и, покраснев, засопел, как бык-производитель, увидевший свою любимую тёлку.

– Ну, всё у тебя?! – уже нормальным голосом то ли спросил, то ли поставил точку бредням собеседника председатель. – А теперь послушай, что я тебе скажу! При тебе утверждали бюджет, если ты хотя бы не-

много соображаешь, поймёшь, что он очень мал и не удовлетворяет все потребности района в финансах.

«Конечно, где же он удовлетворит эти потребности», – подумал Голодранцев, вспоминая сказанное Беспардонным.

– Так вот, – продолжал председатель, – если бы эти «спекулянты» не платили налоги, этот бюджет был бы ещё намного меньше. К тому же они периодически помогают школам, выделяют к празднику деньги на подарки, детским садам, домам культуры. На это денег в бюджете нет. Я ведь знаю, каким образом ты попал в депутаты, – продолжал он, – предприниматели промахнулись. Народ-то в селе тебя не уважает. А вот ты и докажи людям, что не лыком шит. Займись, каким-нибудь стоящим делом, покажи на примере, что ты настоящий депутат. А то заладил: «Спекулянты, мироеды...» Тоже мне революционер нашёлся. Иначе, смотри, жители Горёвки соберутся да отзовут твою кандидатуру из депутатов.

Сидор Евсеевич не мог вставить ни одного слова, во-первых, он их просто не находил, а во-вторых, обнаружил, что напористо говорить, оказывается, может не один Владимир Вольфович.

– Ну ты всё понял? – спросил миролюбиво председатель и на кивок собеседника добавил: – Иди, дорогой, и прислушайся к моим словам.

Голодранцев покинул кабинет председателя и двинулся в своё родное село. И нужно сказать, что он сильно изменился, ходил по улицам задумчивый до того, что однажды чуть не угодил под автомобиль Ямщикова. Книги в библиотеке брал теперь с научным уклоном и подолгу рылся в журналах. Видимо, подыскивал подходящее для себя дело, достойное депутата районного законодательного собрания. Но торговые отношения он по-прежнему отвергал, правда, только про себя, как говорится, в душе.

Время летело стремительно, прошла осень, зима, весна незаметно перемахнула в лето, а Сидор Евсеевич всё ещё находился в неопределённости. Он в уме по долгу перелопачивал свои способности, но они были настолько скудны и нежизнеспособны, что даже его жена Устинья Ермолаевна отрицательно трясла головой, когда Голодранцев вслух произносил свои мысли.

И тогда он стал вспоминать действия героев прочитанных им книг и газет в надежде на подсказку к возможному использованию их жизненного опыта. Любимых героев у него было немного, всего два.

В клубах розового тумана всплыл Эдмон Дантес. Депутат думал: «Вот бы мне такие богатства, такой разум, я бы... я бы...», но что можно было извлечь в данный момент из опыта Дантеса, он так и не мог придумать, к тому же бороться с местными предпринимателями ему запретил председатель депутатского корпуса. И он теперь во время заседаний больше молчал и слушал других.

«Нет, гусь свинье не товарищ, – справедливо думал Голодранцев, – с моими богатствами можно бороться только с блохами. К тому же граф долго сидел в заточении». Сидеть в тюрьме Сидору никак не хотелось. И, выбросив одного любимца из головы, он обратил свои мысли к другому.

«Владимир Вольфович, чем же он знаменит, кроме своего нестандартного поведения и вольных мыслей, иногда выражаемых непечатными словами? – вспоминал Голодранцев. – Вот! Он часто утверждает, что читает лекции в высших учебных заведениях за рубежом».

И Сидор вдруг на минуту представил, как Жириновский, размахивая руками и выпучив глаза, «читает» эти самые лекции, а студенты зарубежных вузов, подрагивая всем телом, сидят под столами, надеясь выйти через некоторое время из аудитории живыми.

Такая ситуация, с зарубежными лекциями, – норма жизни депутатов Госдумы.

На вопрос следователя: «Откуда у вас неожиданно появились многомиллионные доходы?» – они, честно глядя в глаза следователя, отвечают: «Дорогой друг, разве ты не знаешь того, что мы были приглашены в Англию и США в высшие учебные заведения для прочтения лекций о международном положении вот за эти самые деньги».

Следователь недоумевает: «Надо же, насколько расточительны эти иностранцы! Неужели у них нет своих лекторов, которые за меньшую сумму долларов могли бы прочесть эти самые лекции».

Я, конечно, так же как и ты, дорогой мой читатель, догадываюсь обо всём, да и следователь тоже, но преодолеть барьер неприкасаемости депутатов мы не можем. Вот ведь какая штука!

Вспомнив о Жириновском, Голодранцев оживился: «Вот настоящее дело, буду читать лекции о международном положении в горёвской библиотеке».

И он, окрылённый посетившей его голову мыслью, кинулся в библиотеку заключать контракт. Но заведующая библиотекой Александра Сергеевна была женщина начитанная и необдуманно в различные авантюры не бросалась:

– Гражданин Голодранцев, задуманное вами мероприятие я вам проводить в библиотеке не разрешу. Во-первых, у вас нет никакого образования. Во-вторых, отсутствует лицензия на право их проведения.

Разочарованный несостоявшийся лектор, понурив голову, отбыл восвояси, как говорится, несолоно хлебавши.

И он совсем уже начал забывать о том, что должен совершить что-то полезное, как неожиданно после очередной сессии был приглашён в кабинет председателя законодательного собрания Вольфова.

– Ну, каковы твои успехи, Сидор Евсеевич? – спросил он. – Что-то до меня не доходят хорошие вести о твоих трудовых либо других полезных для общества подвигах.

На что Голодранцев чистосердечно сообщил положение вещей на текущий момент, сделав особый упор на отсутствие возможности проявления добропорядочных начинаний в силу возникших на их пути препятствий.

– Да, здесь ты, конечно, полез не в своё дело, уважаемый коллега, – назидательно заметил председатель, – образ для подражания тобой выбран не очень удачно. Этот образ Владимира Вольфовича хорош для столицы нашей Родины Москвы, а для села Горёвки он будет не совсем доступен и понятен. Поэтому мой тебе совет: опустишь ты с небес на землю! У тебя земельный участок имеется?

– Да, – согласно кивнул Голодранцев и, вспомнив, в каком состоянии находится этот участок, слегка поёжился.

– Ну вот и займись настоящим делом, – продолжал наступать Юрий Иннокентьевич, – почему бы тебе не организовать крестьянско-фермерское хозяйство, например, по выращиванию картофеля. Картошка-то на рынке с каждым годом дорожает, вот тебе и доход, тем более что по новому указу такие хозяйства на несколько лет освобождаются от уплаты налогов. Как ты на это смотришь, Сидор Евсеевич?

– Это что, опять заниматься торговлей?! – брезгливо поморщился Голодранцев.

– Не торговать, а реализовывать плоды своего труда, добытые потом и кровью! – для убедительности пафосно воскликнул Юрий Иннокентьевич. – Ну давай, дорогой, езжай в свою Горёвку, осуществляй хорошие начинания. Возможно, глядя на тебя, у нас в районе скоро возродится множество крестьянско-фермерских хозяйств.

И надо же было такому случиться, Сидор Евсевич, воодушевлённый проникновенной речью председателя, вдруг почувствовал необычайный прилив сил. И в нём начала укрепляться вера в то, что он действительно способен возродить не только собственное фермерское хозяйство, но и повести за собой весь район.

Но по мере того, как Голодранцев приближался к своему родному селу, пыл его с каждым километром угасал в геометрической прогрессии. И когда он, подойдя к дому, осмотрел свой огород, заросший хреном, этот пыл окончательно остановился на нуле.

8

Однако остатки совести (заметьте, маленькие) всё же иногда между перерывами в чтении книг, нет-нет да напоминали о разговоре с председателем Вольфовым. И вот однажды депутат Голодранцев, с большим трудом отыскав штыковую лопату, отправился в свой заросший хреном огород. Зачем он это сделал? Трудно сказать. Предположим, что, не имея трактора и плуга, он решил лопатой осуществить подъём зяби для урожая картофеля будущего года. И как раз в это время года, а был август, хрен вошёл в зрелую стадию своего развития и захватил земли будущего фермерского хозяйства так интенсивно, что лопату негде было воткнуть.

– Да с такими сорняками справиться мне нескоро удастся, – почесал голову будущий фермер.

Хотел уже бросить лопату и пойти на свою панцирную сетку, чтобы углубиться в мелодраматические события очередного романа, но решил попробовать побороться хотя бы с одним паразитом, так нагло захватившим плодородные земли участка. Тот, кому хоть раз доводилось добывать хрен из земли, прекрасно знает, что это не совсем простая задача. Этот самый

хрен так прочно устраивается на облюбованном им месте, что порой лопата ломается быстрее, чем он оказывается снаружи.

Сидор Евсеевич выбрал самый, по его мнению, большой индивид данного растения и, поплевав на руки, взялся за лопату. Он долго кряхтел, сопел, кружился вокруг ботвы облюбованного хрена и в конце концов примерно через полчаса в его руке оказался прекрасный образец представителя этого растения в три пальца толщиной и в двадцать пять сантиметров длиной. Вытерев пот со лба и прислонившись к покосившейся ограде, Голодранцев невольно залюбовался красотой этого произведения природы, держа его в вытянутой перед собой руке.

В это время по селу на своём джипе ехал олигарх Казнокрадов, богатая дача которого разместилась за околицей села Горёвки, в дачном посёлке. И ехал он не просто так, а с намерением приобрести некоторое количество хрена, так как очень любил закусывать выпиваемую стопку виски хреновской закуской. А тут, глядь, прямо как по волшебству, – стоит гражданин и держит в руке прекрасный образец того самого искомого растения.

– Эй ты, гражданин, – обратился Казнокрадов к замершей фигуре, – хрен продаёшь?

– Я не гражданин, – очнувшись, вздрогнула фигура, – я депутат Голодранцев. Ни о каких продажах слышать ничего не хочу.

– Да мне всё равно, кандидат ты или депутат, – Казнокрадов не терпел возражений, – мне нужен хрен – и баста.

Голодранцев не успел и глазом моргнуть, как его собеседник вышел из машины. Выдернул из рук его хрен и вложил двести рублей. Сидор очнулся лишь тогда, когда джип скрылся в пыли за поворотом. Глянул на руку, на две купюры по сто рублей каждая и хо-

тел возмутиться: «Это что же такое?! Неужели я вступил в торговые отношения с олигархом?! Стоп! Почему в торговые? Мне же председатель законодательного собрания Юрий Иннокентьевич Вольфов сказал, что с крестьянского хозяйства можно заниматься реализацией собственной продукции. Да, но где это крестьянское хозяйство? – сомневался Сидор Евсеевич. – И хрен я вроде не выращивал, он сам вырос. А впрочем, почему и нет. Огород мой, значит и хрен, сам он вырос или я вырастил, всё равно мой».

Голодранцев быстро засунул двести рублей в карман, спрятал в хреновской ботве лопату и пошёл на свою любимую панцирную сетку.

«Не многовато ли за один хрен двести рублей?» – подумаешь ты, уважаемый читатель. Наверное, много, поддержу и я тебя, хотя что такое двести рублей? Всего лишь три доллара в международной валюте. Это только когда телеведущие и экономисты по телевидению стараются заморочить нам мозги, утверждая, что рубль растёт и укрепляется, нам кажется, что это действительно правда. А спроси ты этих дикторов и экономистов, в какой валюте они хранят под матрасом деньги, они тебе не ответят. Почему? Да потому, что чихать они хотели на твой рубль, в матрасах у них защиты доллары и евро. Так что двести рублей за один подходящий хрен – это недорого. Да и олигарх Казнокрадов дал бы больше, но у него в кармане завалились эти двести рублей, а из матраса доллары он сегодня забыл вытащить.

На второй день Голодранцев, уткнувшись в книгу, лёжа на панцирной сетке, услышал какой-то шум, как будто морские волны накатывались на его убогую халупу, вдоволь налюбовавшись на этот исторический предмет, снова удалялись в морские просторы.

Встать не хотелось, и он толкнул в бок лежащую рядом Устинью Ермолаевну.

– Глянь-ка в окно. Что там творится?

Та, выглянув в окошко, перекрестилась и в панике забормотала:

– Сидор, народу тьма у нашего дома собралась. Наверное, хотят тебе выразить недоверие и отозвать из депутатов.

Голодранцев решил спрятаться в подпол, но, вспомнив, что там не убрана ещё прошлогодняя гнилая картошка, метнулся на чердак. Залез уже почти на половину лестницы, но перекладина не выдержала, и он, больно ударившись об пол, выкатился на крыльцо, прямо перед требовательные очи народного собрания. Присмотревшись, Сидор обнаружил, что у ограды собрались дачники с расположенного за селом дачного посёлка. Ни одного односельчанина в этой толпе не было.

«Слава богу! – подумал депутат. – Отчитываться не придётся!»

– Что здесь собрались? Чего надо? – строго спросил он.

– Сидор Евсеевич, – обратился первый стоящий у ограды дачник, – мы к вам с большой просьбой. Мы все очень любим хреновскую закуску. Продайте, пожалуйста, нам вашего превосходного хрена. Олигарх Казнокрадов очень хвалит. Он тоже сейчас достанет из матраса доллары и присоединится к нам.

Голодранцев сначала подумал, что собравшиеся у его покосившихся ворот дачники от нечего делать, подвыпив, решили над ним посмеяться. Но присмотревшись повнимательней, иронии на их лицах не заметил. Наоборот, они были похожи на людей, стоящих в очереди за дефицитным товаром, в надежде скорее получить этот товар и использовать его в нужных целях.

В это время подкатил олигарх Казнокрадов и, увидев растерявшегося Сидора Евсеевича, привычным приказным тоном загудел:

– Эй, депутат, что стоишь варезжку разинул. Давай приступай к реализации своего богатства. Видишь, какую я тебе рекламу сделал, так что лучший хрен – мне, – расталкивая народ, приблизился он к воротам. – Везёт же дуракам – такой хрен с неба в руки свалился.

После этих слов до Голодранцева наконец дошло, что всё происходящее не сон и не шутки, а действительность, которая теперь возвысит его в глазах избирателей и, конечно, председателя законодательного собрания Юрия Иннокентьевича.

– Одну минуту, граждане, я не готов вот так сразу обеспечить вашу потребность. Попрошу вас подойти через пару часов. Не так просто нарыть кучу хрена.

Но граждане уходить не хотели.

– Иди рой, мы подождём! – приказал олигарх Казнокрадов голосом, не терпящим возражений.

Сидор Евсеевич схватил пустое ведро, махнул рукой Устинье Ермолаевне, мол, давай присоединяйся, и ринулся в огород в надежде быстрее наполнить ведро хреном и приступить к удовлетворению потребностей страждущих. Но всё пошло не по его плану. Первые три корнеплода, никого не подпуская близко, забрал олигарх, при этом кинул в ведро несколько купюр, не считая. Как только он уехал, очередь тут же перестала существовать. Стоило Голодранцеву выкопать следующий хрен, как его тут же выхватывали из рук, не забывая при этом сбрасывать в ведро купюры. К обеду желающих наконец-то поубавилось, и вскоре последний из них, забрав очередную партию корнеплодов и кинув несколько купюр, ушёл домой. Хозяин огорода еле стоял на ногах. Ведро было наполнено измятыми купюрами.

Столько денег ни Сидор, ни Устинья в своих руках сроду не держали. Для четы Голодранцевых эти деньги были большие. Трясущимися руками медленно прощупывая каждую купюру, с большим удоволь-

ствием они разложили хрустящие бумажки в стопки, туго перевязывая их шнуровой резинкой. Красные, синие, пёстрые... И вдруг на дне выделились две зелёные бумажки с чужеземными буквами, цифрами 10 на каждой из них и изображением незнакомых мужиков в американских камзолах.

– Доллары, – догадался Сидор, – Казнокрадов заплатил, больше некому.

Собранные пачки денег, пометавшись по избе, хозяин, отодвинув кирпич из печки, засунул в дымоход. Печка всё равно не топилась, требовала ремонта. До самого вечера супруги не знали, куда себя деть, заговорщически глядя друг на друга, бесцельно бродили по избе. Ночью тоже сон долго не приходил к ним, и лишь под утро он, пометавшись по душевной комнате, овладел их растревоженными душами. Но долго спать им не пришлось, уже в девять утра у ворот их халупы собралась толпа желающих приобрести дары природы в виде знаменитого уже депутатского хрена. Как выяснилось позже, название это родилось ещё вчера, спонтанно.

Заметив движущуюся по селу толпу дачников, местный глава, надо же ему было как раз появиться, спросил:

– Это куда вас несёт, граждане, без ведома сельской администрации?

И граждане, чтобы их движение не было прервано, решили выдать веский аргумент:

– Идём к депутату законодательного собрания за хреном.

– А, – сказал глава, – тогда всё понятно. Больше вопросов не имею.

«За каким хреном их несёт к депутату?» – мелькнула позже в голове его мысль, но другая, более ценная, административная, выдавила первую из этой головы на неопределённое время.

А у дома Голодранцевых всё, произошедшее вчера, повторилось вновь. Только в толпе желающих приобрести хрен были уже замечены и жители села Горёвки.

Вечером, упаковав и спрятав деньги, Сидор Евсевич, ласково глядя в глаза Устинье Ермолаевне, сообщил:

– Ну всё, Устиньюшка, завтра в нашей работе делаем перерыв, едем в район. Зарегистрируем своё крестьянско-фермерское хозяйство, а то кончится хрен, а Юрий Иннокентьевич так и не узнает, что я наконец-то нашёл нужное любимое дело.

На второй день, написав всё на той же простыне: «Выходной», чета Голодранцевых двинулась в район. Ехали уже не на перекладных, а на автобусе. И как приятно было рассчитывать своими собственными деньгами и ловить на себе недоумённые взгляды: «Откуда у Голодранцевых деньги?», видимо, ещё не до всех дошла новость об их неожиданно привалившем счастье.

Хозяйство зарегистрировали быстро, Юрий Иннокентьевич помог, Сидор ему за это подарил пучок хрена хорошего качества.

Так в селе Горёвке появилось крестьянско-фермерское хозяйство Голодранцевых «Хрен редьки не слаще».

9

Приехав домой, новый фермер решил систематизировать реализацию своей продукции. Прежде всего он пошёл в огород, чтобы определить количество реализованного и оставшегося хрена. Из пятнадцати соток приусадебного участка нетронутыми оставались примерно тринадцать.

«Жалко, что я не занял тридцати соток», – подумал Сидор, ранее он не замечал за собой склонности к алчности.

Но пройдя к дальнему забору, то есть к его развалинам, Голодранцев облегчённо-радостно вздохнул: за забором до самого леса находилась ещё одна деляна соток на десять, которая никому не принадлежала и тоже густо заросла хреном. Он сбегал за топором, вырубил несколько кольев в этом же лесу и быстро за столбил участок.

Придя домой, отправил Устинью Ермолаевну в магазин за продуктами и заодно наказал приобрести толстую тетрадь, шариковую ручку и кисточку. Поужинав, Сидор разлиновал тетрадь на столбики, в каждом из них указал номинальную стоимость купюры: пятьдесят, сто, пятьсот и тысяча рублей. Получилась, так сказать, расчётно-кассовая книга. Графу для учёта долларов он уважительно обвёл красным карандашом. Затем пошёл в кладовую, где валялся всякий хлам, вытащил из-под него старинный сундук, окованный полосами заржавевшего железа. Аккуратно вложил в него пачки денег и задвинул сундук под панцирную сетку. Затем нашёл завалявшуюся фанеру, опять густо развёл сажу и кисточкой крупно вывел на листе фанеры:

«Реализация фермерской продукции проводится с 9:00 до 17:00 без выходных.

Перерыв на обед с 12:00 до 13:00».

Ниже помельче написал: «Цены на приобретение хрена зависят от его размера:

25 см и выше – 200 руб. / 3 доллара за штуку.

20 см и выше – 150 руб. / 2 доллара за штуку.

15 см и выше – 100 руб. / 1,5 доллара за штуку.

Мелочь, то есть нестандарт – 66 руб. / 1 доллар за горсть».

Встал со стула, отряхнулся, взял большой гвоздь, молоток и прибил данный распорядок организованного хозяйства к столбу электролинии, который одновременно являлся частью опоры хозяйской ограды.

Отошёл подальше, полюбовался, довольно улыбнулся и бросил в сторону магазинов своих соперников:

– Вот так-то, хмыри долбаные!

Все оставшиеся дни августа и сентябрь новые фермеры реализовывали продукцию своего хозяйства. В желающих приобрести хрен недостатка не было, ведь всем известно, что приготовление хреновской закуски как раз проходит в это время.

Среди депутатов районного звена у Сидора Евсевича авторитет рос как на дрожжах. Немалую роль в этом играл председатель Юрий Иннокентьевич, который при каждом удобном случае приводил в пример крестьянско-фермерское хозяйство Голодранцевых, за что всегда при встрече с Сидором получал лучший пучок хрена.

В конце сентября запасы любимого корнеплода неожиданно закончились. Но Сидор Евсевич, к удивлению соседей и даже самого себя, на панцирную сетку читать очередной роман не пошёл. А начал готовиться к сбору урожая следующего года. Пересчитал полученные от реализации деньги, сумма получилась приличная. Но руки его от жадности не дрожали, он как-то уже довольно быстро привык к их постоянно наличию. Доллары (а они тоже нередко попадали в его руки при расчёте) он с особым почтением сложил в отдельную пачку, обвязал целлофаном и спрятал на завалинке в подполье. Проделав финансовые операции, Сидор Евсевич приступил к хозяйственной деятельности.

Прежде всего он, закупив круглого леса и горбыля, начал возведение городьбы вокруг своего участка, заодно прихватив и тот, который находился за его огородом. И не зря Сидор начал свою деятельность с ограды, так как давно заметил, как Макар Безденежный, его сосед, частенько заходил в его огород и набирал бесплатно целую охапку хрена. Многие жители

села поговаривали, что он даже торгует втихаря соседскими корнеплодами.

У Сидора Евсеевича хоть и дрянная ограда, да всё же была, а у Макара Безденежного не было и намёка на её существование. Поэтому все сельские свиньи постоянно лежали на поляне у его дома, а належавшись, начинали рыть землю в поисках корешка либо червячка. Можете себе представить, что там творилось. Поэтому тут уж не до хрена, лишь бы хату не подкопали.

Закончив с оградой, он нанял печника, отремонтировал печь, благо уголь у них с Устиньей Ермолаевой теперь был постоянно. Панцирную сетку менять не стали, так как необычайно крепко прикипели к ней всей душой. А вот простыни купили новые, целые две. И самое главное, Сидор Евсеевич выписал полное собрание сочинений Александра Дюма, в тридцати томах. Прodelав всё это, он, наконец-то, улёгся на панцирную сетку с новой простынёй, крепко вцепился в первый том любимого писателя и начал дожидаться следующего «хреновского» сезона.

Зима прошла под чтение захватывающих романов довольно быстро. Деньги чета Голодранцевых расходовала экономно, и к лету их было ещё достаточно, для того чтобы не впасть в зависимость от местных «спекулянтов».

Депутатские обязанности Сидора Евсеевича сильно не угнетали. Озлобленность к своим противникам он с помощью председателя Вольфова быстро унял. Научился пропускать мимо ушей поставленные на заседаниях вопросы и молча поднимать руку, выражая беспрекословное согласие с их содержанием.

Последователей его примеру не нашлось, несмотря на агитацию, исходящую от Юрия Иннокентьевича, крестьянско-фермерским хозяйством никто из депутатов заниматься не хотел.

Дочитав пятнадцатый том собрания сочинений А. Дюма, Сидор, выглянув в окно, заметил, как распустились листочки на деревьях находящегося за его огородом леса. Положил книгу на подоконник и двинулся в огород. Из земли показались уже мелкие ярко-зелёные всходы желанного корнеплода. Присмотревшись повнимательней, хозяин заметил, что всходы как будто стали чуть-чуть пореже прошлогодних. Испытывая тревогу за новый урожай, Сидор Евсеевич стал ежедневно по нескольку раз в день обследовать всходы. Они же росли не по дням, а по часам и к концу июля выровнялись и поднялись уже до колен фермера. Голодранцев успокоился и начал готовиться к моменту реализации ценной продукции.

Прежде всего он, не меняя режима рабочего дня, изменил расценки, увеличив их на двадцать процентов. Но в то же время добавил некоторые изменения и в подготовку хрена к реализации. Стал предлагать хрен мытый, хрен чищенный, хрен рубленный и хрен протёртый.

В двухметровом заборе прорезал подобие окна и соорудил небольшой прилавок.

Не буду напрягать тебя, дорогой мой читатель, описанием реализации известного продукта. Всё, как говорится, было путём. И настолько, что Сидор Евсеевич, израсходовав часть доходов, выправил покосившуюся хибару и, обшив её тёсом, покрыл крышу кровельным гонтом. После чего залёг на свою любимую панцирную сетку с томиком Дюма дожидаться следующего летнего доходного периода.

И он пришёл, полный тревог за будущий урожай. Заметив зазеленевшие листочки, Сидор, отложив тридцатый дочитанный том Александра Дюма, поспешно вышел в огород. Зелёные ростки ожидаемого корнеплода на несколько сантиметров вылезли из земли и торчали как заячьи ушки. Но эти ушки приве-

ли депутата-фермера в неопиcуемый тревожный трепет. Они были гораздо реже прошлогодних. И сколько Голодранцев не ходил в огород по нескольку раз в день, гуще они не стали.

Чтобы не допустить снижения доходов, Сидор Евсеевич решил у себя в доме проводить полный технологический процесс готовой продукции. Закупив подешевле стеклянную тару, они с Устиньей Ермолаевой сами стали производить продукт под названием «Хренодёр» и увеличили цены на пятьдесят процентов. Их постоянные клиенты брали готовый продукт нисколько не хуже, чем полуфабрикаты.

И тут новые аграрии допустили непоправимую ошибку. В погоне за прибылью Сидор вырыл в огороде не только хрен, но и все мелкие отросточки.

Прибыль опять была приличная. И часть денег он пустил в дело с большой надеждой на будущее. Он построил рядом с домом (халупой назвать этот дом теперь язык не поворачивается) магазинчик. И, купив книгу Льва Толстого «Война и мир», в четырёх томах, поудобней устроившись на панцирной сетке на новой простыне, углубился в чтение в ожидании следующего лета.

Но чтение романа «Война и мир» продвигалось не так быстро, как сочинений Александра Дюма. Во-первых, мешали переводы с французского, которыми то и дело щеголял великий писатель. Во-вторых, Голодранцева начали посещать назойливые видения, в которых он из аграрного фермера превращался вдруг в олигарха средней руки. А почему и нет? Большинство олигархов нажили свой капитал хищнической распродажей земельных ресурсов. И Сидор Евсеевич представил себе, что он богатеет тоже от реализации выданных ему природой ресурсов, хрен-то он не сажал, поле не удобрял, всё дала природа. Мысль стремительно несла его дальше: вот они с олигархом

Казнокрадовым вместе отдыхают в Альпах в Швейцарии, расположились на зелёной лужайке, швейцарцы жарят им шашлык, нарезают различные виды сыров и закупают свежий йогурт. Они же с приятелем попивают виски, коньячок и между выпиваемыми рюмками похлопывают по толстым ляжкам грудастых девок. Дойдя до крайности, Сидор опасно озирался на Устинью Ермолаевну, вздыхал и хватался за книгу, но мысли на войну либо мир направить ему не удавалось.

И вот оно, лето, пришло. Отложив недочитанный четвёртый том «Войны и мира», Сидор Евсеевич вышел в огород. О, ужас! Лучше бы он этого не делал либо малость повременил. Хотя чего тянуть кота за хвост. Доходное поле было пусто, даже сорняков не было видно нигде. Хозяин метался по огороду, рыл руками землю. Сходил за лопатой, пытался копнуть поглубже. Всё! Нет ничего, как говорится, кранты!

И тут нам с тобой, дорогой мой читатель, приходит на ум одна справедливая мысль: «Из земли-матушки нужно не только вытягивать всё до основания, но и давать ей, родимой, не жалея, всё то, что требуется для её плодородия».

Это бы нужно помнить и правителям нашим, недра земные не бездонны. Гоним газ и нефть в разные стороны без меры. Как бы не пришлось однажды хвататься за лопату и ползать на коленях в поисках бесцельно израсходованных ресурсов. Да поздно будет. Нельзя жить одним днём. Но это всё преамбула, до неё нет никому дела.

Вернёмся к нашему фермеру-депутату. Что же теперь с ним творится? Два дня Сидор Евсеевич неподвижно лежал на своей панцирной сетке, горевал. Иногда даже можно было заметить струящиеся по его щекам горькие слёзы. На третий день встал, достал остатки денег в рублях, доллары трогать не стал. Ни-

чего не сказав Ульяне Ермолаевне, ушёл из дома в неизвестном направлении. К вечеру к новому магазинчику Голодранцевых подкатил грузовик. Из кабины вылез Сидор, забрался в кузов и начал разгружать гастрономические товары. На второй день вывеска на столбе была заменена. Теперь она гласила: «Гастрономические товары. Сидор и Устинья Голодранцевы».

Расписание работы менять не стали.

Вот, мой дорогой читатель, как ни крути, а проведение не обманешь. Уж, наверное, такая у села Горёвки карма: все депутаты в законодательном собрании района от этого села так или иначе занимаются либо будучи заниматься торговлей. Ну да Бог с ними!

10

А теперь настало время узнать нам, почему же так озабоченно чешет голову шариковой ручкой, сидя на своей кухне, депутат Сидор Евсеевич Голодранцев? А причина проста, тем развёрнутым листом бумаги, над которым склонился депутат, была декларация о доходах. И всё бы ничего, но открыв магазин, новый «спекулянт», как любил называть торговых людей Сидор, налогов по привычке не заплатил. От них он освобождался, будучи фермером, а на данном поприще отчисления были крайне необходимы.

«Всё перепишу на Устинью Ермолаевну», – подумав, решил он. Но тут на память пришёл инцидент, который обсуждался всем миром, произошедший с одним любимым артистом. Полюбил он молодку. Да так полюбил, что разума лишился, взял и переписал всё своё состояние на неё. А дама-то, оказывается, тоже любила до безумия артиста, но не за его красоту либо ум, а за его богатство. Любовь кончилась тем, что остался великий театральный деятель без штанов. Так-то делать необдуманные поступки в преклонном возрасте.

«Нет, этот вариант неподходящий, – сделал окончательный вывод Голодранцев, – поеду к Юрию Иннокентьевичу, он поможет».

Но Юрий Иннокентьевич не помог. И на следующий срок депутат Сидор Евсеевич Голодранцев допущен на выборы не был. Плюнув на все эти политические дразги, он поменял, наконец-то, свою фамилию Голодранцев на фамилию жены, стал Скоробогатовым и углубился в торговые отношения с частными лицами.

Кандидатами опять стали Огородников и Садоводников, к ним неожиданно присоединился Макар Бездежневый, надеясь так же, как когда-то Сидор Евсеевич, проскочить в депутаты, а в конечном итоге стать торговым предпринимателем. Но народ, наученный горьким опытом, на предвыборных слушаниях, заявил прямо:

– Нет, хватит нам торговых предпринимателей – депутатов, а то пойдёт нездоровая конкуренция. Нам в селе войны не надо!

И почти единогласно проголосовали за Огородникова.

11

Подведём итоги. Зачем же я, глядя в твои честные глаза, всё это писал?

Наверное, мне, как и тебе, хотелось, чтобы депутатами в местные законодательные собрания избирались люди всё-таки умные, способные решать вопросы, не только поднимая руки за предложения бюрократического аппарата, но и имели бы собственное мнение.

Чтобы они честно заполняли свои декларации и вовремя платили налоги.

И чтобы председатель избирательной комиссии, какая-нибудь Надежда Григорьевна, иногда шевелила бы мозгами при регистрации кандидатов.

А эти депутаты пример брали не только с Жириновского, но и обращались бы к более умным людям.

Хотелось бы, чтобы бюджет увеличивался прямо пропорционально уменьшению бюрократического аппарата, а не наоборот.

Чтобы депутаты и партийные деятели не могли прикрывать свои необъяснимые доходы чтением лекций за рубежом. А депутатская неприкосновенность не мешала бы следователю по особо важным делам иногда спрашивать с них за это.

Чтобы рубль укреплялся и рос не только в устах экономистов и политических обозревателей, но и в кошельке российского человека. И чтобы предпочтение отдавали ему, этому рублю, а не зелёному доллару, с изображёнными на нём мужиками в иностранных камзолах.

И особенно хочется, чтобы земельные ресурсы расходовались с умом, экономно, а доходы от их реализации шли на процветание нашей страны, а не на увеличение количества миллиардеров с их похотливыми замашками.

И уж, конечно, чтобы предприниматели торговали не только хреном или тем, что продаётся втридорога, а занимались производством разной продукции. Тогда уж точно в селе можно будет встретить доярку, птичницу, тракториста. А иногда и бригадира среднего звена. И уж тогда жители сёл будут жить не только на пенсионное обеспечение своих стариков.

Вот так, мой дорогой читатель, прикинув и проанализировав все желания наши в уме, мы обнаружили то, что они пока в основном остаются лишь нашими желаниями, и не больше того.

Выходит, мы встретились зря?

Или нет?

Я голосую за второе.

2018 год

СТИХИ

ПОЭТИЧЕСКОМУ ЧТЕЦУ

Не нужно быть великим мудрецом,
Поэзия чтоб рифмою блистала
И навсегда для нас любимой стала,
Быть нужно поэтическим чтецом.

Поэты! Перед вами преклоняюсь,
Тернист, но светел музы вашей путь,
Порою сам я рифмой увлекаюсь,
Но не затем, чтобы в овациях тонуть.

Не слава меня гонит на Парнас*,
Излить души порывы я пытаюсь,
Незлой имею замысел, но каюсь,
Прошу немного у бога и у вас:

Не отвергайте моего творенья.
Не нужно мне ни кубка, ни венца.
Хочу лишь, чтоб моё стихотворенье
Из уст звучало лучшего чтеца.

* Парнас – священная гора в Греции,
местопребывание Аполлона и поэтических муз.

КРЕСТЬЯНИНУ

До горизонта хлебные поля,
Отяжелевший колос наклонился,
Уважила кормилица-земля,
И урожай на славу уродился.

Небесная лазурь являет благодать,
Сияет поле золочёной нивой,
Молитву благодарности воздать
Готов крестьянин, гордый и счастливый.

Гордится тем, что труд зря не пропал,
Тем, что он землю, как дитя, лелеял,
Что днём и ночью пашню ту пахал
И, потом поливая, жито сеял.

А счастлив потому, что он теперь
Лютую зиму без труда перезимует
И сохранит весь скот свой без потерь.
Не страшно сытому – пускай она лютует.

Я не люблю ходить на юбилеи,
И даты своей жизни отмечать,
И юбиляра поливать елеем,
Предпочитаю лучше промолчать.

Я лицемерить не могу в застолье
И незаслуженной бросаться похвалой.
О том, что юбиляр прожил достойно,
Пусть произносит кто-нибудь другой.

Я не хочу, чтобы в мой адрес тоже
Елейной ложью слали похвалу,
И чувствовать душой своей и кожей
Готовую сорваться с уст хулу.

И лицемерить не могу у гроба,
Наклеив траурную на лицо печаль,
Посмешищем не оказаться чтобы,
Предпочитаю лучше промолчать.

ВАСИЛИЮ ФЁДОРОВУ

*Наше время такое:
Живём от борьбы до борьбы.
Мы не знаем покоя, –
То в поту, то в крови наши лбы.*

В. Фёдоров

Вновь покой потеряли,
Изменился наш путь:
К коммунизму шагали,
Вдруг пришлось повернуть.
Раньше вместе делили
Радость либо печаль.
Изменилась, Василий,
Наша светлая даль.
Затуманилась вроде –
Каждый сам по себе.
Один в золоте ходит,
Другой – в рваном тряпье.
И над Марьевкой тоже
Прошумели ветра,
Все живут кто как может,
Не гудят трактора,
Не растят больше хлеб,
Не пасутся коровы,
И колхозников нет,
Там все частники снова.
Да и это село
Все б давно позабыли,
Землякам повезло,
Проживал здесь Василий.
И лишь Яя течёт,
Как всегда неизменна,
Ей одной нипочём
Той борьбы перемены.

2012 год

ВАСИЛИЮ ФЁДОРОВУ

Вспоминаю, как-то в детстве
Шёл я в Марьевку пешком
Из села, что по соседству,
Посмотреть на странный дом.

Так в деревне говорили:
«В нём чужак стихи писал»,
Васькой был, да стал Василий,
Скоро мир о нём узнал.

Я ж, тогда ещё мальчишка,
Рассудил: «Обычный дом,
И зачем я долго слишком
Девять вёрст шагал пешком?»

А теперь готов часами,
С головою в серебре,
Говорить его стихами
На Назаркиной горе.

Удивляться: рядом жили,
Девять вёрст – подать рукой,
Одинаково любили
Яю-речку всей душой.

По родным местам бродили,
Но по разным временам,
Шёл по марьевским Василий,
Я ж – по ольговским лугам.

4 сентября 2018 года

АНАТОЛИЮ САУЛОВУ

*Будет тихо и странно
Угасание дня.
Будут зори и травы,
Но уже – без меня...*

А. Саулов

Посвист чистый и звонкий
Перепёлок в ночи,
На родимой сторонке
Серебрятся ручьи.
Льют весенние ливни.
И в мерцании звёзд
Строй тобою любимых
Белоснежных берёз.
Тихо шепчут листвою:
«Приходи, приходи,
Мы прильнём берестой
К твоей юной груди.
Ты взлети жаворонком
Над родимой землёй.
Устремляясь ввысь, звонко
Снова песню нам спой.
И в глазах твоих синих,
Как весной родники,
Пусть засветятся снова
Озорства огоньки.
Жаль, расстанемся вскоре
В угасании дня,
Будут травы и зори
Вспоминать про тебя».

ПОСЁЛКУ ЯЯ

Я помню Яю, всю в опилках,
Сельмаг зелёный, лесопилку,
Завод ремонтный, гастроном.
И речка Яя за окном
В лучах блестела серебром.
Пятую школу под горой,
Любил её я всей душой,
В неё спешил, забот не зная,
Вдоль по Украинской шагая,
По улице, где жил когда-то.
Ни нищим не был, ни богатым,
Звёзд с неба вроде не хватал,
Порой влюблялся и страдал.
Обломовым жил в частном доме,
Много друзей и тьма знакомых...
Окончил школу, институт.
Вдруг тесновато стало тут,
Ужасно это надоело –
Слоняться по углам без дела.
Оставил призрачный уют,
Решил узнать, как там живут
Другие люди, где нас нет.
И за судьбой рванулся вслед.
Скитался долго, видел много.
Была извиистой дорога,
По ней я шёл. И вот года
Вновь привели меня сюда.
Я снова в Яе. Нет опилок –
Развалины от лесопилок.
Везде асфальтные дороги,
Торговых точек очень много.
Вместо сельмага – Божий храм.
И пятой школы нет уж там.
А на Украинской нет дома.
Река сверкает незнакомо,
Словно подмигивая нам,
Мне и ушедшим вдаль годам!

Сентябрь 2018 года

У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

*Имя твоё неизвестно –
подвиг твой бессмертен*

Победу наша празднует страна,
Для всех – незабываемая дата.
Сад Александровский, Кремлёвская стена,
Могила Неизвестного Солдата.

Кем был он – пехотинцем иль танкистом?
Сапёром, переправы наводил?
А может быть, он был артиллеристом?
Или в разведку в тыл врага ходил?

Это неважно, где солдат служил.
Он жизнь свою за Родину отдал.
Пропавших без вести собой объединил,
Посмертным символом их героизма стал.

Сколько таких попало в окруженье?
Голодные, в изодранной одежде,
И день, и ночь они вели сраженье
За жизнь свою, не потеряв надежды.

Так было просто руки опустить
И сдаться в плен на милость супостата.
Разве могла такое допустить
Святая честь советского солдата?!

Из окруженья часто прорывались,
Товарищей в боях своих теряя.
Но многие назад не возвращались,
Погибли, в неизвестных превращаясь.

Кто тот солдат? Татарин иль узбек?
Иль русским был? Угадывать не надо.
Это неважно. Был он человек,
Прогнавший прочь фашистских гадов.

Кому-то сыном был, кому-то братом.
Женатым был, а может, не успел...
Родным для нас остался он солдатом,
Спасая мир, он сам не уцелел...

Вечный огонь летит сквозь времена,
Венок у ног солдата освещая.
Склонила голову великая страна,
Солдату почеть воздавая.

Март 2009 года

Умирают в России сёла,
Растерялся сельский народ,
Разбрелись гармонисты весёлые,
Песен больше никто не поёт...
Отчий дом навестить я приехал,
Много лет в том краю не бывал,
Отозвалось из прошлого эхо,
Торопился, но всё ж опоздал...
Сторона ты моя, сторонка,
Запустенье царит кругом,
Как горбатая старушонка,
Покосился мой отчий дом.
Не скрипят под ногою ступени,
Не выходит встречать меня мать,
Пробежав торопливо сени,
Чтобы сына скорее обнять.
Не дымится труба над крышей,
Печь не топленная давно,
Ставню ветер шальной колышет,
Прикрывая слепое окно.

Двор широкий зарос бурьяном,
Горбылём заколочена дверь,
Разметался забор, как пьяный,
Ощетинился, словно зверь.
Постоял, посмотрел уныло,
Застилает туманом глаза,
Болью сердце вдруг защемило,
Навернулась скупая слеза.

2015 год

За горизонт так хочется взглянуть,
К нему летим, и он вперёд стремится,
Нам бы чуть-чуть хотя бы отдохнуть,
Но вдаль душа несётся словно птица.

И так всю жизнь торопимся вперёд,
Спешим узнать, а что же дальше будет,
Куда судьба нас завтра приведет,
Какая на рассвете весть разбудит.

Вокруг не замечая ничего,
В надежде, что догоним своё счастье,
И делая все ставки на него,
Торопимся в день ясный и ненастье.

А лучше бы замедлить нам полёт
И оглянуться, может, оно рядом,
Спокойно и размеренно идёт
С улыбкою, лаская своим взглядом.

2009 год

С подлизами я с детства был знаком,
Они красиво спину изгибают,
Учтиво лижут губы языком,
Их масляные глазки не мигают.

За похвалу готовы всех продать,
Хитры и изворотливы уловки.
Всегда хотелось им по шее дать,
Но взрослые их гладят по головке.

Со временем их неизменен путь.
Став взрослыми, они уж подхалимы
И так же продолжают спину гнуть,
Угодливы и скользки, как налимы.
К ним быстро попадёте на крючок,
Когда «леща» они под вас запустят.
Но страшен их змеиный язычок,
Сначала льстят, затем тебя укусят...

Кто ползает, летать уже не сможет
И с высоты не рухнет в грязь лицом.
С плеча в горячке лишнего не рубит,
Но и протянет век свой подлецом.

2009 год

ДЕРЕВНЯ МОЯ...

Я уголок родной свой посетил,
Который малой родиной зовётся,
Словно воды живительной испил,
Но почему тревожно сердце бьётся?..
Забыта и заброшена деревня,
Райцентр же рядом – ходу три версты.
На сенокосах проросли деревья,
Всю пашню заняли крапивные кусты,

Коров уж нет – давно под нож пустили,
И трактора забрали за долги.
Безмолвно люди руки опустили
И самогоном свои залили мозги.
На улицах стоят дома пустые,
Слепыми окнами уставясь в темноту.
Лежат повсюду мужики хмельные,
Приткнувшись пьяной мордою к кусту.
И лишь погост могильными холмами
Растёт от года к году всё быстрее,
Хмельная смерть, стуча клыками,
Навеки в землю уложила мытарей.
Я очень рад, что все мои родные
Живут и не ударились в запой.
Трудяги, пахари передовые,
Навеки породнились с той землёй.
Я благодарен им, что веру не пропили,
Объединились в дружную семью,
Живут своим трудом и рады, что живые,
Не слушая тупую болтовню.
Не слушая пророчества пустые
О том, что скоро снова заживём,
Когда на выборы придём очередные,
Если не тех, а этих изберём.

14 июня 2009 года

Яйский район
Ольговка

В губернии все гармонисты
Собрались на конкурс в село.
Снуют по рядам журналисты,
Кто в кадре, тому повезло.

И будет здесь всё интересно,
Вокруг переборы звучат,
Занявшему первое место
Гармошку в награду вручат.
Крестьяне у Дома культуры
На лавках расселись рядком.
Ругают того, кто халтурит,
И хвалят, кто жжёт с огоньком.
Им в эту бы летнюю пору
Лелеять родные поля,
Надои чтоб шли резко в гору
И жито родила земля.
Но негде работать им боле,
Хозяйство в долгах, как в шелках,
В кредиты заложено поле,
И нет у коров молока.
Нет больше коровьего стада,
Пошло за долги с молотка.
Хозяина доброго надо,
Но вот не сыскали пока.
Июньское лето в разгаре,
Поёт, заливаясь, гармонь.
И все гармонисты в ударе,
В глазах их азартный огонь.
Но надо ж такому случиться,
В тот день в погашенье долгов
Увозят владельцу другому
Последних полсотни коров.
А зрители лупят в ладошки,
Не могут понять, почему
Под переливы гармошки
Несётся прощальное «му...».

12 июня 2013 года

Яшкинский район
Пача

В полях, где колосилось жито
И кукуруза раньше зрела,
Много глубоких нор нарыто,
Там барсуки взялись за дело.
А раньше трактора гудели,
Пахали пашню, боронили,
От перестройки обалдели,
Всё побросали, запустили.
Народ в деревне стал ретивый,
Трудом крестьянским жить не хочет,
«Чтоб депутат был справедливый» –
Любой в селе о том хлопочет.
Зачем на поле надрываться,
Корма готовить для скотины
И впрок картошкой запасаться?
На сто дворов – пять магазинов.
Пошёл – купил китайских яблочек
Или арабских апельсинов.
На полке бройлер, словно зяблик,
Видно, родился сразу синим.
Купить-то можно, денег нету:
Хозяин новый мало платит,
Расчёт ведёт мелкой монетой.
Гадают: «Их куда потратить?
То ль по налогам рассчитаться?
Или детей собрать им в школу?
Туда-сюда, не просчитаться б
И не остаться вовсе голым.
Отсюда нет к работе тяги,
Пьют самогон и чешут шею.
Переведутся работяги,
Пахать и сеять не сумеют.
Хозяин рук марать не хочет,
Ест европейскую свинину,
Одна лишь мысль сознание точит:
«Не надорвать бы только спину».

От дедов слышал, что когда-то
Кормил продуктами Европу
Крестьянин русский бородатый
И сам «от пуза, будто, лопал».
А может, дело не в крестьянах?
А в управленцах тех убогих.
Они в карман себе всё тянут,
Всеми «придельывают ноги».
Министров каждый год меняют
В хозяйстве сельском. Проку нету,
Они бюджет свой поправляют
И не стесняются при этом.
Такая грустная картина
Пером написана эпохи,
Один зажрался, как скотина,
Другой же радуется крохам.

9 августа 2013 года

Юргинский район
Талая

ЖЕНЩИНЕ

Я часто вижу женщину во сне,
Прекрасную, с печальными глазами.
Всем телом она тянется ко мне.
Вдруг пропасть возникает между нами.
Я просыпаюсь – сердце на разрыв.
Ещё бы миг – и мы соединились.
Как жаль, что прерван пламенный порыв.
Безвольно мои руки опустились.
Душою овладела вдруг тоска,
Но, проклиная нерешительность и робость,
Готов вернуться в сон я для броска
Последнего, чтоб перепрыгнуть пропасть.

Я преклоняюсь перед Вашей красотой,
Готов прильнуть к руке Вашей устами,
Склониться Вам на грудь седую головой.
О женская краса! Что делаешь ты с нами?!

Я тобой любовался, как ловко
Управляешь компьютером ты,
Крутой блогер, какая сноровка,
Современная львица мечты.
Я тебя целовал, ты застыла,
Как скала над пучиной морской.
– В чём причина?
– Компьютер забыла
Я в конторе своей заводской.
Без него я не знаю, что делать,
В этом случае как поступить?
До конторы мне нужно бы сбегать,
В интернете совета спросить.

*Для гостиниой «Светлана»
Колмогоровского дома культуры*

Над полями, над лугами
Песня русская летела,
И над Яшкинским районом
за сосну крылом задела.
Опустилась, огляделась,
в Колмогорово попала,
На реке Томи село то,
люду в нём живёт немало.
Пригорюнилась тут песня:
«Не взлететь, крыло сломалось».
По селу бродить со стоном –
видно, всё, что ей осталось.
Вдруг гурьбой из переулка
девки вывернулись стаей,
Зашумели, загалдели,
рады – песню повстречали.
Подхватили её дружно,
из груди девичей льётся
Эхом, с новыми крылами
над рекою вдаль несётся.
Тут и бабы подоспели,
в пляс пустились, разгулялись,
Удивительное дело,
«Разгуляем»* оказались.
Полюбилась людям песня,
петь и слушать её рады.
Пусть живёт в гостиниой нашей
исполнителям в награду.

10 июня 2019 года

* «Разгуляй» – фольклорный народный коллектив.

ПРИТЧИ, БАСНИ

ПРИТЧА О ТОМ, КАК БАРАН РАЗБОГАТЕЛ

В одном лесу всем управлял Олень,
Достоинно проводил он каждый день,
Трудолюбив был, честен и умён,
Угодничеством лишь не занимался он.
Для бюрократов – суцая гроза,
Всегда всем правду говорил в глаза.
Льву-губернатору написан был донос
О том, что будто бы Олень задрал свой нос
И хочет губернатора сместить,
Чтоб самому то место захватить.
Долго не думая, Олень был отстранён,
Понижен в должности, речами оскорблён.
И по хитро задуманному плану
То место было отдано Барану.
Баран депешу губернатору отправил,
Чтоб тот ворота новые поставил:
«Уставлюсь я на новые ворота –
И с плеч долой все лишние заботы».
К тому же подал сразу ходатайство:
«Мне нужен джип, чтоб объезжать хозяйство».
Ответ его, однако, огорчил,
Ворота дали, джип не получил.
В губернии пришли в недоуменье:
«Сначала покажи своё уменье.
Судить мы будем по делам твоим,
Увидеть новшество в делах твоих хотим.

Чтоб бывшие тебе не навредили,
Твоих помощников мы сразу заменили».
Баран собрал всю свиту – и вперёд,
В свои владения с ревизией идёт.
Идёт по полю лошадь им навстречу,
Хомут наброшен у неё на плечи,
А к хомуту привязана соха.
И видом животного не плоха.
Всю свою жизнь она поля пахала,
Поэтому и потом провоняла,
Зато родилась здесь хорошая трава,
Питалась ей вся жвачная братва.
И в том числе Баран со своей свитой.
Взглянув на лошадь, говорит он деловито:
«Такого запаха я не переношу,
За непригодностью в утиль её спешу,
А вместо лошади направим мы сюда
Немедленно на вспашку Верблюда,
С двумя горбами, столько он напашет –
От радости губерния запляшет».
И возразить никто Барану не посмел,
Решенье принято. Хомут оторопел,
Соха от возмущенья застонала.
Комиссия обход свой продолжала.
За лугом тем был расположен пруд,
Всю жизнь бобры хозяйничали тут.
Плотина прочная на том лугу стояла,
И чистая вода на солнышке блистала.
И к той воде протоптанной тропой
Ходили звери все на водопой.
Окинув взглядом водный сей простор,
Баран, подумав, вынес приговор:
«Плотина в этом месте не нужна,
Без пользы создаёт затор она.
А что касается лесного водопоя,
За лесом есть болото, под горою.

Бобров отправим в норы мы к кротам,
Пусть они вместе землю роют там.
А здесь пускай пока Свинья послужит,
С моей Овцою они крепко дружат.
Хавронья быстро наведёт порядок тут,
В грязи копать для неё – любимый труд».
И здесь он без труда решение нашёл,
Решил и дальше свиту вновь повёл.
Чтоб не возникли негативные нюансы,
Настал момент проверить и финансы.
Олень был умным, средств скопил немало,
Казной же этой Белка управляла,
У Белки был большой авторитет,
Служила безупречно много лет.
За светлый ум она сюда попала
И честно ту казну преумножала.
Счета все осмотрев, Баран взбодрился,
Богатству этому он даже удивился,
В нём алчность вспыхнула, и пот его пробрал,
Задравши голову, он свысока сказал:
«Мне кажется, большие здесь дела,
А Белка эта слишком уж мала.
Олень серьёзно, видно, ошибался,
Коль на неё он очень полагался.
Указ пишите: «Белку в шею гнать,
Ослу финансы в подотчёт отдать».
А так как тот Осёл из нашей свиты,
При дележе мы будем не забыты».
День пролетел, и на дворе уж ночь,
Передохнуть, пожалуй, все не прочь.
А завтра отчитаться поскорей,
Как много в жизнь проведено идей.
Что волноваться, мол, не стоит,
Любые планы можем мы освоить.
Отчёт приняв, Барана похвалили,
Американским джипом наградили.

Баран доволен, накатался всласть,
Овечке тоже нравится та власть.
Но вот беда, округу, где он правил,
Господь своим вниманием оставил,
И дьявол начал там вершить дела,
Вся его свита в «тяжкие» пошла.
Пока Баран глядел на новые ворота,
Решили они подленькое что-то.
Хотя и он был в общем-то не против.
Какой Баран от взяток нос воротит?
Верблюд хотя и был совсем горбатый,
Однако золотым руном богатый,
А так как он колючками питался,
Коварный план в мозги его пробрался.
Барану часть руна он уступил
И взяткой дружбу накрепко скрепил.
Два раза в бок хозяина лизнул,
Овце в полглаза подмигнул,
Вскоре – вино, застолье, вместе пили
И, распахав траву, колючек насадили.
Свинья тем временем плотину раскатала,
Вода в пруду скоро совсем пропала.
Захочешь тут попить иль искупаться,
В грязи лишь только сможешь замараться.
Свинья в той луже развалилась
И быстренько со всем определилась:
«Зверям здесь водопоя не видать,
А для друзей моих – ну просто благодать!
Для соплеменников лечебницу открою,
Лечебной грязи горы я нарою,
Смогу в короткий срок обогатиться,
С Бараном, жаль, придётся мне делиться».
Друзья, а что же делает Осёл?
Другим путём он тоже не пошёл,
Мы знаем, все ослы умом не так богаты,
Но этот быстро нанял адвокатов,

Барану крупный куш пообещал,
Льву самому на лапу тоже дал.
Кое-кого из свиты не забыл,
И вскоре банк коммерческий открыл.
В тот банк ушёл олений капитал,
Для вкладчиков же чёрный день настал.
Осёл мошенничать отлично научился,
Тот банк довольно быстро разорился.
Но управляющий в накладе не остался:
И сам богат да и с Бараном рассчитался.
А что ж в губернии? Неужто всё простили?
О чём там говорить! Барана похвалили!
Он в области новатором прослыл.
А как же? Банк коммерческий открыл.
Лечебницу ту тоже не забыли,
От медицины знак ему вручили,
А то, что свиньи только в ней лежали,
В отчёте этого совсем не указали.
Верблюда в фермеры произвели,
Колючки те за траву все зачили.
Поверьте, говорю вам без обмана,
В зачёте были не один – два плана.
На деле же – ужасный результат.
Баран, конечно, очень стал богат.
В округе же – ни травки, ни водицы,
Колючки лишь до областной границы.
Барану с его свитой наплевать:
Награбили добра и могут всё достать.
А как же с теми, кто плотины строил,
Хозяйство вёл и целину освоил?
Кто честно той земле добром служил
И капитала в результате не нажил?
Кому они нужны?! Про них давно забыли.
Денег не дают за то, что честные все были.
Презрительно Баран про них сказал:
«Всё, отработанный уж это материал.

Растяпы все ни дать ни взять,
А жили б по другому, если б умели воровать!»

О чём я рассказал, сейчас недиво,
А много ли тут лжи иль всё правдиво?
Не мне судить, а вам определяться.
На этом, думаю, пора мне закругляться.
Моральных выводов я делать здесь не стану,
Но есть вопрос: как долго управлять Барану?

1996 год

**ПРИТЧА О КРОТАХ-СЛЕПЦАХ,
МЕДВЕДЯХ-МОСКАЛЯХ,
ЛИСИЦЕ С КОСИЦЕЙ
И ЯСТРЕБЕ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ,
ЧТО НА МАЙДАН
РЕШИЛ ЯВИТЬСЯ**

Кроты-слепцы разволновались,
Толпою на майдан собрались,
Стали толкаться и кричать:
«Нужно правительство менять!
Нас довели они до ручки!
Все подлецы, достойны взбучки!
И обобрали нас до нитки,
Куда ни глянь, везде убытки.
Мы все сверкаем голым задом,
А тут Европа где-то рядом,
Хотим скорее мы туда,
Там очень вкусная еда».
Кричали долго, всё напрасно.
Из-за бугра сказали ясно:
«Весь шум и крик – пустышный труд,
В Европу нищих не берут».
Тут на майдан из подворотни
Проникли Псы из чёрной сотни,

Стали в рядах кротов слепых
Вносить раздор. Те на своих
стали бросаться без разбору,
В кровавый бой зашла та ссора.
Вдруг на майдан пришла Лиса,
Жовто-блакитная коса,
Давно она во власть хотела,
Но, как ни билась, не сумела
Взять президентскую суму.
Вместо правительства в тюрьму
Годами раньше вдруг попала,
Как видно, сало воровала.
Тут повезло ей. Беспорядки!
Правительство, намывлив пятки,
Метнулось сразу за границу,
Позволив ей освободиться.
И вот Лиса уж на майдане.
«Пришла поговорить я с вами, –
Так начинает речь свою, –
Всё расскажу, не утаю,
Напрасно вы друг друга бьёте,
Вы в этом правды не найдёте.
Там, за границею, вдали
Живут Медведи-Москали,
Они виновны в бедах наших
И заварили эту кашу,
Газ нам бесплатно не дают,
За всё валютою берут.
Их развелось у нас немало,
Житья от них совсем не стало,
Я объявляю им войну!»
«Несёшь хреновину одну! –
Тут из толпы кто-то ответил, –
Я что-то злобы не заметил
От тех Медведей-Москалей,
Несут добро они, скорей,
Нам помогать уже устали,

Что дали нам, мы промотали.
А что касается войны,
Умом мы не совсем дурны:
Пойдём войной на Москалей,
Не соберём своих костей».
Лиса ответом недовольна,
Такая речь хлестнула больно
По самолюбию лисицы,
Месть Москалям ей ночью снится
И днём покоя не даёт,
О ней мечтала круглый год.
А тут под общее волнение
Решила удовлетворенье
Преподнести своим мечтам,
Но не сложилось что-то там.
Пока Лиса и Псы из сотни
Смуту несли из подворотни,
Звери, что были поумней
И уважали Москалей,
Между собой объединились
И от смутьянов отделились
С землёй, где коротали дни,
Ушли в Московию они.
Их приняли в свои объятья
Медведи – были они братья,
Но много лет тому назад
Один властитель-супостат,
То ль сдури или пьяный был,
Вместе с землёю подарил
Стране, что значилась союзной,
Живое всё, как хлам ненужный.
Счастливый наступил исход,
Домой вернулся тот народ!
А на майдане между тем
С ума сошли почти совсем.
Лисице прищемили хвост,
Опять ей не достался пост.

Под визг и лай голосовали,
Собак в правительство избрали,
Из чёрной сотни, самых злобных,
Для заграничных Псов угодных.
Затем совместно стали лаять,
Пытаясь Москалей охаять.
Советник Ястреб приказал
Поднять им бешеный скандал.
Он прибыл из-за океана
Совместно разработать планы,
Как всё устроить похитрей,
Скандал свалить на Москалей.
Советник из-за океана,
Лиса и Псы с того майдана
И из Европы хищных стая,
Кротам-слепцам мозги вправляя,
Всем обещали жить без горя,
Тёплый приём в Европу вскоре.
И там при встрече улыбнутся,
Коль от Медведей отвернутся.
Услышав, как прекрасно там,
Примкнули хищники к Кротам.
И разношёрстная та стая,
Всё на пути своём сметая,
Рванулась вслед за вожаком.
То Ястреб. Он вам всем знаком.
Где б ни случилось вдруг волнение,
Он тотчас тут, без промедленья,
В сопровожденье волчьей стаи
В дела чужие нос пихает.
Демонстративно лапой сжатой
Флаг держит звёздно-полосатый.
Он сам себе давно внушил,
Что землю всю уж покорил.
Вот и сейчас Кротов безмозглых,
Построив всех под флагом звёздным,

Окинул сверху хищным взглядом
И приказал, что делать надо.
Летит по небу он вперёд
И сверху голос подаёт,
А на призыв тот с высоты
Внизу бегут слепцы Кроты.
За океан их пригласили –
Несутся, не жалея силы,
Забыв про родину свою.
«Жить будем скоро как в раю, –
Их вожаки в толпе кричат, –
И не воротимся назад».
Бегут вперёд, в мозгах – туман,
Никто не думал, что обман
Задумал Ястреб заграничный,
А для него тот ход – привычный.
Заметил сверху он, что вскоре
Земля кончается, и море,
Волнуясь, в берег волной бьётся,
Совсем немного остаётся.
Ещё рывок – слепцы-Кроты
Упали в море с высоты
Могучих просолённых скал,
Никто об этом не узнал.
Лишь только ветер засвистал –
И их накрыл девятый вал.
А Ястреб развернулся вспять,
Вернулся дальше разорять
Родную землю тех Кротов,
На подлость он всегда готов.

Над притчей можно посмеяться,
Но в дураках чтоб не остаться,
Не нужно быть слепым кротом,
Чтоб не раскаяться потом.

2014 год

ПРИТЧА О ТОМ, КАК ПОСТРАДАЛ БАРСУК, ЗАКЛЮЧИВ ДОГОВОР С МЕДВЕДЕМ БЕЗ АДВОКАТА

Несоответствие по службе углядев,
Медведя из берлоги выгнал Лев.
Испытывая смертную тоску,
Направился наш Мишка к Барсуку.
«Послушай, брат, – он Барсуку сказал, –
Ты старый, много в жизни повидал,
Постигла меня страшная беда,
Уволен я со службы навсегда.
Ты подскажи, как дальше поступить,
Мне без портфеля и берлоги не прожить».
Барсук подумал, ухо почесал,
Прищурившись, совет Медведю дал:
«К своей берлоге, знаю, ты привык,
Бездельничал, скажу я напрямик,
Теперь пришла пора и поработать,
Коль кресло получить тебе охота.
У Льва был заместителем Осёл,
На пенсию позавчера ушёл,
Хозяйством занимался он у Льва,
Чай подавал, колол порой дрова.
Я помогу тебе устроиться на службу,
Имею крепкую со Львом давно я дружбу.
Ты ж покажи усердие в делах,
Авторитет чтоб рос, как на дрожжах.
А Лев уходит скоро на покой,
Его заменит кто-нибудь другой,
А как начнут другого избирать,
Кандидатуру твою буду выдвигать.
Я агитацией займусь среди зверей
И подключу редакторов-друзей.
Прошу потом всё это не забыть,
Коль мне придётся что-то попросить».

«Всё сделаю, – Медведь пообещал, –
Коль ты идею мне хорошую подал».
Вот тут бы надо адвоката пригласить
И эту сделку договором закрепить,
Но не додумался до этого Барсук,
Решил, что Мишка – настоящий ему друг.
Как сговорились, всё произошло,
На выборах Медведю повезло,
Он всем работать честно обещал,
В конце концов на место Льва попал.
Время прошло, Медведь наш раздобрел,
На службе, сидя в кресле, не потел.
Про обещания свои совсем забыл,
Не тратит на работе много сил.
Барсук тем временем совсем уже ослаб,
Поднять не может заболевших лап.
А тут ещё несчастье случилось,
Нора от ветхости у входа обвалилась.
Кой-как на костылях больной Барсук
Отправился к Медведю – старый друг!
Войти в приёмную берлоги попытался,
Не смог пробиться, как он ни старался.
Лиса чуть не прибила костылём,
Была в берлоге той секретарём.
Услышав шум, Медведь позвал Лису:
«Что за дебош у нас царит в лесу?
Кто там, в приёмной, шум такой поднял?
Пусть прекратит немедленно скандал!»
«Барсук пришёл. Он говорит, вам друг,
Нора как будто завалилась вдруг
И что когда-то он вам помощь оказал,
От вас такого ж требует, нахал!»
Нахмутив лоб, Медведь сказал сердито:
«Такого я не помню паразита,
Чтоб помощи моей просил по блату,
Скажи, чтоб ему выдали лопату,

Пусть сам себе идёт он нору роет,
По пустякам меня не беспокоит.
Ещё раз зашумит, не пожалею,
Скажу, чтоб выгнали нахала в шею».

В беду Барсук попал без адвоката,
За все старанья получил лопату,
А если б было всё по договору,
То починил бы Мишка ему нору.

2013 год

БУНТ МЫШЕЙ...

Притча

Однажды взбунтовались мыши:
Еда не та, и кот на крыше
Спокойно жить им не даёт,
И в норах сыро круглый год.
Подняли писк на всю округу,
Готовы морду бить друг другу
Или за волосы таскать:
«Нужно виновного искать,
Кто же довёл до такой жизни?
Хотели жить при коммунизме,
Чтоб целый день в норе лежать
И хлеб с колбаскою жевать.
Когда же этот день настанет?
Мы ждать его уже устали.
Пойдём немедля к вожакам,
Пусть они точно скажут нам,
Кода же жить мы будем лучше?
Возьмём петлю на всякий случай,
Коль не получим мы ответа,
В петлю загоним их за это».
Но вожаки не дожидались,
Услышав шум, все разбежались.

Собрались мыши на совет:
«Нам в коммунизм идти иль нет?»
Тут дело вновь дошло до драки,
Многопартийность забияки
В своей стране провозгласили,
В капитализм поворотили.
И как-то так сама собой
Жизнь у мышей стала другой:
Те, что с большой и наглой мордой,
Их мало, зато взгляд их гордый,
Заняли лучшие из нор,
Зерном завален весь их двор.
Жизнь стала как при коммунизме,
Другой не надобно им жизни.
А из сырых и тёмных нор
На них уставились в упор
Голодные и злые мыши,
От новой жизни еле дышат.
Мордатые же тут решили:
«Чтоб ещё лучше все зажили,
Пора избрать нам вожака»,
Его-то не было пока.
Худые с ними согласились
И временно объединились.
А выбор пал на демократа,
Для всех он был роднее брата.
В жизни ему, видно, влетало:
Рука (нога) его была беспалой.
Но демократом сильным был
И водку русскую любил.
Как только мыслить начинал,
Без меры горькую хлебал.
Избрали, он решил напиться,
Потом не мог остановиться.
Среди мышей начался мор,
Ни зёрнышка в амбарах, сор

Да паутина по углам.
Раздолье стало лишь котам,
Не только местные кусают,
Но иностранцы прибегают.
Вот так живут. Вожак хмельной
Всегда доволен сам собой.
По границам разъезжает,
Его там с радостью встречают.
Всё вывез иностранцам в дар,
Пустым оставил свой амбар.

Мы уподобились мышам,
Бардак везде: и тут, и там.
Кого вождём себе избрали?
Иль пьяные голосовали?
Пора и нам определиться,
Советников из-за границы
Скорее нужно в шею гнать,
Чтобы страну не потерять.

Январь 1997 года

Я И МЫ

Вот буква Я выпячивает грудь
И не даёт тщеславному уснуть.
«Вот это я, а это всё моё,
Все остальные – неучи, жульё.
Когда б не я, всё плохо б было тут,
Пусть почести мне миром отдают».
Пока тщеславный якал,
«МЫ» пришла, порядок в доме навела,
Всё не спеша поставила на место,
Без помпы и без шумного оркестра.
А после молча села отдохнуть,
Чтоб на дела свои со стороны взглянуть.
Тщеславный же измученно сказал:
«Нет больше сил моих, настолько я устал,

Пойду всем расскажу, чтоб услышали,
Как много я свершил, и буду ждать медали».

Мораль сей басни такова:
С тщеславным трудно быть в одной упряжке,
Чтоб вы не сделали все вместе, господа,
Заметен лишь труд необычно тяжкий.

1980 год

КОЗЁЛ, ЗАПЕВШИЙ СОЛОВЬЁМ

Один Козёл на сцене блял,
Как видно, замысел лелеял,
Что не козёл он – соловей.
Был горд персоною своей.
Коза ему рукоплескала,
Одна она лишь только знала,
Как по ночам он струны рвёт
И то ли блеет, то ль поёт.
Кроме того, писал рассказы,
Под Шукшина косил, зараза.
И не могу я вам солгать:
Хороших написал штук пять.
Он два на конкурс отослал
И лауреатом сразу стал.
Вот почему так возгордился,
Решил, что многого добился,
Засело убежденье в нём,
Что козлетонит соловьём.
К тому ж теперь он лауреат,
Ну, в общем, чёрт ему сам брат.
Считал, что он большой политик,
В литературе главный критик.
Определил в один момент,
Что слаб в России президент,

У всех писателей в Союзе
Идейный взгляд довольно узок.
Про тех, кто званья не имел,
Козёл и слушать не хотел.
Памфлеты злобные писал,
В них свиньями всех называл
И недостойными скотами.
Вот так глумился он над нами.
Всё б ещё долго продолжалось,
Но проявил Господь к нам жалость.
Козёл однажды, выступая,
У сцены не заметил края,
В гордыне голову задрал,
Хотел взлететь, но вниз упал.

Коль тебя злоба распирает
Иль гордость – не заметишь края.
Не соловей ты. Слава богу!
Поверь – козлы летать не могут.

2015 год

ОТ ГОДА СОБАКИ – К ГОДУ СВИНЬИ

В красной шапке, с красным носом
дед фигачит по морозу,
В шубе, с палкой и мешком
да с бухим снеговиком.
Рядом Свинка в каблуках
и Снегурка на рогах.
Сзади Пёс, поднявши хвост,
с костью в пасти, сдаёт пост.
Коль увидишь этот сброд,
значит, встретил Новый год!

Любовь Башева,
30 декабря 2018 года

ПАРОДИИ

РАССТАЛИСЬ ПО-АНГЛИЙСКИ

Когда дожди хлестали яростно по окнам,
Ты разглядеть меня могла в волне портьер,
Как я бреду по тротуару одинокий –
Тобою, гордою, забытый кавалер.

Я шёл, фантазий полон в каплях серебристых:
В мечтах готовишь ты мне что-нибудь поесть.
Реально, даже безупречный твой английский
Мне не доступен, как вершина Эверест.

С. Чернопятов

Хотелось есть, я был как волк голодный,
К тебе спешил, чтоб голод утолить.
Но без акцента, с интонацией свободной
Ты стала по-английски говорить.

Мол, уходи, совсем ты здесь не нужен,
Стихи твои, как горы Эверест,
Мне не доступны. Ты не будешь мужем,
Таких полно валяется окрест.

Я ни черта не знаю по-английски,
И всё ж по интонации твоей
Я уловил, что стал тебе неблизким.
Пнув дверь, подъезд покинул поскорей.

Ты в щелочку, портьеры отодвинув,
Глядела, как тащусь я под дождём,
И, яростно почёсывая спину,
Готов был глаз я выколоть гвоздём.

АЛКОГОЛЬНАЯ БЛАЖЬ

Улица 40 лет Октября

Взяв в помощь пол-литра с закуской,
Я тысячный раз свой вопрос задаю:
– Зачем ты звучишь не по-русски <...>

Казённые эти твои «сорок лет»
Так грубы и так не приличны.
Хотелось тебе песни сложить, хоть куплет –
Так рифмы все косноязычны.

С. Чернопятов

Пол-литра я выпил, слегка закусил,
Иду, голова закружилась.
Стоит гражданин, у него я спросил:
«Где я? Расскажи, сделай милость!
Как будто бы в центре Вселенной стою,
Для тайн, видно, нужный здесь климат.
И улицу эту я не узнаю,
К тому же забыл своё имя».
Сказал гражданин: «Нужно меньше вам пить,
Поэту глупить неприлично».
Хотелось стихом мне его поразить,
Но рифмы все косноязычны.
А впрочем, всё это пустяк для меня,
Я часто сто грамм принимаю,
А после средь ночи иль белого дня
Стишки под хмельком сочиняю.

КАК МНЕ ЛУЧШЕ КО ДНУ ПОЙТИ

Кто всплывал, кто с отрыжкой желчною
С русским миром шёл прямо ко дну.
И по волнам бегущая женщина
Сожалела, что я утону...

Е. Худобин

По волнам быстро бегала женщина,
Горевала, что я утону.
Я ж плевался отрыжкой желчною,
С миром русским шагая ко дну.
Шёл и думал: «В чём разница видится,
Без отрыжки иль всё-таки с ней,
Мне ко дну с русским миром приблизиться?
Или всё ж захлебнуться скорей?»

СТРАДАНИЯ ПРОЗАИКА

У прозаика – тяжкая доля: сомненья, неврозы,
Поиск темы, собратьев по творчеству хмурые лица <...>
Гормональные выбросы – это не пища для прозы,
А поэзии – в качестве допинга – могут годиться.

А. Русских

Сомневаясь, прозаик, на тяжкую долю ссылаясь,
Поиск темы неврозом в спине у него отозвался.
А затем гормональный вдруг выброс желёз
разыгрался –
И поэтом прозаик почти что тотчас оказался.
Но, увидев собратьев по творчеству хмурые лица,
Он подумал, что допинг такой никуда не годится.
Из поэтов в прозаики снова, вздохнув, обернулся,
«Без меня их полно!» – закричал и в поту весь
проснулся.

СОДЕРЖАНИЕ.

Рыжик. Повесть о рыжем коне.....	5
Летят утки... Рассказ бывшего партийно-хозяйственного руководителя.....	177
Прямая линия. Рассказ.....	241
Каталка. Медицинский рассказ непрофессионала.....	257
Декларация. Рассказ.....	294

СТИХИ

Поэтическому чтецу.....	334
Крестьянину.....	335
«Я не люблю ходить на юбилеи...».....	335
Василию Фёдорову.....	336
Василию Фёдорову.....	337
Анатолию Саулову.....	338
Посёлку Яя.....	339
У Могилы Неизвестного Солдата.....	340
«Умирают в России сёла...».....	341
«За горизонт так хочется взглянуть...».....	342
«С подлизами я с детства был знаком...».....	342

Деревня моя

«Я уголок родной свой посетил...».....	343
«В губернии все гармонисты...».....	344
«В полях, где колосилось жито...».....	346

Женщине

«Я часто вижу женщину во сне...».....	347
«Я преклоняюсь перед вашей красотой...».....	348
«Я тобой любовался, как ловко...».....	348
«Над полями, над лугами...».....	349

ПРИТЧИ, БАСНИ

Притча о том, как Баран разбогател	350
Притча о Кротах-слепцах, Медведях-Москалях, Лисице с косицей и Ястребе из-за границы, что на майдан решил явиться.....	355
Притча о том, как пострадал Барсук, заключивший договор с Медведем без адвоката ..	360
Бунт мышей.....	362
Я и Мы	364
Козёл, запевший соловьём	365
От года Собаки – к году Свиньи.....	366

ПАРОДИИ

Расстались по-английски	367
Алкогольная блажь	368
Как мне лучше ко дну пойти.....	369
Страдания прозаика	369

Литературно-художественное издание

Башев Николай Алексеевич

ПОВЕСТЬ О РЫЖЕМ КОНЕ

Повесть, рассказы, стихи, басни, пародии

Редактор *Е. В. Фефелова*
Корректор *Н. В. Стрелкина*
Компьютерная верстка,
дизайн обложки – *П. Б. Исаков*

Подписано в печать 20.10.2019. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «NewBaskerville». Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,53.
Тираж 220 экз. Заказ № 196

Адрес издательства и типографии ООО «АИ Кузбассвуиздат»:
650099, Кемеровская область, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б.
Тел. 8 (3842) 36-36-00.

E-mail: 58293469@mail.ru, vuzizdat@gmail.com